

Петр
УСПЕНСКИЙ
СИМВОЛЫ ТАРО
РАЗГОВОРЫ
С ДЬЯВОЛОМ

Свыше сорока изображений карт Таро
Объяснения символики Таро

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Петр Успенский
(1878–1947)

Петр Успенский

СИМВОЛЫ ТАРО

Философия оккультизма
в рисунках и числах

РАЗГОВОРЫ С ДЬЯВОЛОМ

Оккультные рассказы

творческое объединение
Алькор

*Совместный проект издательства СЗКЭО
и переплетной компании
ООО «Творческое объединение „Алькор“»*

Санкт-Петербург
СЗКЭО

ББК 84(2Рос-Рус)6-44
УДК 811.161.1
У77

Первые 100 пронумерованных экземпляров
от общего тиража данного издания переплетены мастерами
ручного переплета ООО «Творческое объединение „Алькор“»

Классический европейский переплет выполнен
из натуральной кожи особой выделки растительного дубления.

Инкрустация кожаной вставкой с полноцветной печатью.

Тиснение блинтовое, золотой и цветной фольгой.

6 бинтов на корешке ручной обработки.

Использовано шелковое ляссе, золоченый каптал из натуральной кожи,
форзац и нахзац выполнены из дизайнерской бумаги Malmeo
с тиснением орнамента золотой фольгой. Обработка блока
с трех сторон методом механического торшонирования
с нанесением золотой матовой полиграфической фольги горячим способом.

Оформление обложки пронумерованных экземпляров
разработано в ООО «Творческое объединение „Алькор“»

У77 Успенский Петр. Символы Таро. Разговоры с дьяволом. — Санкт-Петербург: СЗКЭО, 2023. — 192 с.: ил.

Сборник включает произведения известного философа, писателя, журналиста, путешественника и специалиста по эзотерике Петра Демьяновича Успенского (1878–1947), трудами о четвертом измерении которого зачитывались художники и философы начала XX века: «Символы Таро. Философия оккультизма в рисунках и числах» и «Разговоры с дьяволом. Оккультные рассказы». Книга интересна всем, кто интересуется не только картами Таро или символизмом, но и философскими вопросами жизни.

ISBN 978-5-9603-0910-3 (7БЦ)
ISBN 978-5-9603-0911-0 (Кожаный переплет)

© СЗКЭО, 2023

СИМВОЛЫ ТАРО

(СТАРИННАЯ КОЛОДА КАРТ)

Философия оккультизма в рисунках и числах

Воспроизведено в современной орфографии по

Издание 2-ое

ПЕТРОГРАД
«Литературная Книжная Лавка»
(Ижорская у-а., д. 14. м. 12)

1917

I

ЧТО ТАКОЕ ТАРО?

Никакое изучение оккультной философии невозможно без знакомства с *символизмом*.

Оккультизм и символизм — это почти одно и то же, потому что идеи оккультизма легче всего и чаще всего выражаются в символах, и редко даже могут быть выражены без символов.

Но символизм не есть что-либо такое, чему можно выучиться *просто*. Понимание символов, кроме знаний, требует особого склада ума, особых способностей, *творческого мышления, развитого воображения*.

Для человека, понимающего символизм в искусстве, *оккультный символизм* представляет меньше трудностей.

Но даже для людей, *чувствующих символы*, нужна особая подготовка или тренировка ума, чтобы они начали понимать «язык посвященных» и получили возможность передавать свои интуиции на этом языке.

Существует много систем для развития у людей, стремящихся к пониманию скрытых сил природы и человека, *чувства символов* — и для передачи им вместе с основными началами *тайного знания* элементов *эзотерического языка*.

Одной из самых интересных среди этих систем — *и наиболее синтетической* — является *Таро*.

У нас в России самостоятельной литературы о Таро не существует. Но на Западе есть много сочинений старых и новых, посвященных исключительно этому замечательному произведению человеческого или, может быть, даже сверхчеловеческого гения.

Что такое *Таро*?

По внешности — это *колода карт*, употребляющаяся для игры и гадания на юге Европы.

Карты эти известны с конца XIV века, когда они уже существовали у испанских цыган.

Есть несколько разных образцов Таро, состоящих из различного числа карт. Точной копией самого старинного Таро считается так называемое «Марсельское Таро».

Эта колода Таро состоит из 78 карт. Из них: 52 обыкновенных играль-ных карт с прибавлением одной новой «картинки» в каждой масти, имен-но *рыцарей*, которые помещаются между дамой и валетом; следовательно — 56 карт, разделяющихся на четыре масти, две черные и две красные, которые носят следующие названия: *жезлы* (трефы), *чаши* (черви), *мечи* (пики) и *пентакли* (или диски) (бубны).

И затем еще 22 нумерованные карты с особыми названиями, находящие-ся, так сказать, вне мастей.

1) Маг.	12) Повешенный.
2) Жрица.	13) Смерть.
3) Императрица.	14) Время (Умеренность).
4) Император.	15) Дьявол.
5) Колесница (Иерофант).	16) Башня.
6) Искушение.	17) Звезды.
7) Иерофант (Колесница).	18) Луна.
8) Сила (Справедливость).	19) Солнце.
9) Пустынник.	20) Воскресенье из мертвых
10) Колесо жизни.	21) Мир.
11) Справедливость (Сила).	0) Безумный.

В Марсельском Таро 8-я карта — *Справедливость* и 11-я — *Сила*. Составитель новейшего английского Таро Уэйт нашел, что эти две карты поставлены непра-вильно и переменял их места. Я удерживаю его нумерацию, и кроме того предпо-чел бы переменить местами 5-ю и 7-ю карты, которые, по моему мнению, *намерен-но* поставлены неправильно, так как *пять* есть число магии, а *семь* число религии.

Эта *колода карт*, согласно легенде, представляет собой чудесным образом до-шедшую до нас египетскую иероглифическую книгу, состоящую из 78 табличек.

Известно, что в Александрийской библиотеке, кроме папирусов и перга-ментов, было много именно таких *книг*, состоявших часто из очень большого количества глиняных или деревянных табличек.

Относительно Таро есть предание, что раньше это были *медали* с выбиты-ми на них изображениями и числами, затем *металлические пластинки*, затем *кожаные карты* и наконец уже бумажные.

Представляя собой по внешности колоду карт, *Таро* внутренне, действительно, представляет нечто совсем другое.

«Читать» его можно очень разнообразными способами.

Я приведу пример метафизического понимания общей картины или *общего содержания* «книги Таро», так сказать, ее *метафизическое заглавие*, которое легко покажет читателям, что эта «книга» не могла быть создана безграмотными цыганами 14-го столетия.

Таро разделяется на три части:

1-я часть — двадцать одна нумерованная карта;

2-я часть — одна карта № 0;

3-я часть — 56 карт, т. е. четыре масти по 14 карт.

При этом 2-я часть является звеном между 1-й и 3-й, именно в силу того, что *все 56 карт 3-й части вместе* равны одной носящей № 0.

Теперь, если мы представим себе 21 карту, расположенные в виде *треугольника* по 7 карт в стороне, в середине треугольника *точку*, которая будет изображаться *нулевой* картой — и вокруг треугольника *квадрат*, состоящий из 56 карт по 14 в стороне, то мы получим изображение метафизического отношения между *Богом, Человеком и Вселенной* — или между миром идей, психикой человека и физическим миром.

Треугольник — это Бог (Троица) или мир идей, или *нумеральный* (непостижимый, недоступный для чувственного восприятия) мир.

Точка — это душа человека.

Квадрат — видимый, физический или *феноменальный* мир.

Квадрат равен точке — это значит, что весь видимый мир заключается в сознании человека, *создается в душе человека*. А сама душа человека — это не имеющая измерения точка среди *Треугольника Духа*.

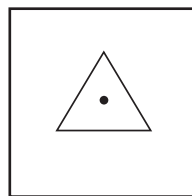
Ясно, что такая идея не могла явиться у невежественных людей, и ясно, что Таро это нечто большее, чем колода игральных и гадальных карт.

Еще правильнее передать идею Таро в виде треугольника (Дух), в котором заключен квадрат (материальная вселенная), в котором заключена точка (человек).

Я имею намерение дать только очень краткий очерк содержания книги *Таро*.

Прежде всего необходимо заметить, что Таро представляет собой *философскую машину*, имеющую несколько применений:

а) оно дает возможность *откладывать* в различных графических изображениях (подобно вышеприведенным треугольнику, точке и квадрату) метафизические идеи, трудно укладываемые или совсем не укладываемые *в слова*.

б) оно является *орудием ума*, необыкновенно усиливающим его способность к метафизической интуиции.

с) оно является незаменимым средством для гимнастики ума, для его тренировки, для расширения сознания, для приучения его к новым расширенным понятиям, к мышлению в мире высших измерений, к пониманию символов.

В бесконечно более широком, глубоком и разнообразном смысле *Таро* по отношению к метафизике и мистике представляет то самое, чем система счисления, десятичная или другая, является по отношению к математике.

Может быть это — только попытка создать такую систему. Но интересна даже попытка.

Для ознакомления с *Таро* необходимо знакомство с основными идеями *каббалы, алхимии, магии и астрологии*.

По очень правдоподобному мнению многих комментаторов *Таро*, оно представляет собой *конспект* герметических наук с различными их подразделениями.

Коснувшись *герметических наук*, т. е. наук, приписываемых Гермесу Тризмегисту, я должен сказать, что в сущности *все* эти науки представляют собой *одну систему* очень широкого и глубокого психологического изучения человека в его отношениях к миру нуменов (к Богу, к миру Духа) и к миру феноменов (к видимому, физическому миру).

Буквы еврейского алфавита и различные аллегории в Каббале; названия металлов, кислот и солей в алхимии; планет и созвездий в астрологии; добрых и злых духов в магии — это все были только средства *закрывать истину* от непосвященных.

Открытое изучение *теософии* было невозможно. Джордано Бруно решился выступить открыто и погиб на костре. А это было уже в XVI столетии.

Попробуйте опуститься дальше вглубь веков. Как можно было среди всей этой тьмы, невежества и суеверий говорить и действовать *открыто*?

Поэтому истинная сущность герметических наук *теософия*, в самом широком смысле этого слова, скрывалась под символами алхимии, астрологии и каббалы.

Причем алхимия ставила своей внешней задачей приготовление золота или исkanie жизненного эликсира. А астрология и каббала — гадание.

Но когда *истинный* алхимик говорил *об искании золота*, он говорил об искании золота в душе человека. А когда говорил о жизненном эликсире, он говорил об искании вечной жизни и путей к бессмертию. И *золотом* он называл то, что в Евангелии называется Царством Небесным, а в буддизме Нирваной.

И когда *истинный* астролог говорил о созвездиях и планетах, он говорил о созвездиях и планетах в душе человека, т. е. о свойствах человеческой души и о ее отношении к Богу и к миру.

И когда *истинный* каббалист говорил об имени Божества, он искал это *Имя* в душе человека и в природе, а не в мертвых книгах, не в библейском тексте, как делали каббалисты-схоластики.

Каббала, алхимия, астрология, магия — это параллельные символические системы психологии и метафизики.

Любую *алхимическую фразу* можно читать каббалистически, астрологически и пр., и смысл всегда будет психологический и метафизический.

Относительно алхимии очень интересно говорит в одной своей книге *Освальд Вирт*.

Алхимия в действительности изучала мистическую металлургию, т. е. операции, которые природа производит в живых существах; глубочайшая *наука о жизни* скрывалась здесь под странными символами...

Но такие грандиозные идеи заставили бы разорваться слишком узкие череп. Не все алхимики были гениями: жадность привлекала к алхимии искателей золота, чуждых всякому эзотеризму; они понимали все *буквально*, и их чудачества часто не имели границ.

Из этой фантастической кухни вульгарных шарлатанов получилась современная химия... Но истинные *философы*, достойные этого имени, любители или друзья мудрости, тщательно *отделяли тонкое от грубого с осторожностью и предусмотрительностью*, как этого требовала *Изумрудная Таблица* Гермеса Трисмегиста, т. е. отбрасывали смысл, принадлежащий мертвой букве, и оставляли для себя только внутренний дух доктрин.

В наше время мы смешиваем мудрецов с глупцами и отбрасываем целиком всё, не получившее официального патента.

Основу Каббалы составляет изучение *имени Божества* в его проявлениях.

Иегова по-еврейски пишется четырьмя буквами: иод, хе, вау и хе — I. H. V. H.

Этим четырём буквам придано глубочайшее символическое значение. Первая буква выражает *активное начало*, инициативу, движение, энергию, Я; вторая буква выражает *пассивное начало*, инерцию, покой, Не я; третья — *равновесие противоположностей*, «форму»; и четвертая — *результат или скрытую энергию*.

Каббалисты утверждают, что всякое явление и всякая вещь состоит из этих четырех начал, т. е., что каждая вещь и каждое явление состоит из *Божественного Имени*.

Изучение этого Имени (или по гречески тетраграмматона, т. е. *четверобуквия*) и нахождение его во всем составляет главную задачу каббалистической философии.

В чем здесь собственно дело?

Четыре начала, по словам каббалистов, проникают и составляют каждую вещь и все.

Поэтому, находя эти четыре начала в вещах и явлениях совершенно разных категорий, в которых он раньше не видел ничего общего, человек начинает видеть *аналогичность* этих вещей и явлений друг другу. И постепенно он убеждается, что все в мире построено по одним и тем же законам, по одному и тому же плану.

Обогащение интеллекта и рост его заключается в расширении его способности *находить аналогии*.

Поэтому изучение закона *четырех букв* или имени *Иеговы* представляет собой могучий способ *расширения сознания*.

Идея совершенно ясна. Если имя *Божества* действительно есть во всем (если *Бог присутствует во всем*), то все должно быть *аналогично* одно другому, самая маленькая часть *аналогична* целому, пылинка *аналогична* вселенной, и все *аналогично* Божеству.

Что наверху, то и внизу.

Метафизически это имеет следующее значение.

Кант остановился на том, что *мир* несомненно существует, но что наше *представление* о мире — ложно. Т. е. это значит, что действительно существуют вне нас лежащие *причины наших ощущений*, но что наше представление об этих причинах ложно.

Или, говоря иначе, что *мир в себе*, т. е. мир сам по себе, без нашего восприятия его, *существует*, но мы не знаем его и никогда не можем до него добраться, потому что все, что доступно нашему изучению, т. е. весь мир феноменов или проявлений — это только *наше* представление о мире. Мы окружены стеной наших *представлений о мире*, и не можем заглянуть *через эту стену* на реальный мир.

Каббала представляет собой попытку выйти из этого заколдованного круга. Она изучает *мир, как он есть*, мир в себе.

Мир в себе, по мнению каббалистов, состоит из *четырех начал*, изображаемых четырьмя буквами имени Иегова.

В алхимии четыре начала, из которых состоит *реальный мир*, названы *четырьмя стихиями* — это *огонь, вода, воздух и земля*, которые вполне соответствуют по значению четырем каббалистическим буквам.

В *магии* четырем стихиям соответствуют четыре класса духов: *эльфы, ундины, сильфы и гномы*.

В астрологии, это — *земля, знаки зодиака, планеты и солнце*, в свою очередь соответствующие физическому телу, «телу желаний», уму и духовному существу в нас. (Allan Leo.)

В апокалипсисе, это — четыре существа: одно с головой быка, другое с головой льва, третье с головой орла и четвертое с головой человека.

И вместе это *сфинкс*, изображение слитых вместе четырех начал.

Таро — совершенно аналогично каббале, алхимии, магии и астрологии.

Четырем началам, или четырем буквам имени Божества, или четырем алхимическим стихиям, или четырем классам духов, или четырем делениям человека (четырем апокалипсическим существам) в Таро соответствуют *четыре масти* — жезлы, чаши, мечи и пентакли.

Таким образом каждая масть, каждая из сторон *квадрата*, равного точке, изображает собой одну из стихий, *управляет* одним *классом духов*. Жезлы — это *огонь* или эльфы; чаши — это *вода* или ундины; мечи — это *воздух* или сильфы, и пентакли — *земля* или гномы.

Кроме того в каждой отдельной масти *король* означает *первое начало* или огонь; королева — *второе начало* или воду; рыцарь — *третье начало* или воздух и паж (валет) — *четвертое начало* или землю.

Дальше *туз* опять означает *огонь*; *двойка* — *воду*; *тройка* — *воздух*; *четверка* — *землю*. Затем *четвертое начало*, совмещая в себе три первые, является *началом нового квадрата*. Четверка является первым началом, пятерка вторым, шестерка третьим и семерка четвертым. Дальше семерка опять является первым, восьмерка — вторым, девятка — третьим и десятка *четвертым*, заканчивая собой последний квадрат.

Затем о *мастях* нужно еще сказать, что черные масти (*жезлы и мечи*) выражают активность и энергию, волю, инициативу, а красные (*чаши и пентакли*) выражают пассивность, инерцию и объективную сторону. И дальше две первые масти *жезлы и чаши* означают добро, и две вторые *мечи и пентакли* означают зло.

Таким образом каждая карта из 56 означает (независимо от своего числа) нечто активное или пассивное, доброе или злое, идущее от воли человека или приходящее к нему со стороны. Дальше *значения карт* комбинируются всевозможными способами из символического значения *мастей и чисел*. В общем 56 карт представляют собой как бы полную картину всех *возможностей* жизни человека.

На этом основано применение Таро для *гадания*.

Но философское значение Таро неполно без 22 нумерованных карт.

Эти карты имеют, во-первых, *числовое значение* и затем очень сложное *символическое*.

Взятые в *числовом значении* они образуют равносторонний треугольник, по семи карт в стороне с одной картой посередине — или семь квадратов, по

строенных по *закону четырех букв*, причем последняя буква первого квадрата является первой буквой второго и т. д.

Эти квадраты строятся следующим образом: для первого берутся первые четыре карты; для второго — 4, 5, 6, 7; для третьего 7, 8, 9, 10 и т. д.

1,	2,	3,	4,
4,	5,	6,	7,
7,	8,	9,	10,
10,	11,	12,	13,
13,	14,	15,	16,
16,	17,	18,	19,
19,	20,	21,	22.

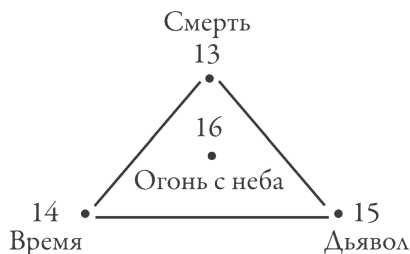
Каждая строчка цифр представляет собой *квадрат* или *треугольник с точкой посередине*. Последнее изображение даже удобнее.

Из точки среди треугольника выходит новый треугольник и т. д.

Из точки среди последнего треугольника или из точки среди *большого треугольника*, т. е. из карты № 0, выходят *четыре масти* (56 карт), изображающие собой четыре стихии, образующие видимый мир.

Каждый из семи треугольников выражает собой известную *идею*, известный *смысл*, который нужно найти и понять.

Я возьму для примера *пятый треугольник* — карты: 13, 14, 15 и 16. Они будут расположены в таком виде.

Символизм этого треугольника очень понятен. Он рисует те *обманы*, среди которых живет человек (смерть, время и зло) и которые навлекают на него *огонь с неба*. Взятый в целом это *треугольник лжи* и ее результатов.

Но те же самые карты, которые входят в этот треугольник в других комбинациях, могут иметь другое значение.

Литература, посвященная Таро, включает в себе, главным образом, толкование символических рисунков 22-х карт.

Очень многие писатели-оккультисты строили свои сочинения по плану Таро.

Но мы, читая их книги, часто даже не подозреваем этого, так как Таро не всегда упоминается.

Я укажу, например, на книгу «Неизвестного философа» Сен-Мартена — «*Естественная таблица отношений между Богом, человеком и вселенной*», — вышедшую в XVIII столетии и положившую начало известной школе западного оккультизма.

Именно в Таро, как говорит современный последователь Сен-Мартена д-р Папюс, нашел «Неизвестный философ» таинственные звенья, связывающие Бога, человека и вселенную.

Книга Сен-Мартена состоит из 22-х глав, посвященных каждая одной из нумерованных, символических карт Таро. Но Таро в этой книге ни разу не упоминается.

Затем — классическое сочинение по оккультизму «Dogme et Rituel de la Haute Magie» Элифаса Леви (1853 г.).

Относительно этой книги тоже бывает, что читающие ее не понимают ее отношения к Таро. Поэтому книга многим кажется темной. Ее нельзя читать без карт. Каждой из 22-х карт посвящены у Эл. Леви две главы, одна глава в первой части и одна глава во второй.

Из сочинений, относящихся к Таро, нужно еще указать другие книги Эл. Леви («Historie de la Magie», «La Clef des grands mysteres», «Le Grand Arcane» и др.), затем «Историю Магии» Христиана (на франц. яз. 1854 г.). Эта книга дает астрологические комментарии к 56 картам.

Затем очень известны книги Гюайта со странными аллегорическими названиями «На пороге тайны», «Храм Сатаны» и «Ключ к черной магии», к сожалению неоконченные. Первая из упомянутых книг — это введение; вторая посвящена первым семи картам, от 1 до 7 (из числа 22-х), третья вторым семи картам, от 8 до 15, и четвертая, которая должна была заканчивать эти пространные комментарии к Таро, не вышла.

Дальше интересны работы Освальда Вирта, реставрировавшего рисунки Таро по указаниям Элифаса Леви и Гюайта и, кроме того, выпустившего несколько интересных книг, посвященных герметическому и масонскому символизму.

Нужно упомянуть еще о работах А. Уэйта в Англии, давшего краткие комментарии к реставрированной в Англии колоде Таро и составившего небольшой библиографический указатель сочинений по Таро. Затем, из современ-

ных исследователей Таро представляют некоторый интерес Буржа, Декресп, Пикар и английский переводчик Каббалы Мак Грегор Матерс.

В заключение необходимо упомянуть о сочинениях д-ра Папюса, у которого есть две книги, посвященные специально Таро («Tarot des Bohemiens» и «Tarot Dinatoire») и в других книгах, напр. «Traite Elementaire», тоже есть кое-какие указания.

Сделанный перечень, конечно, не исчерпывает всей литературы, относящейся к Таро, но это те книги, которыми я пользовался при составлении настоящего очерка.

Кроме того нужно заметить, что библиография Таро никогда не может быть полной, так как самые ценные сведения и ключи к пониманию Таро можно найти в сочинениях по алхимии, по астрологии и по мистике вообще, авторы которых, может быть совсем не думали о Таро.

Так, например, для понимания *картины человека*, которую рисует Таро, мне очень много дала книга Гихтеля «Theosophia Practica» (XVII в.) и особенно рисунки в этой книге, а для понимания *четырех символов* Таро книга Poisson — «Theories et Symboles des alchimistes» (Теории и символы алхимиков).

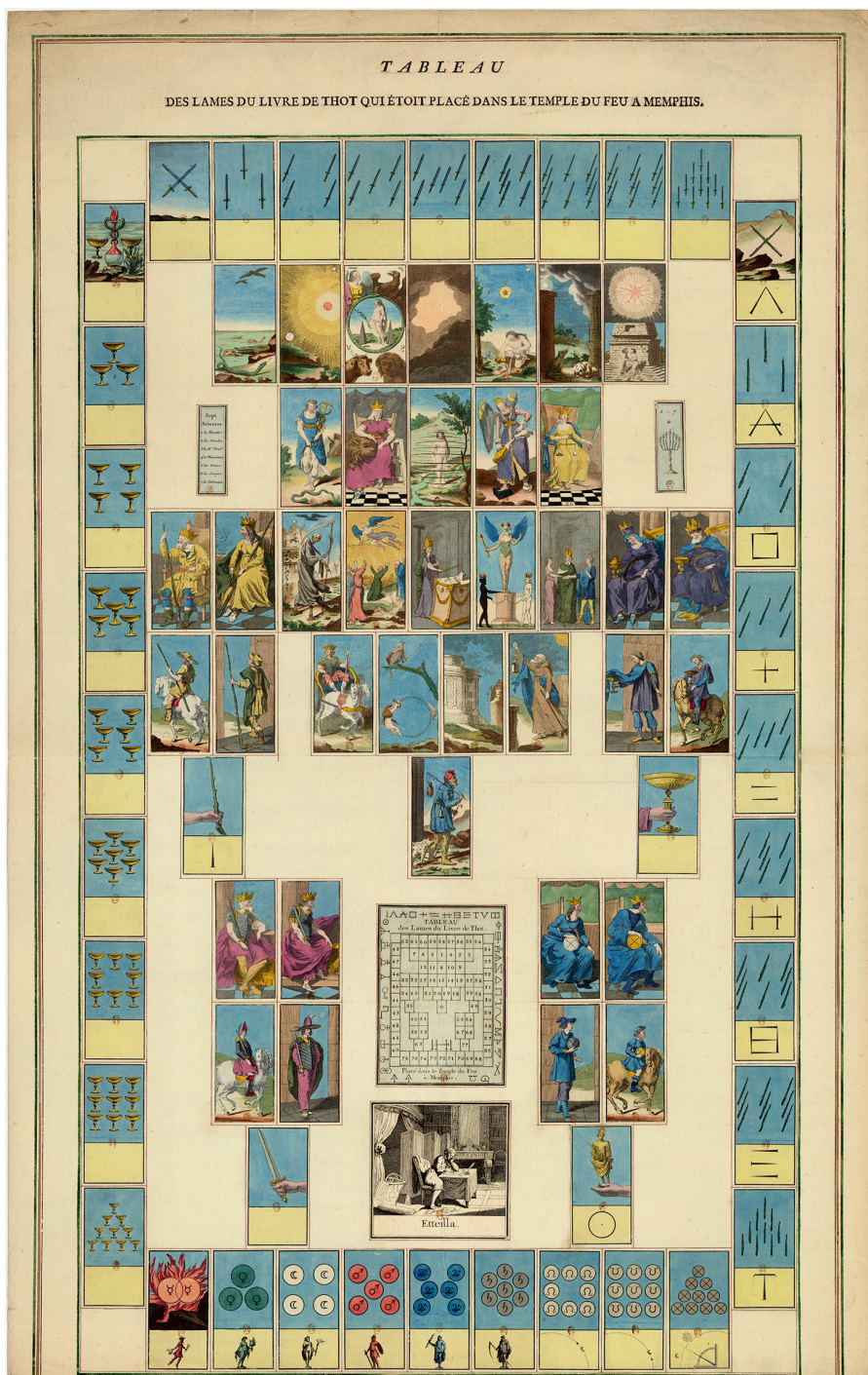
О Таро есть упоминания в книгах Е. П. Блаватской: и в «Тайной Доктрине», и в «Разоблаченной Изиде». И есть основания думать, что Е. П. Б. изучала Таро. Так, например, известно, что она любила *раскладывать пасьянсы*. Но из каких карт она раскладывала пасьянсы — это неизвестно. И очень может быть, что «пасьянсы» служили только средством скрывать от окружающих занятия, имеющие прямое отношение к оккультизму. Кроме того, мне рассказывали, что Е. П. Б. долго и упорно разыскивала одну рукопись, относящуюся к Таро.

В издававшемся при жизни Блаватской теософическом журнале «Theosophical Siftings» имеются две неподписанные статьи, относящиеся к Таро, в одной из которых очень сильно подчеркивается *фаллический* элемент, заключающийся в Таро.

Но, говоря вообще о *литературе* по Таро, я должен сказать, что изучение ее дает большое разочарование.

Работы большинства перечисленных авторов бесспорно интересны. Но вместе с ценным они дают очень много мусора, схоластического искания смысла *в букве*, слишком поспешных заключений, перескакиваний через трудные места, недодуманных положений, излишней сложности и *несимметрических* построений.

Между тем тот же Папюс говорит, что всякая сложность указывает на несовершенство системы. «Природа очень синтетична в своих проявлениях, и

*Карты Таро Эттейлы разложены в соответствии с их предполагаемым расположением в Мемфисе в Храме огня.
Включает гравюру Эттейлы (Жан-Батист Аллиетт, 1738-1791)*

простота лежит в основе ее самых по внешности запутанных феноменов», — говорит он.

Вот этой *простоты* и не хватает во всех объяснениях системы Таро, в том числе и в книгах Папюса.

Поэтому даже довольно обстоятельное изучение всех этих сочинений (кроме книги St. Martin, которая стоит особо) мало двигает читателя в понимании системы и символов Таро, и совсем ничего не дает в смысле указаний относительно того, каким образом практически обращаться с Таро, *как с ключом к метафизике*. Все авторы, писавшие о Таро, превозносят до небес эту систему, называют ее *универсальным ключом*, но не указывают, как этим ключом пользоваться.

Эл. Леви говорит в упомянутой книге (Dogme et Rituel).

Универсальный ключ магии есть ключ всех древних религий, — ключ Каббалы и Библии, — ключ Соломона.

Этот ключ, который много столетий считался потерянным, теперь найден, и мы имеем возможность открыть гробницы древнего мира и заставить древних мертвецов говорить, увидеть памятники прошлого во всем их блеске, понять загадку сфинкса, проникнуть во все святилища,

У древних пользование этим ключом разрешалось только главным жрецам, и секрет его сообщался только высшим посвященным.

Ключ, о котором идет речь, представлял собой иероглифический и числовой алфавит, выражающий буквами и числами ряд всеобщих и абсолютных идей.

Символическая *тетрада*, т. е. четверичность в мистериях Мемфиса и Фив, изображалась четырьмя формами сфинкса: человека, орла, льва, быка — совпадающих с четырьмя элементами или стихиями древних: с водой, воздухом, огнем и землей.

Эти четыре знака (и все аналогичные им четверичные сочетания) объясняют одно Слово, хранившееся в святилищах, которое никогда не произносилось, но писалось и читалось в виде четырех букв.

Таро — это поистине философская машина, которая удерживает ум от блужданий по сторонам, в то же время предоставляя ему полную инициативу и свободу, это математика в приложении к абсолютному, союз позитивного с идеальным, лотерея мысли, точная как числа, может быть простейшее и величайшее изобретение человеческого ума.

Человек, заключенный в тюрьму, и не имеющий никаких других книг кроме Таро, если он будет знать, как с ним обращаться, может в несколько лет приобрести универсальные знания и будет в состоянии говорить на любую тему с недостижимой эрудицией и с неистощимым красноречием.

Освальд Вирт говорит о происхождении Таро (цит. по книге Папюса «Tarot des Bohemiens».)

Согласно Христиану, двадцать два главных символа Таро представляют собой иероглифические картины, которые находились в пространствах между колоннами галереи, которую проходил неофит в египетских посвящениях. На северной стороне галереи было двенадцать колонн и такое же число на южной, следовательно по 11 символических картин с каждой стороны. Эти картины в надлежащем порядке объяснялись кандидату в посвящение — и они содержали в себе принципы и правила, которые должен был знать посвященный.

Эта легенда, а также некоторые идеи, высказываемые Виртом о символизме, навели меня на мысль, что ошибка всех, и в том числе моя, относительно Таро заключается в том, что мы ищем или надеемся получить *готовое объяснение* Таро, вместо того чтобы *создавать* смысл Таро.

Символ только до тех пор может служить для передачи наших интуиций и для наведения на новые интуиции, пока он не имеет *определенного значения*. Символизм — это непрерывное творчество, непрерывное движение. Получая определенное значение, символы превращаются в иероглифы, и в конце концов просто в азбуку. Они выражают тогда только простые понятия, перестают быть *языком богов* или *языком посвященных* и делаются языком людей, языком доступным всем, языком, *которому можно выучиться*.

То, что говорит Вирт в книге «Le Symbolisme Hermetique» о языке символов, в высшей степени интересно.

Символ можно всегда рассматривать с бесконечного количества точек зрения. И всякий мыслитель имеет право открывать в символе новый смысл, соответствующий логике его собственных понятий.

Символы в действительности и предназначены для того, чтобы пробуждать идеи, спящие в нашем сознании. Они возбуждают мысль путем внушения и заставляют, таким образом, открываться истины, скрытые в глубинах нашего духа.

Для того, чтобы символы могли говорить, необходимо, чтобы мы имели в себе зародыш идей, раскрытие которых составляет миссию символов. Но никакое раскрытие невозможно, если ум пуст, инертен или бесплоден.

Таким образом символы обращаются не ко всякому, не могут говорить всякому. И они особенно избегают умов, которые претендуют быть *положительными* и основывают свои рассуждения только на *неподвижных* научных или догматических формулах. Практическую пользу этих формул нельзя оспаривать,

но с философской точки зрения они представляют собой только замороженную мысль, искусственно ограниченную, остановленную, сделанную неподвижной настолько, что она кажется мертвой в сравнении с живой мыслью, неопределенной, сложной и подвижной, которая отражается в символах.

Совершенно ясно, что символы созданы не для того, чтобы излагать так называемые научные истины.

По самой своей природе, они должны оставаться эластичными, неясными и двусмысленными, как изречения оракулов. И их роль заключается в том, чтобы *раскрывать тайны*, оставляя уму всю его свободу.

В противоречие деспотическим ортодоксиям, символ благоприятствует независимости... Только символ позволяет освобождаться от рабства слов и формул и достигать возможности мыслить свободно. И без символов нельзя обойтись, желая проникнуть в *тайны* (мистерии), т. е. в те истины, которые так легко превращаются в чудовищные заблуждения, как только люди пытаются выразить их *прямым* языком, без помощи символических аллегорий. *Молчание, налагаемое на посвященных, находит в этом свое оправдание*. Оккультные тайны для своего понимания требуют усилия разума. Они внутренне освещают ум, но они не могут служить темой для рассуждений риторика. Оккультное знание не передается ни устно, ни письменно. Оно может быть приобретено только глубоким размышлением. Нужно углубиться внутрь самого себя, чтобы открыть его в себе. И находятся на ложной дороге те, которые ищут его вне себя. В этом смысле нужно понимать слова Сократа: *познай самого себя*.

В области символизма не следует стремиться быть слишком точным: символы соответствуют идеям, трудно схватываемым по своей природе, и которые совершенно невозможно свести к схоластическим определениям.

Схоластики приводят к последнему анализу только *слова*, т. е. нечто совершенно искусственное... Слово по своему существу орудие парадокса. Можно защищать путем аргументации всякую тему. Это происходит потому, что всякая дисциплина имеет дело не с реальностями, воспринятыми сами по себе, но только с их словесными изображениями, с фантазиями нашего духа, который часто позволяет обманывать себя этой фальшивой монетой нашей мысли.

Что отличает герметическую философию — это то, что она отходит от *слов* и углубляется в созерцание *вещей*, взятых сами по себе в их собственной сущности.

И нет ничего удивительного при этих условиях, что *философия* разделилась на два течения. Одно брало свое начало в логике Аристотеля и считало возможным прийти к истине, идя путем рассуждений, основанных на предположениях, рассматривавшихся, как бесспорные.

Это была официальная философия, та, которая преподавалась в школах, отсюда слово схоластика.

По иному направлению шла другая философия, бывшая всегда более или менее *окультной*, в том смысле, что она всегда драпировалась в тайну и передавала свои учения только под покрывалом загадок, аллегорий и символов. Через Платона и Пифагора эта философия претендовала на происхождение от египетских иерофантов и от самого основателя их науки, от Гермеса Трисмегиста, почему она и называлась *Герметической*.

Ученик Гермеса был молчалив; он никогда не спорил и не стремился никого убедить ни в чем. Замыкаясь в себе самом, он погружался в глубокие размышления и кончал тем, что проникал таким образом в секреты природы. Он заслуживал доверие Изиды и входил в сношение с истинными посвященными: Гнозис открывал ему начала священных древних наук, из которых постепенно отливались — астрология, алхимия, магия и каббала.

Эти науки, официально признаваемые мертвыми, относятся все к одному и тому же предмету, к распознаванию *скрытых* законов, управляющих вселенной. И они отличаются от официальной науки *физики* своим более таинственным и более трансцендентным характером. Эти науки и составляют *Герметическую философию*.

Эту философию отличает еще то, что она никогда не довольствовалась тем чтобы быть чисто спекулятивной (теоретической). На самом деле она всегда преследовала практическую цель, стремилась к реальному результату, ее задача всегда заключалась в том, что называется *осуществлением Великого Дела* (realization du Grand Oeuvre).

В другой своей книге Вирт говорит по поводу этого же:

Особая причина объясняет, почему в наших глазах потеряли кредит теории, пользовавшиеся такой славой в средние века и до XVIII столетия. Мы потеряли ключ к языку, которым выражаются эти теории. У нас совсем другая манера говорить. Прежде не знали наших претензий пользоваться во всем строго точными терминами. Считали, что достаточно приближений, потому что чистая истина фатально невыразима. Идеал истины не позволяет заключить себя ни в какую формулу. И из этого следует, что в известном смысле всякое слово есть ложь. Внутренняя сторона мысли, ее основной дух — неуловим. Это — Божество, которое непрерывно раскрывается, и тем не менее позволяет видеть себя только в своих отражениях. Поэтому Моисей не мог видеть лица Иеговы.

Из этого следует, что всякий раз, когда нужно выразить трансцендентные идеи, приходится прибегать к фигуральному языку... Невозможно обойтись

без аллегорий и символов. И это совсем не каприз, очень часто нет других способов заставить себя понять. Чистая мысль не передается, ее нужно чем-нибудь прикрыть. Но это покрывало всегда прозрачно для того, кто умеет видеть.

Поэтому герметизм обращается к тем мыслителям, которых внутренний голос заставляет все углублять, и остается непонятым для того, кто останавливается на внешнем смысле слов.

Гюайта в своей книге «На пороге тайны» (Au seuil du mystere) говорит:

Заключить в звуковой язык всю истину, выразить высшие оккультные тайны в абстрактном стиле, это было бы не только бесполезно, опасно и кощунственно — это невозможно. Есть истины тонкого, синтетического, божественного порядка, выразить которые во всей их нетронутой полноте человеческий язык не способен: только музыка может иногда заставить душу почувствовать их; только экстаз может показать их в абсолютном видении; и только эзотерический символизм открывает их духу конкретным образом...

Символ в оккультизме значит собственно то же самое, что в искусстве. Если художник начнет брать *готовые символы*, то *искусства* в его работе не будет, будет псевдоискусство.

Если оккультист начнет брать *готовые символы*, в его работе не будет *оккультизма*, не будет *эзотеризма*, не будет *мистики* — будет псевдо-оккультизм, псевдо-эзотеризм, псевдо-мистика.

Символизм с определенным значением символов — это псевдо-символизм.

Символы нужно творить, и создавая их, и читая их. Таким образом действовал St. Martin, книга которого представляет оригинальное символическое творчество. Много такого творчества и у Элифаса Леви.

Выяснив это для себя, я нашел, что ключом к Таро может явиться *фантазия*.

И придя к заключению о необходимости *полной свободы* в истолковании символов, я решил рассматривать 22 карты Таро совершенно вне рутины треугольников, звезд и квадратов, рекомендуемых Папюсом и вне числового значения карт. Должен сказать, что одно замечание Папюса о необходимости рассматривать 1-ю карту вместе с 21-й натолкнуло меня на мысль, что карты нужно рассматривать и изучать *парно*.

Скоро я убедился, что карты действительно образуют *пары*, в которых две карты взаимно объясняют друг друга. И при этом я нашел, что смысл *этих пар* заключается в приучении ума находить *единое в двойственном* или идти от дуализма к монизму, понимать *антиномичность* мира.

Карты при изучении *парно* нужно брать так: одну с начала, другую с конца; вторую с начала, вторую с конца и т. д.

1—0	7—16
2—21	8—15
3—20	9—14
4—19	10—13
5—18	11—12
6—17	

При таком расположении одна карта объясняет другую и, главное, показывает, что их можно объяснять *только вместе* и никогда нельзя объяснить порознь (как карты 1 и 0).

Установив это, я решил сделать попытку, так сказать, *перерисовать карты литературно*, дать литературные картинки Таро, истолковать символы Таро не путем анализа, а путем *художественного синтеза*.

Освободив свой ум от власти *чисел* и заранее предназначенных построений, которые были связаны с рисунками, пока я брал их *в виде карт*, — я сразу почувствовал возможность самостоятельного отыскивания пути в понимании символов и чисто интуитивного проникновения в содержание картин Таро, как только я представил их себе *в виде как бы видений*.

Прилагаемые дальше «литературные картинки Таро» должны говорить сами за себя. Если в них есть *хоть что-нибудь новое*, чего нет у авторов, комментировавших Таро обычным способом, то моя цель достигнута, *и возможность применения фантазии к истолкованию оккультных символов доказана реальным образом*.

Читатель найдет в моих «литературных картинках Таро» отзвуки писаний многих авторов, несомненно, совсем не думавших о Таро, как, напр., Плотина, Гихтеля (XVII в.), Фр. Ницше, а также много ценных замечаний Эл. Леви.

В трудных случаях я всегда обращался к книге St. Martin и всегда находил там нужный ответ. Так, например, там я нашел объяснение соотношений 6 и 17 карт, которое раньше было для меня темно.

Мои «картинки Таро» во многих случаях представляют собой чисто субъективное понимание (напр. 18-я карта). И я считаю вполне возможным, что кто-нибудь найдет возможным те же самые символы понять и истолковать *совершенно иначе*.

Оккультисту-схоластику, который нашел бы мой метод незаконным и неприемлемым, я укажу на один очень ценный результат, добытый *этим* путем, которого он наверное не мог бы достигнуть *своим путем*.

Именно: — большой треугольник из 21 карты с одной картой посередине строится обыкновенно по порядку чисел; 1-я сторона — карты от 1-й до 7-й; вторая сторона от 8-й до 15-й и третья от 16-й до 21-й.

Так по крайней мере представлял себе этот треугольник Гюайта (и др.).

Но дело в том, что взятый таким образом треугольник, совершенно правильный численно, *абсолютно бессмыслен* символически, т. е. *разнороден* со стороны рисунков. Ни в одной из сторон рисунки не представляют ничего цельного, являясь случайным набором.

Заметив это, я пришел к заключению, что рисунки нужно *развести* с числами, т. е. беря карты в числовом значении, не смотреть на рисунки, а беря в символическом, не смотреть на числа. Хотя, например, в маленьких треугольниках (которых 7 в 22-х картах) символическое и численное значение, если их понять правильно, совпадают.

И тогда, рассматривая получившиеся в моих «литературных картинках» значения карт Таро, я совершенно ясно увидел, что 22 карты разделяются на *три семерки*, однородные по смыслу рисунков — плюс одна карта, как бы вытекающая из всех трех семерок.

В этих трех семерках, которые невозможно найти по числам, и нужно искать по смыслу символов, заключается *тайная доктрина* (или попытка тайной доктрины) — выражением которой является Таро.

Одна семерка относится к *человеку*.

Другая к *природе*.

И третья к *миру идей*, (т. е. к Богу или к Духу).

1-я семерка. Человек, — Маг (*«Адам Кадмон»* человечество или сверхчеловек), Безумный (*отдельный человек*), Любовь (*искушение*), Дьявол (*падение*), Колесница (*иллюзорные искания*), Пустынник (*реальные искания*), Повешенный (*достижение*). Карты: 1, 0, 6, 15, 5, 9, 12.

2-я семерка. Вселенная, — Солнце, Луна, Звезды, Молния (Башня), Воскресение из мертвых, Жизнь и Смерть. Карты: 19, 18, 17, 16, 20, 10, 13.

3-я семерка. Бог, — Жрица (*знание*), Царица (*Творческая сила*), Царь (*Четыре стихии*), Иерофант (*Религия*), Время (*Вечность*), Сила (*Любовь, единение и бесконечность*), Истина. Карты: 2, 3, 4, 7, 14, 8, 11.

Первая семерка рисует *семь ступеней пути человека*, если их брать во времени — или *семь лиц человека* одновременно сосуществующих в нем; *семь лиц*, выражением которых в каждый данный момент является *личность* человека, — если брать точный *мистический* смысл *тайной доктрины Таро*.

Вторая и третья семерка — *Вселенная и мир идей* или Бог представляют каждая в отдельности и вместе с первой широкое поле для изучения. Каждая из семи символических картин, относящихся ко вселенной, известным образом

связывает человека с миром идей. И каждая из семи *идей* известным образом связывает человека со вселенной.

Ни в одну из семерок не входит 21-я карта «Мир».

И если мы теперь построим треугольник, составив его из трех полученных семерок по одной на сторону, в середину его положим 21-ю карту, а кругом треугольника квадрат из четырех мастей, то *отношение квадрата и точки* будет еще понятнее.

Ставя в центре *нулевую карту*, приходилось допускать некоторую *образность*, говоря, что *мир равен психике человека*. Но теперь у нас получилось, что в центре *тоже мир* (21-я карта). Мир в кругу времени среди четырех начал (или четырех стихий), изображенных четырьмя апокалипсическими животными. Квадрат тоже изображает мир (или 4 стихии, из которых состоит мир). Совершенно понятно, почему квадрат равен точке.

В заключение я не могу не привести очень любопытных соображений, которые делает Папюс о происхождении других известных нам игр — шахмат, домино и пр. из Таро.

Таро составлено из чисел и фигур, которые взаимно влияют друг на друга и объясняют друг другу, говорит он.

Если мы расположим фигуры по кругу и числа по другому кругу внутри первого, так чтобы внутренний круг мог двигаться, мы получим первобытную рулетку, на которой, если верить Гомеру, Улисс не особенно честно играл под стенами Трои.

Если мы возьмем шахматную доску, то из числа 56 карт Таро мы выберем все существующие теперь 32 шахматные фигуры. Из четырех королей мы возьмем двух, также двух королев, затем четырех рыцарей, которых мы назовем конями, четырех пажей (офицеры) и четыре туза, которые назовем башнями или слонами. Затем из 36 карт возьмем 16 пешек. Причем нужно заметить, что в старинных шахматах игра была *четырёхсторонняя*, т. е. были четыре короля, четыре королевы и пр.

Если мы совсем отбросим фигуры, возьмем одни числа и изобразим их на кубиках — получатся игральные кости, если мы перенесем *очки* на горизонтальные пластинки — получится *домино*.

Шахматы, упрощаясь превратятся в шашки. Так же как, упрощаясь и теряя некоторые свои черты, Таро превратилось в нашу обыкновенную колоду карт.

Но как все-таки может быть что-нибудь серьезное в картах? — спросит читатель со скептицизмом, трезво и положительно мыслящего человека XX столетия.

И я приведу в ответ анекдот о происхождении Таро, который рассказывает в своей книге Папюс.

«Когда Египту однажды угрожало нашествие иноплеменников, жрецы, зная, что на этот раз царство фараонов уже не восстанет, решили приготовиться к гибели всего. Они собрали всех ученых, чтобы обсудить, как сберечь знание, накопленное тысячелетиями, как передать его будущим поколениям, которые, они знали, придут после варваров.

Сначала думали доверить знание добродетели. Выбрать среди посвященных особенно добродетельных лиц и поручить им хранить *знание* и передавать его только таким же добродетельным людям, как они сами, из поколения в поколение.

Но один жрец возразил на это, что *добродетель* — это самая хрупкая вещь на свете и что, кроме того, ее труднее всего найти, особенно тогда, когда она нужна. Поэтому он предложил доверить сохранение тайн *пороку*, который всегда и везде имеется на лицо и необыкновенно прочен в людях.

Порок, сказал он, никогда не исчезнет совершенно, и мы можем быть уверены, что наши принципы, если мы доверим их пороку, сохранятся долго и хорошо.

Это мнение было принято, и была изобретена *игра*, как служащая пороку, — в которую была вложена вся тайная доктрина. Таро состояло первоначально из небольших металлических пластинок, на которых были выгравированы таинственные фигуры. Известно, что игроки очень суеверны. И они хотя и не понимали их значения, тем не менее в точности сохраняли все фигуры и знаки и передавали Таро из поколения в поколение гораздо лучше, чем могли бы сделать это какие бы то ни было добродетельные люди.

И таким образом Таро, представляющее синтез или квинтэссенцию всего знания древнего мира, дошло до нас под видом игральных и гадальных карт.

II

СИМВОЛЫ

Карта I

МАГ

Я увидел *Человека*.

От земли до неба возвышалась его фигура, одетая в пурпурный плащ. Ноги его утопали в зелени и цветах, а голова с повязкой *Посвященного* уходила в бесконечность.

Перед ним лежали на подобии кубического жертвенника четыре магических символа — *Жезл, Кубок, Меч* и магический *Пентакль*.

Его правая рука была поднята к небу, а левая опущена к земле. Под плащом его белый хитон опоясывала змея, впившаяся зубами в свой хвост.

Светло и ясно было лицо *Человека*. Когда мой взгляд встретился с его взглядом, я почувствовал, что он видит в самых тайных уголках моей души. Я увидел в нем всего себя, отраженным, как в зеркале. И мне казалось, что я сам смотрю на себя из его глаз.

.....

И я услышал Голос, говоривший: «Смотри, это *Великий Маг!*» Двумя своими руками он соединяет небо с землей, и *четыре начала*, создающие мир, подвластны ему. Видишь перед ним четыре символа? — Это знаки четырех букв *имени* Божества, знаки четырех стихий — *Огня, Воды, Воздуха* и *Земли*.

.....

Меня охватывала дрожь от глубины тайн, к которым я прикасался. И мне казалось, что слова, которые я слышу, говорит сам Великий Маг... *и что он говорит во мне*. Что это — я сам.

С глубоким трепетом я чувствовал мгновениями, что передо мной *нет ничего*, кроме голубого неба, а только *внутри меня* раскрывается *окно*, через которое я вижу неземные вещи и слышу неземные слова. И это окно было Я сам.

Карта 0

БЕЗУМНЫЙ

И я увидел другого *Человека*.

Усталый, хромая, тащился он по пыльной дороге, через пустынную равнину под палящими лучами солнца.

Бессмысленно глядя в сторону остановившимися глазами, с полуулыбкой, полугримасой, застывшей на лице, плелся он, сам не видя и не зная куда, погруженный в свои химерические грезы, вечно ходящие по одному кругу.

Дурацкий колпак с погремушками, надетый задом наперед, сидел у него на голове; все платье его было разорвано сзади; дикая рысь с горящими глазами прыгала на него из-за камня и впивалась зубами ему в ногу.

Он спотыкался, чуть не падал, но тащился дальше, держа на плече мешок с ненужными, бесполезными вещами, таскать которые заставляло его одно его безумие.

И впереди дорогу пересекала расщелина. Глубокая пропасть ожидала безумного путника. И разевая пасть, из пропасти выползал огромный крокодил.

.....

И я услышал *Голос*, который говорил мне: «Смотри! Это тот же Человек!»

.....

Все путалось у меня в голове.

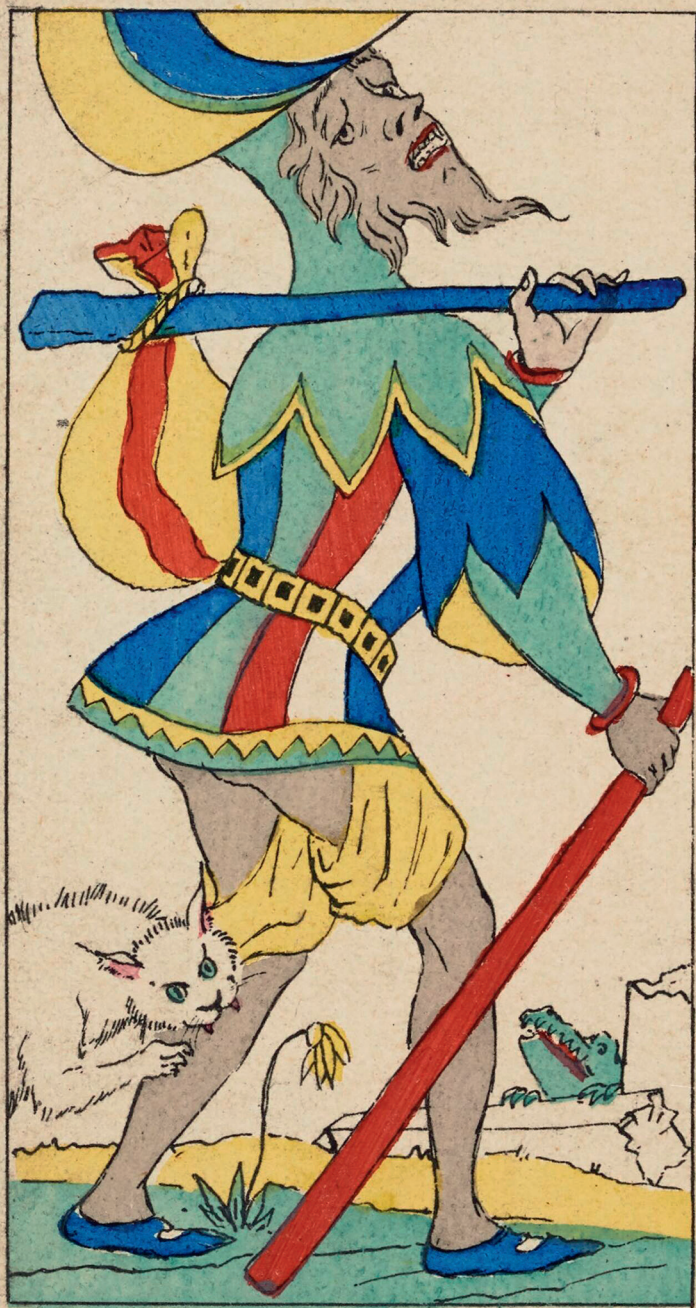
«А что у него в мешке?» — спросил я, сам не зная зачем. После долгого молчания *Голос* ответил: «Четыре магических символа: Жезл, Кубок, Меч и Пентакль. Безумный всегда носит их с собой. Но он не понимает, что они значат.

.....

Разве ты не видишь, что это ты сам?» И, весь содрогаясь, я чувствовал, *что это тоже — Я*.

Из своих соображений Успенский взял для анализа карту из колоды Таро, нарисованной Освальдом Виртом; карту Дурак из Колоды Уайта см на стр. 72.

ДУРАК

Карта II

ЖРИЦА

Когда я приподнял первую завесу и вступил в преддверие Храма Посвящений, я увидел в полумраке фигуру *Женщины*, сидящей на высоком престоле, между двумя столбами храма — *белым и черным*.

Тайной веяло от нее и кругом нее.

Священные символы сияли на ее зеленом платье. На голове у нее была золотая тиара с двурогим месяцем. И на коленях она держала два перекрещенных ключа и раскрытую книгу.

Между столбами за спиной Женщины простиралась вторая завеса, вся расшитая зелеными листьями и плодами гранат.

И *Голос* сказал мне:

.....
«Чтобы войти в храм, нужно поднять вторую завесу и пройти между двумя столбами. А чтобы пройти там, нужно овладеть *ключами* и прочитать книгу, и понять *символы*.

Ты можешь?»

«Я хочу», — отвечал я.

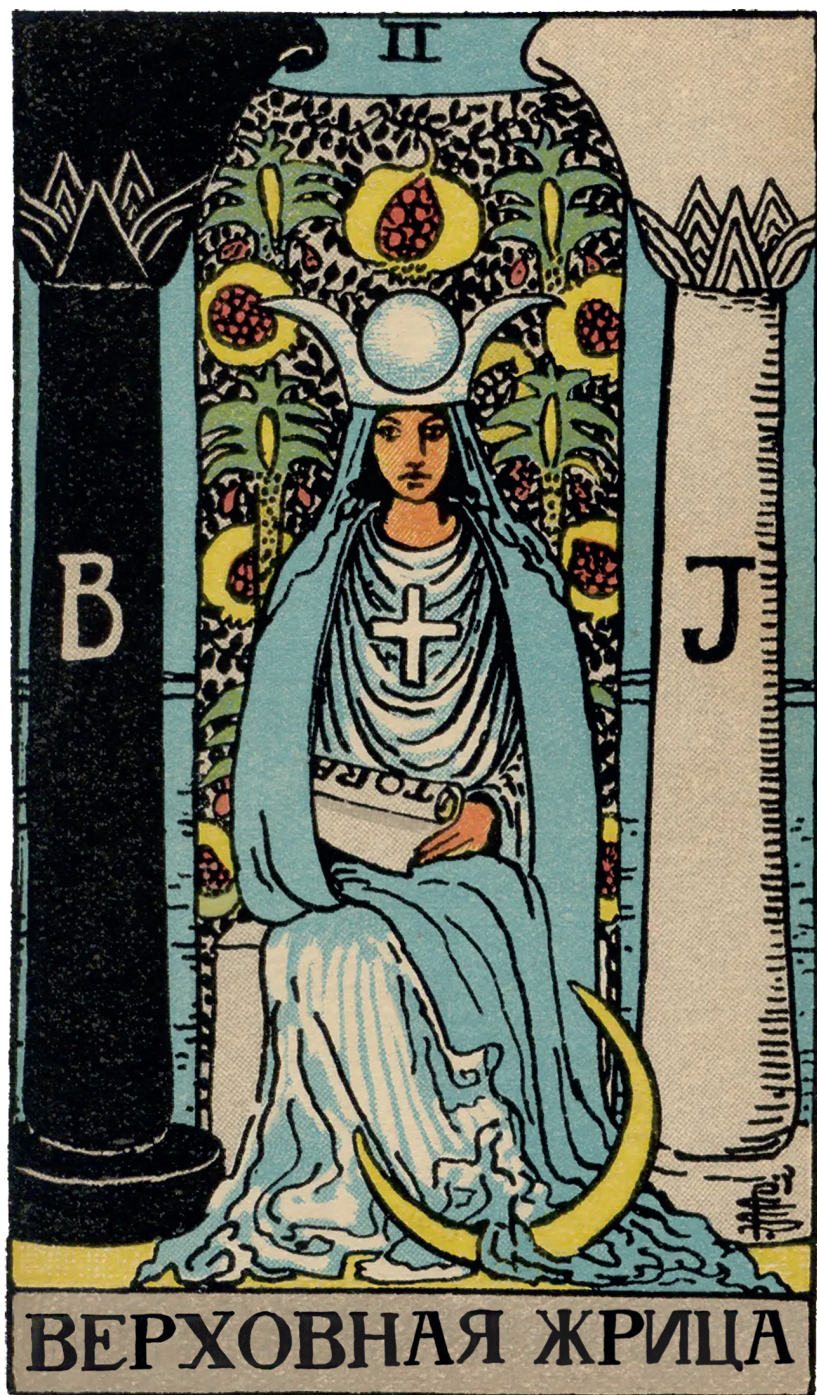
Тогда Женщина повернула ко мне свое лицо и стала смотреть на меня *без слов*.

И я почувствовал, как золотой волной прошла по мне таинственная дрожь, и я понял, *что она говорила мне*.

«Это храм знания. Но никто не может *дать* это знание, и никто не может *скрыть* его. Как цветок, оно должно вырасти и распуститься в твоей душе. Если ты хочешь положить в свою душу зерно этого цветка, научись отличать реальное от ложного: слушай только тот голос, который говорит без звука; смотри только на то, что невидимо.

И помни, что в тебе самом и храм, и двери его, и тайна, и посвящение».

Карта XXI

МИР

Неожиданное виденье встало передо мной.

От неба до земли вращался круг, похожий на венок, сплетенный из радуг и молний.

Он вертелся с безумной скоростью, ослепляя меня своим сиянием, — и в этом блеске и огне звучали музыка и нежное пение, и слышались удары грома, и рев урагана, и грохот горных обвалов, и гул землетрясения.

С бешеным шумом вращался круг, задевая небо и землю, — и в середине его я увидел танцующую фигуру прекрасной, молодой нагой женщины, обвитой легким прозрачным шарфом, с магической палочкой в руке.

И по сторонам круга мне стали видны четыре апокалипсических животных — одно с лицом льва, другое с лицом быка, третье с лицом человека и четвертое с лицом орла.

.....

Виденье исчезло так же неожиданно, как появилось.

Странная тишина наступила кругом.

«Что это значит?» — спросил я в изумлении.

«*Образ мира*, — сказал *Голос*, — но его можно понять, только пройдя в двери храма.

Это *мир в кругу времени, среди четырех начал*. Это то, что ты всегда видишь, но не понимаешь.

Пойми, что видеть и понимать, это не одно и то же, а вещи и явления — только иероглифы высших идей».

Карта III

ИМПЕРАТРИЦА

На меня повеяло весной, и вместе с запахом фиалок, ландышей и черемухи до меня донеслось нежное пение эльфов.

Журчали ручьи, шумели зелеными верхушками деревья, шелестели травы, бесчисленными хорами пели птицы, гудели пчелы — веселое живое дыхание природы веяло кругом.

Солнце сияло нежно и мягко, белое облачко висело над лесом.

Среди зеленой поляны, где цвели желтые первоцветы, на троне, увитом плющом и цветущей сиренью, я увидел *Царицу*.

Зеленый венок был надет на ее золотых волосах. Двенадцать звезд сияли у нее над головой. Два белоснежных крыла виднелись за ее спиной, и в руке она держала скипетр.

С ласковой улыбкой глядела Царица кругом, и под ее взглядом распускались цветы и раскрывались почки с клейкими зелеными листочками.

Все платье ее было покрыто цветами, точно каждый распускавшийся цветок отражался в нем или отпечатывался на нем и делался частью ее одежды.

Знак Венеры, богини любви, был высечен на ее мраморном троне.

.....

«Царица жизни! — сказал я. — Почему так светло и весело, и радостно вокруг тебя? Разве ты не знаешь, что есть серая, тоскливая осень, холодная, белая зима? Разве ты не знаешь, что есть *смерть* — черные могилы, сырые холодные склепы, кладбища?

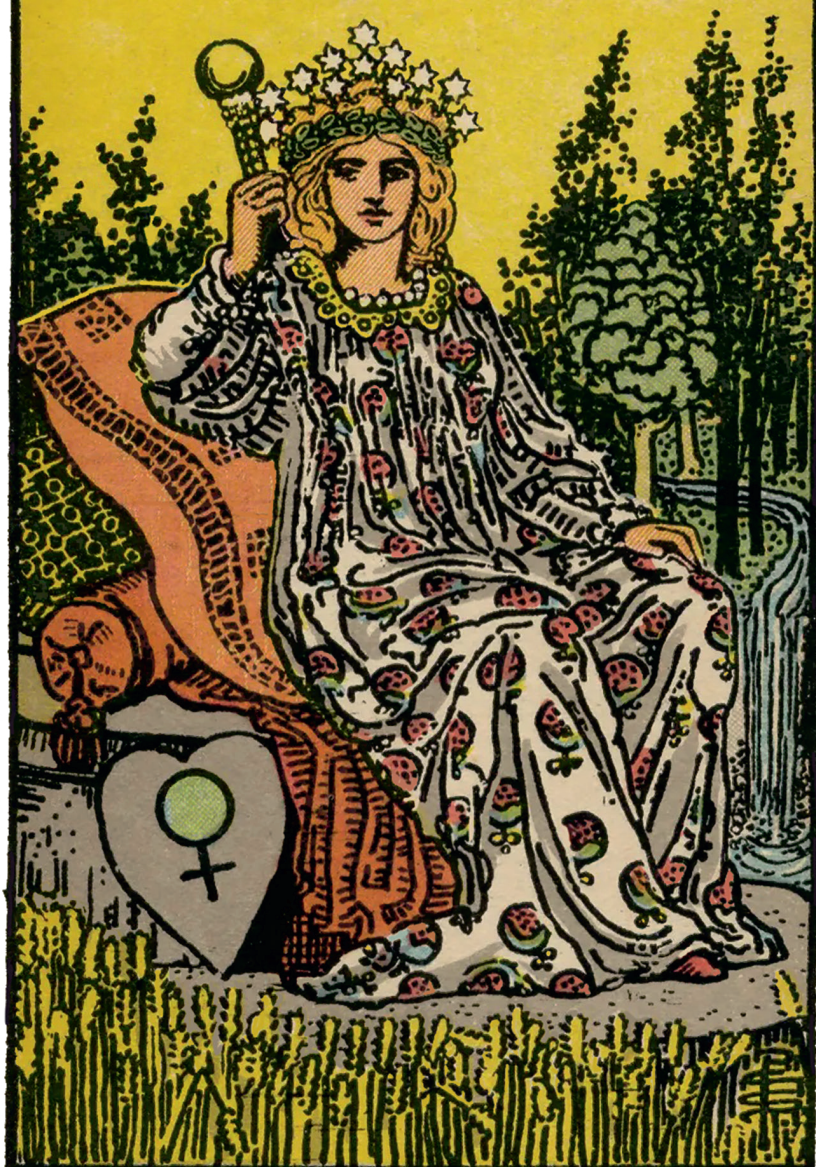
Как можешь ты весело улыбаться, глядя на распускающиеся цветы, когда все умирает, и все умрет, когда на смерть обречено все, даже то, что еще не родилось?»

.....

Царица глядела на меня, улыбаясь, и под ее улыбкой я вдруг почувствовал, что в моей душе начинает распускаться цветок какого-то светлого понимания, точно что-то стало раскрываться мне и ужас смерти начал отходить от меня.

III

ИМПЕРАТРИЦА

Карта XX

**ВОСКРЕСЕНИЕ
ИЗ МЕРТВЫХ**

Я увидел ледяную равнину. Цепь снежных гор замыкала горизонт. И появилось облако и стало расти, и закрыло четверть неба. И среди облака взмахнули два огненных крыла. И я увидел *посланника Царицы*.

Он поднял трубу и затрубил звучно и властно.

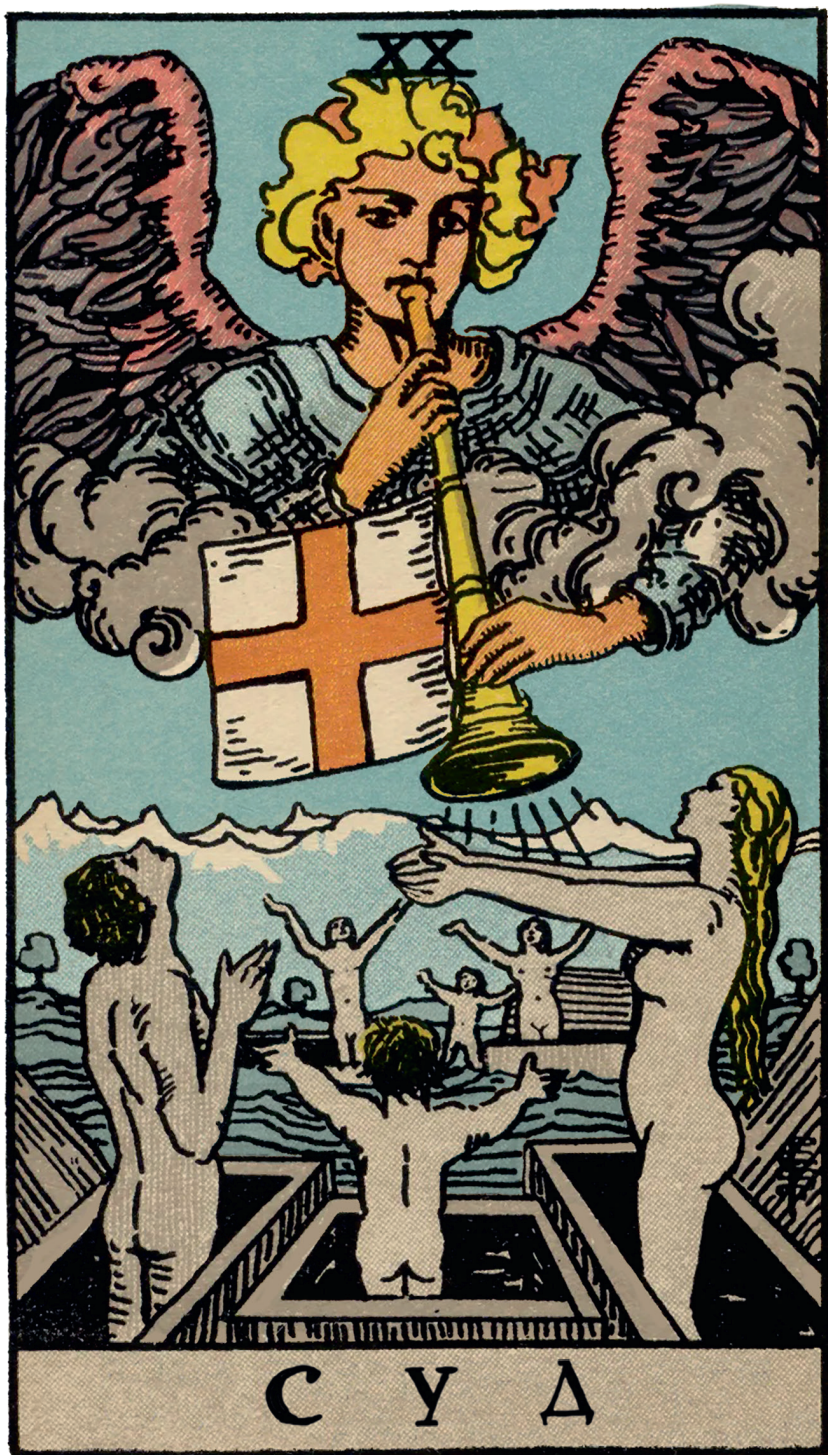
И в ответ ему задрожала равнина, и громким перекликающимся эхо ответили горы.

И одна за другой стали открываться могилы на равнине, и из них начали выходить люди — и дети, и взрослые, и старики — и мужчины, и женщины. И они простирали руки к посланнику Царицы, ловили звуки его трубы...

И в звуке трубы я почувствовал улыбку Царицы. И в открывающихся могилах я увидел распускающиеся цветы, и в простирающихся руках я услышал аромат цветов.

И я понял тайну рождения в смерти.

Карта IV

ИМПЕРАТОР

После того, как я изучил *первые три числа*, мне было дано понять *великий закон четырех* — альфу и омегу всего.

Я увидел *Царя* на высоком каменном троне, украшенном четырьмя головами баранов.

Золотой шлем сиял на его челе. Белая борода падала на пурпуровый плащ. В одной руке он держал *сферу*, символ своего владения, и в другой скипетр в форме египетского креста, — знак своей власти над рождением.

.....

«Я — *великий закон*, — сказал Царь.

Я — *имя* Божества.

Четыре буквы его имени во мне, и я во всем.

Я — в четырех началах. Я — в четырех стихиях. Я — в четырех временах года. Я — в четырех сторонах света.

Я — в четырех знаках Таро.

Я начало, я действие, я завершение, я результат.

Кто умеет видеть меня, для того нет тайн на земле.

Я великий *Пентакль*.

Как *земля* заключает в себе *Огонь*, *Воду* и *Воздух*, как четвертая буква *Имени* заключает в себе три первые, и сама становится первой, — так мой скипетр заключает в себе весь *треугольник* и несет в себе семя *нового треугольника*.

Я *Логос* в его полном аспекте».

.....

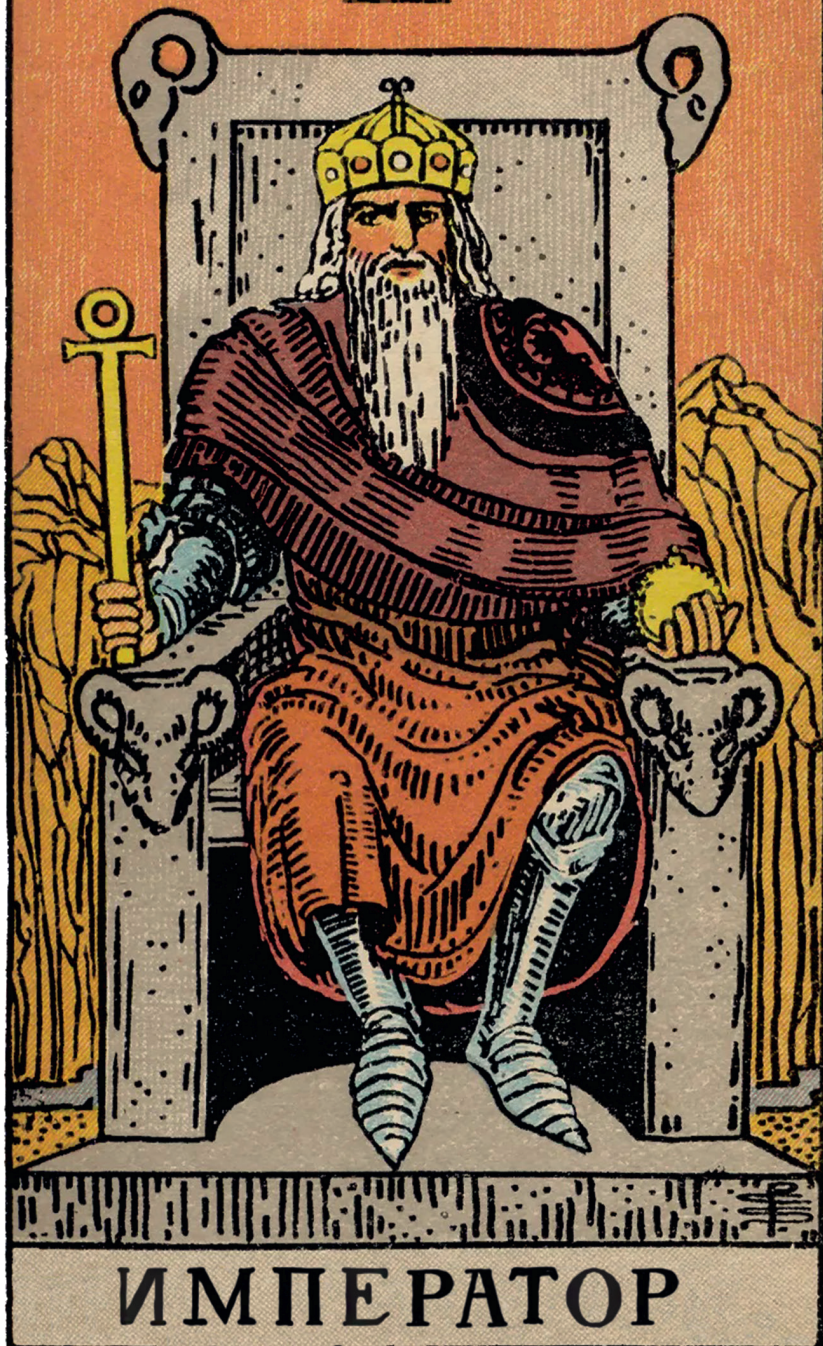
И по мере того, как Царь говорил, его шлем и золотые латы, видные под плащом, сияли все ярче и ярче — и я не мог больше выносить их блеска и опустил глаза.

И когда я попробовал поднять глаза, передо мной было сплошное сиянье и свет, и огонь.

И я упал ниц, поклоняясь *Огненному Слову*.

IV

ИМПЕРАТОР

Карта XIX

СОЛНЦЕ

После этого, когда я в первый раз увидел *Солнце*, я понял, что оно и есть выражение *Огненного Слова* и знак *Царя*.

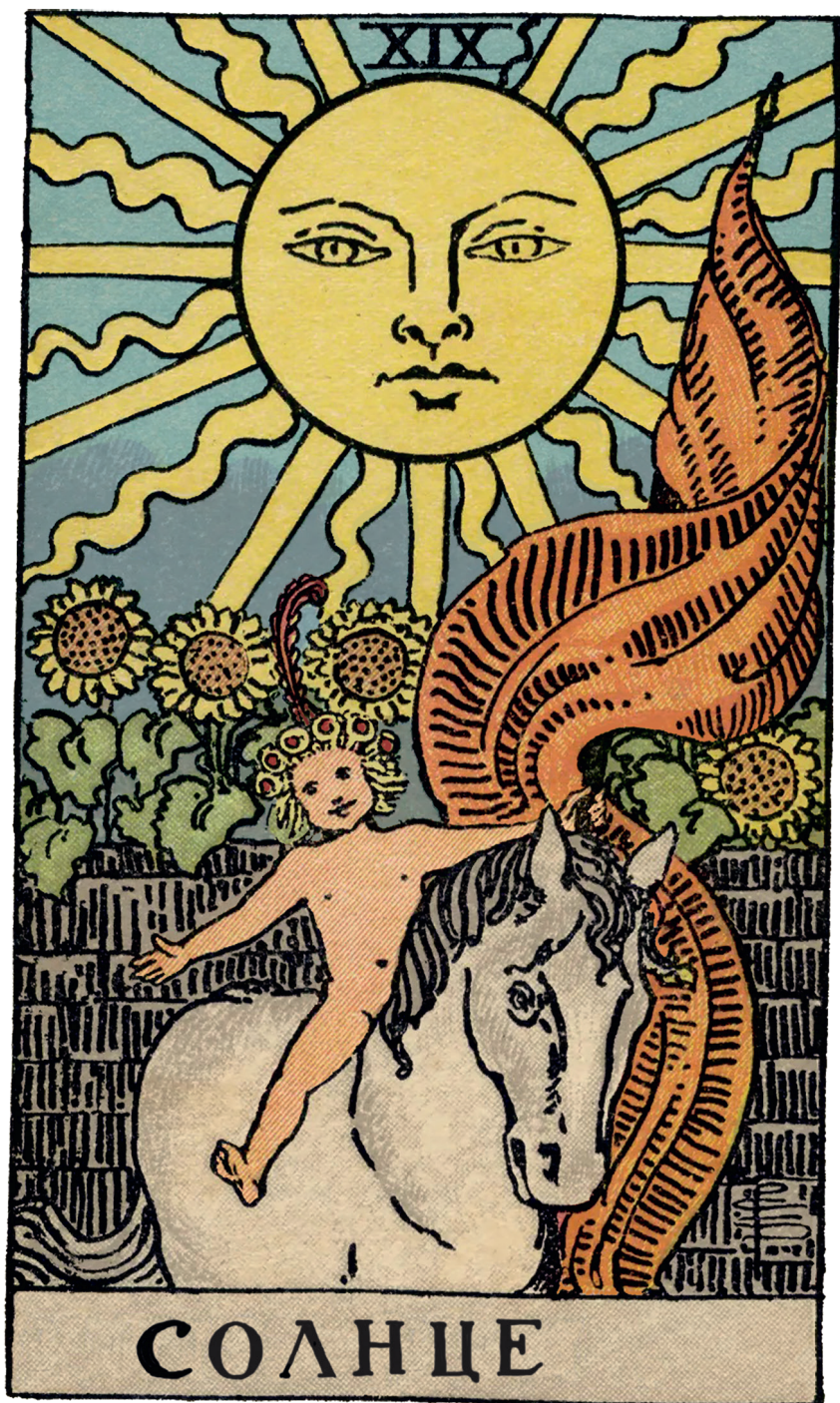
Великое светило сияло и грело, внизу качали головами большие золотые подсолнечники.

Я увидел нагого мальчика в венке из роз, скакавшего на белом коне и махавшего большим ярко-красным знаменем.

.....

На мгновение я закрыл глаза, и, когда открыл, я увидел, что каждый *луч солнца* — это скипетр Царя, несущий в себе жизнь. И я видел, как под остриями этих лучей *во всем* раскрывались мистические цветки *Вод*, как в эти цветки проникали лучи и как вся природа непрерывно рождалась из таинственного сочетания *двух начал*.

Карта VII

КОЛЕСНИЦА

Я увидел колесницу, запряженную двумя сфинксами — белым и черным. Четыре столба поддерживали голубой балдахин, усеянный пятиконечными звездами.

Под балдахином, правя сфинксами, в колеснице стоял *Победитель* в стальных латах, со скипетром в руке, заканчивающимся сферой, треугольником и квадратом.

Золотая пентаграмма сияла на его короне. Спереди колесницы над сфинксами была прикреплена сфера, летящая на двух крыльях, и мистический *лингам*, погруженный в иони, знак соединения.

.....
«Здесь все имеет значение, смотри и старайся понять», — сказал мне Голос.

«Это *воля*, вооруженная *знанием*.

Но во всем этом больше *желания достигнуть*, чем настоящего *достижения*.

Человек в колеснице стал считать себя победителем, прежде чем он действительно победил. Он думает, что победа должна прийти к победителю. В этом много реальных возможностей, но также много обманчивых огней, и человека в колеснице ждут большие опасности.

Он управляет сфинксами силой магического слова, но напряжение его воли может ослабеть, и тогда магическое слово потеряет силу, и сфинксы могут пожрать его.

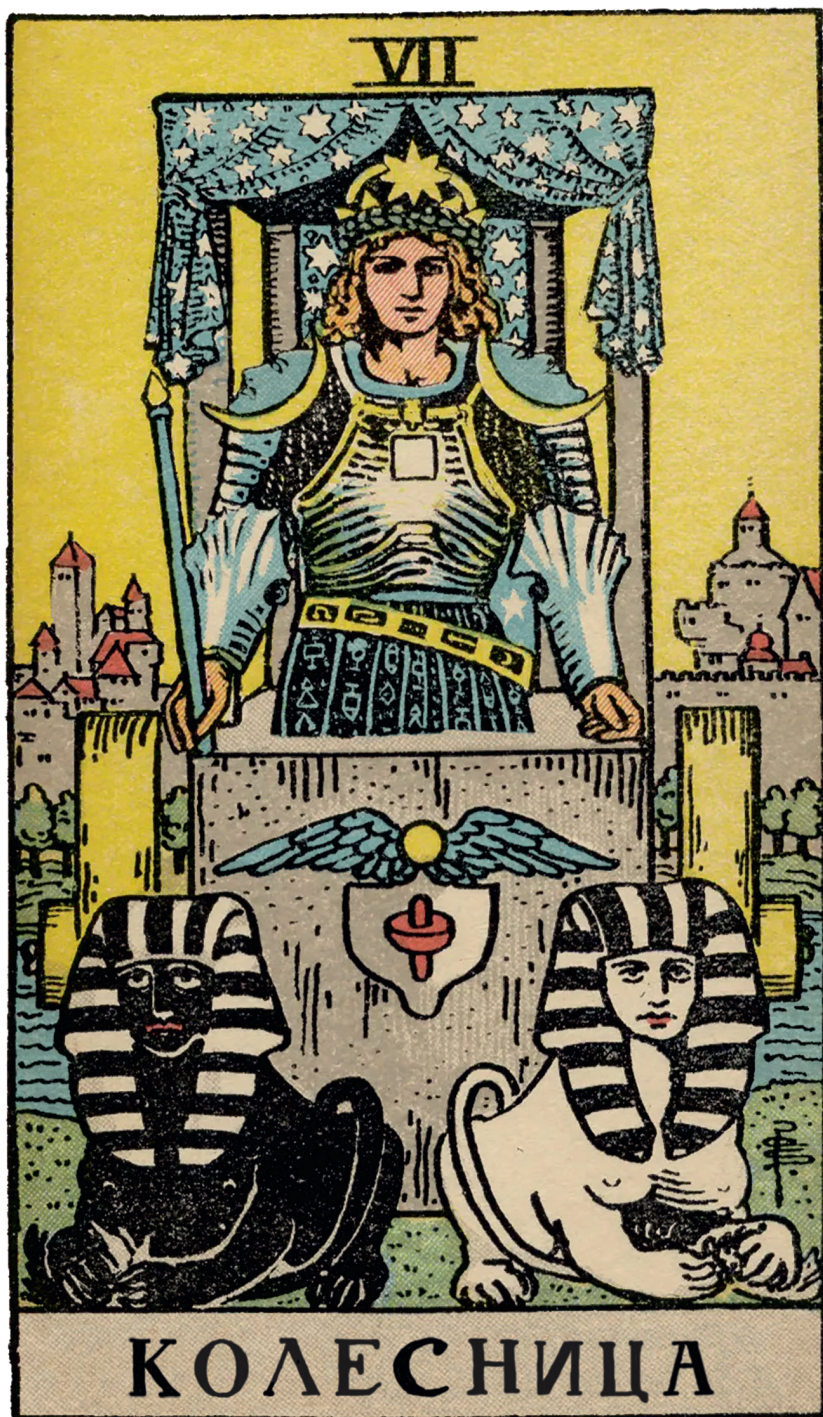
Это победитель на *миг*. Он не победил *времени*. И сам не знает следующего момента. Это больше всего другого показывает его слабость. Настоящий победитель начнет с победы над временем.

И это победитель — не любовью, а огнем и мечом, — победитель, против которого могут восстать побежденные. Видишь сзади него башни покоренного города? Может быть, там уже тлеет пламя восстания.

И он не знает самого себя, не знает, что *в нем самом* лежит город, покоренный огнем и мечом, в нем самом — магическая колесница, в нем самом стерегут каждое его движение кровожадные сфинксы.

Но он видит их *вне* себя. Это его самая большая ошибка. Он был в преддверии Храма, но думает, что был в Храме. Ритуалы первых испытаний он принял за посвящение. Жрицу, стерегущую порог, принял за богиню.

Его ждут большие опасности.

.....

И пойми, что это тот же *Человек*, которого ты видел соединяющим небо с землей — и потом идущим по пыльной дороге к пропасти».

Карта XVIII

ЛУНА

Безотрадная равнина расстилалась передо мной. Полная луна смотрела вниз, точно в раздумьи. Под ее колеблющимся светом особенной, *своей* жизнью жили тени. На горизонте синели холмы.

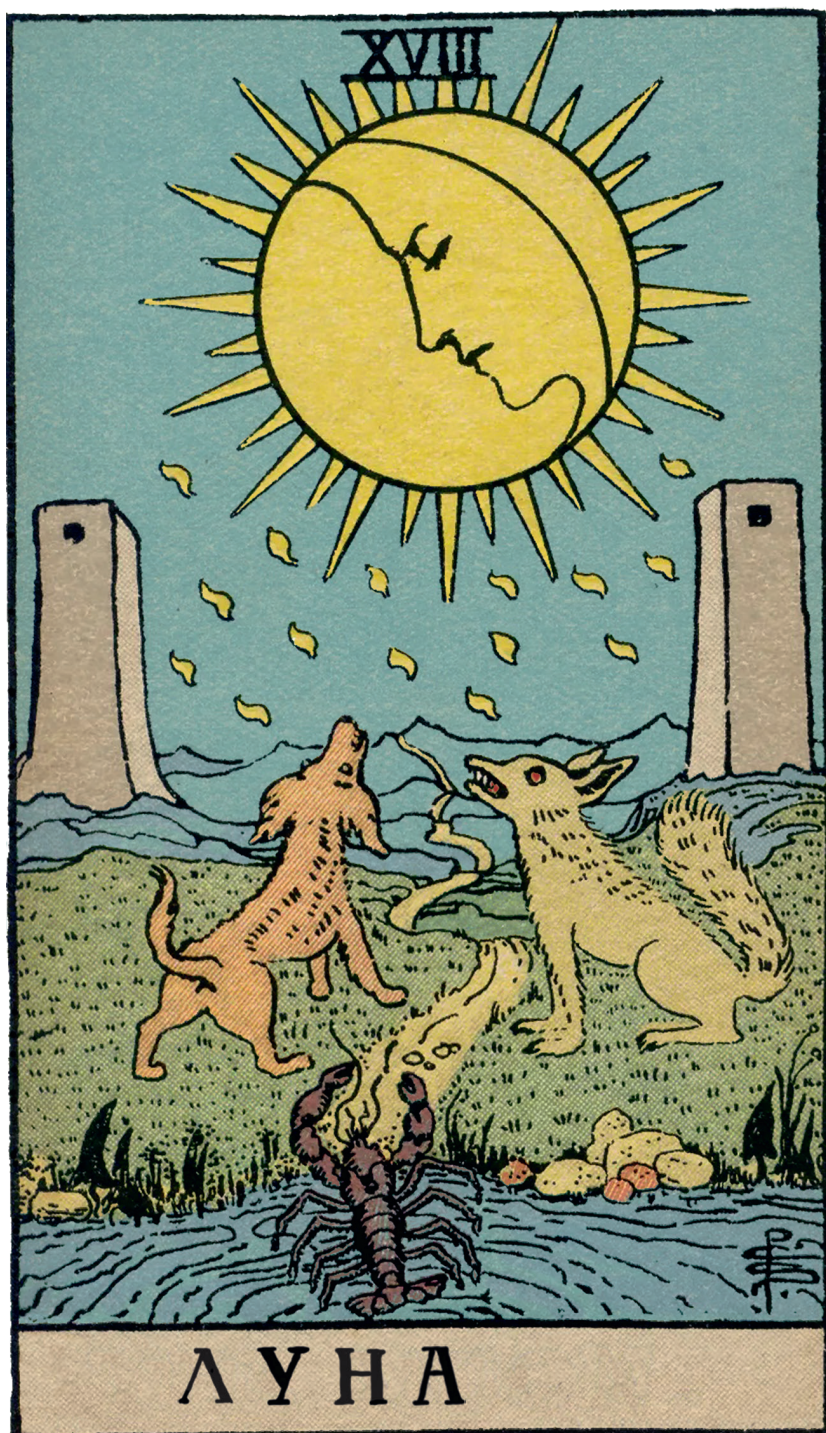
Между двумя серыми башнями вилась тропинка, уходящая вдаль. По сторонам тропинки волк и собака сидели и выли, подняв морды к луне. Из ручья выползал на песок большой черный рак. Падала тяжелая, холодная роса.

.....

Жуткое чувство охватывало меня. Я ощущал присутствие таинственного мира, — мира враждебных духов, мертвецов, встающих из могил, тоскующих привидений.

В бледном свете луны мне чудились призраки; какие-то тени переходили дорогу; кто-то ждал меня за башнями — и назад было опасно оглянуться.

Карта VI

ИСКУШЕНИЕ

Я увидел цветущий сад в зеленой долине, окруженной мягко синеющими горами.

И в саду я увидел Мужчину и Женщину, нагих и прекрасных.

Они любили друг друга, и их любовь была их самопознанием, служением Великому Постижению, молитвой и *жертвоприношением*, через нее разговаривали они с Богом, через нее получали величайшие откровения, в ее свете являлись им глубочайшие истины, волшебный мир раскрывал перед ними свои двери: эльфы, ундины, сильфы и гномы открыто приходили к ним; три царства природы: камни, растения и животные и четыре стихии: Огонь, Вода, Воздух и Земля — служили им.

В своей любви они постигали тайну мирового равновесия — и сами являлись символом и выражением этого равновесия.

Два треугольника соединялись в них в шестиконечную звезду. Два магнита сливались в один эллипс.

И я видел над ними высоко в небе парящего Гения, который невидимо руководил ими и присутствие которого они всегда ощущали.

.....

Я видел, как Женщина с улыбкой смотрела кругом и чувствовала, что мир прекрасен, *хотя и не существует!*

И я заметил, как с дерева, на котором зрели золотистые плоды, сползала змея и шептала что-то на ухо женщине; и как женщина слушала, улыбаясь сначала недоверчиво, потом с любопытством и потом радостно, — и я видел, как она говорила мужчине, и как он — на все, что она говорила, — радостно и сочувственно улыбался, любуясь только ею.

.....

«Видишь, это картина *искушения* и *падения*, — сказал мне Голос. — Но в чем заключается падение? Ты можешь понять его природу?»

«Жизнь так хороша, — сказал я, — и мир так прекрасен, что им захотелось поверить в реальность мира и тогда они забыли о своем собственном существовании и стали смертны».

«Да, — сказал Голос, — это верно. Ошибка людей в том, что они видят падение в *любви*. Любовь не падение, а полет над бездной. И чем выше полет, тем прекраснее и соблазнительнее кажется *земля*. И мудрость, *та, которая ползает по земле*, советует поверить земле и настоящему.

Это и есть искушение. И они поддались искушению и ушли от *вечного* и стали подчиненными *времени* и *смерти*. Они перестали слышать руководящий голос. Равновесие нарушилось. Волшебный мир закрылся для них. Эльфы, ундины, сильфы и гномы стали невидимы. Лицо Божества перестало открываться им. Все предстало им в ложном виде.

Это падение — первый грех человека, — и оно повторяется непрерывно, потому что человек не перестает служить моменту и терять себя. Только искупив этот грех *великим страданием*, может человек выйти из-под власти *времени* и вернуться к *вечности*; выйти из *тьмы* и вернуться к *Свету*».

Карта XVII

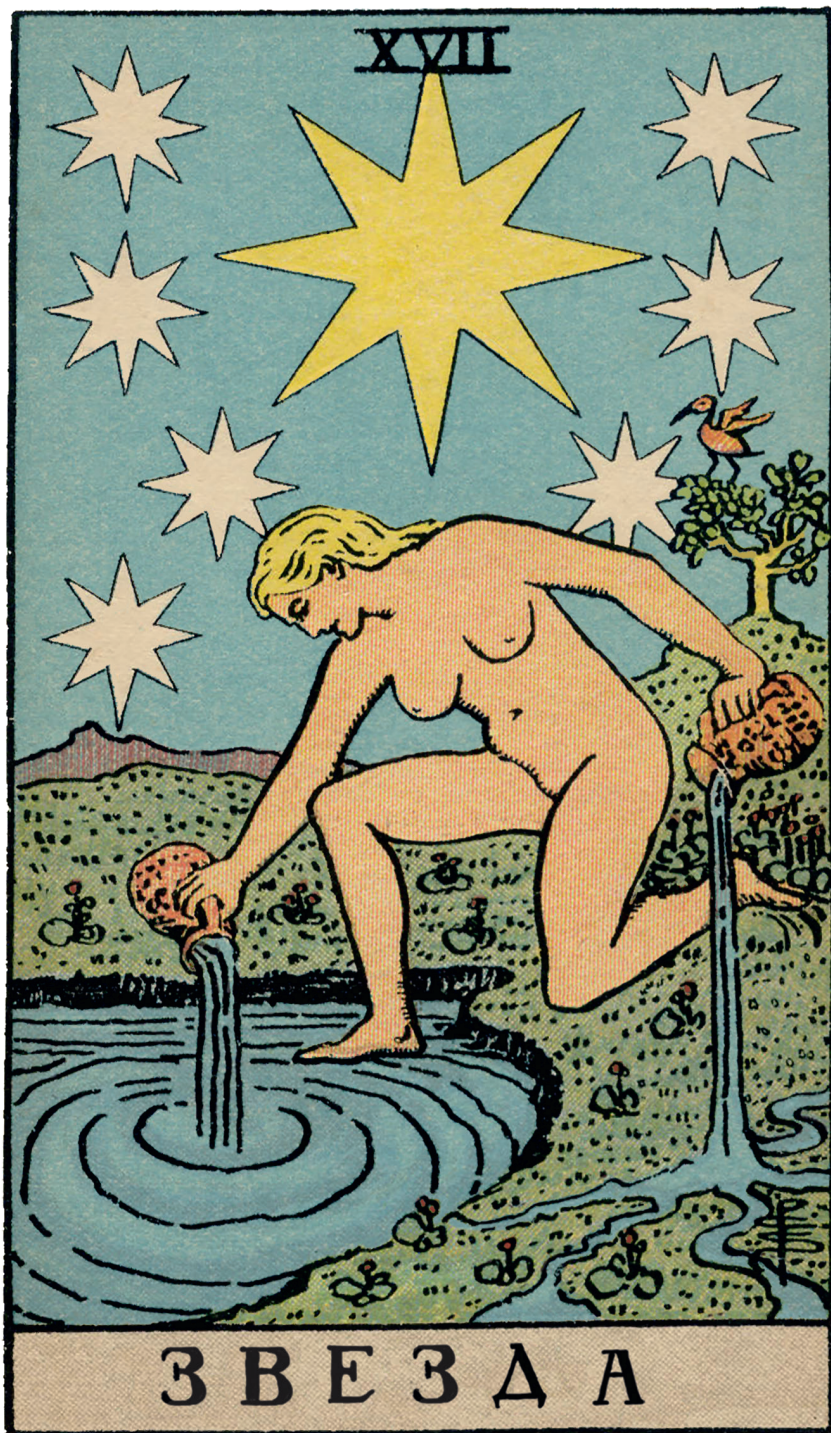
ЗВЕЗДЫ

Необыкновенное волнение охватывало меня. Горячая дрожь волнами пробегала по телу, сердце билось. Шум наполнял мою голову. Я чувствовал себя в присутствии великих тайн. Молнии света врывались в мою душу. Передо мной освещалось и мне открылось многое, бывшее раньше темным, и многое, о существовании чего я даже и не подозревал. Неожиданные завесы поднимались передо мной. Какие-то голоса говорили мне. И я вдруг видел совершенно новым и *иным* все старое и хорошо знакомое. Я находил какие-то неожиданные сочетания в вещах, бывших раньше чуждыми друг другу. Предметы совсем далекие и *разные* оказывались *близкими* и *одинаковыми*. И вещи распределялись в моих глазах по каким-то новым линиям.

.....

Среди неба сияла огромная звезда и кругом семь других звезд. Их лучи переплетались между собой, наполняя пространство бесконечным сиянием и блеском. Причем каждая из восьми звезд заключала в себе все восемь звезд. И я понял, что вижу то Небо, о котором говорил Плотин, где *все прозрачно, и нет ничего темного и непроницаемого, и все ясно, и видимо и внутри, и со всех сторон. Потому что там свет встречается со светом, и каждая вещь содержит все в себе и видит все в другой. И все есть везде, и все есть все, и каждая вещь есть все. И сияние бесконечно, потому что все там велико, и даже то, что мало, тоже велико.*

И солнце заключает в себе все звезды, и каждая звезда есть солнце и все звезды. В каждой, однако, преобладает особое свойство, но в то же время все вещи видимы в каждой. И содержание каждой вещи есть разум, и сама она разум. И ка-

ждающая часть всегда происходит из целого и есть в одно и то же время и часть, и целое. Потому что она действительно является как часть, но тот, у кого острое зрение, увидит ее как целое...

Я понял, что сияние — это мысли; и переливы красок — чувства. И каждый луч, когда в него всматриваться, превращается в образы, символы, голоса и настроения. И я видел, что здесь не было ничего неодушевленного, а все было душой, все было жизнью, все было чувством и воображением.

.....

И я увидел под сияющими звездами у голубого ручья нагую девушку, молодую и прекрасную. Став на одно колено, она лила воду из двух сосудов — из золотого и из серебряного; маленькая птичка на кусте подняла крылышки и готовилась улететь.

.....

На мгновение я понял, что вижу *Душу Природы*.

«Это *Воображение Природы*, — тихо сказал Голос. — Природа мечтает, фантазирует, создает миры. Научись свое воображение сливать с ее воображением, и для тебя не будет больше ничего невозможного.

Но помни, что, не потеряв *Земли*, не найдешь *Света*.

Нельзя видеть одновременно и *ложно*, и *истинно*».

Карта V

ИЕРОФАНТ

Я увидел Великого Учителя в Храме.

Он сидел на золотом троне, поставленном на пурпуровом возвышении, в платье первосвященника и в золотой тиаре.

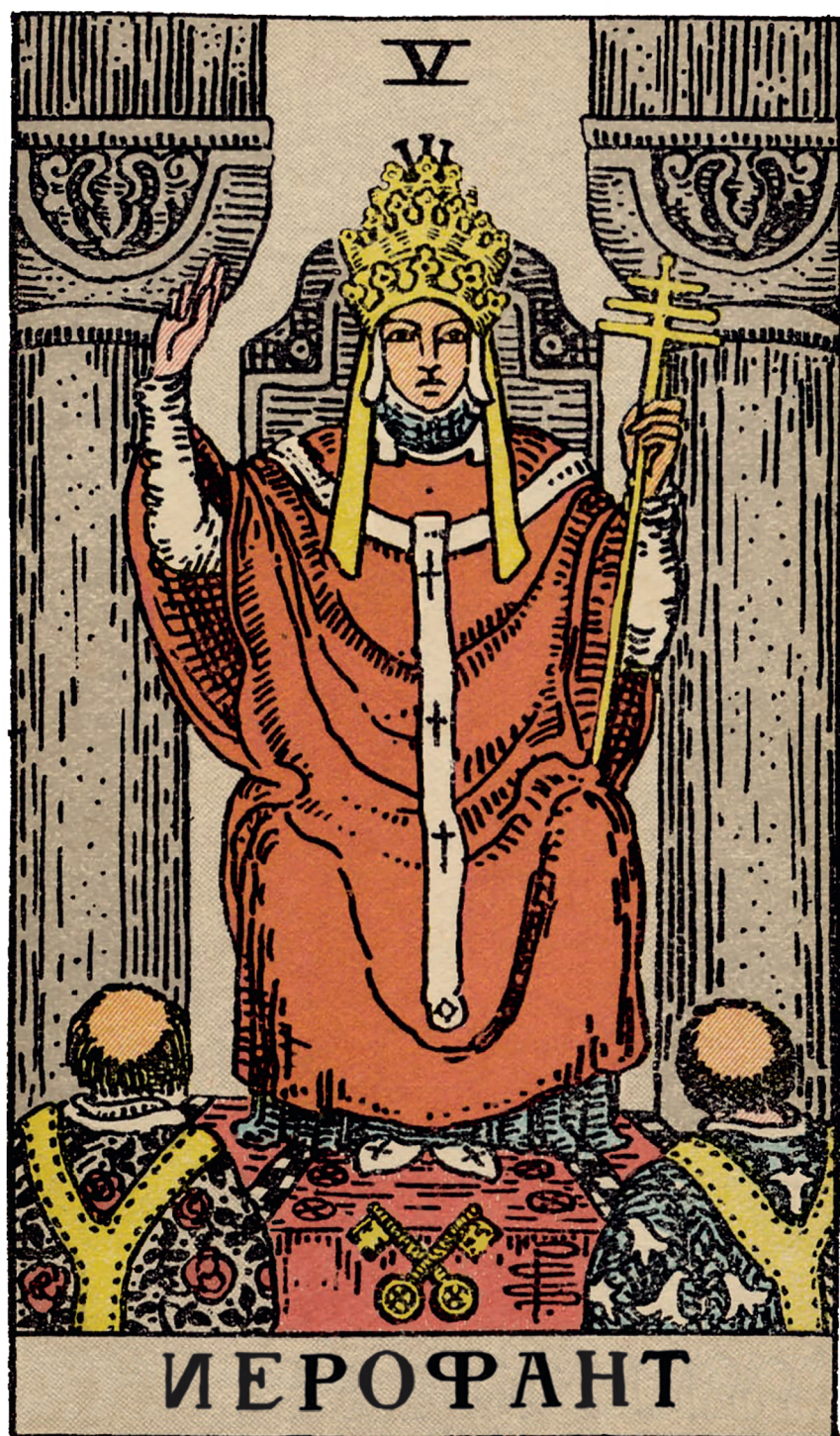
Под его ногами я увидел два перекрещенных ключа, и двое посвященных, склонившись, стояли перед ним. И он говорил им:

«Ищите пути, а не достижения. И ищите пути в себе.

Не надейтесь услышать истину от людей или увидеть ее, или прочитать в книгах. Ищите истину в себе, а не вне себя.

Желайте только невозможного и недостижимого. Ожидайте только того, чего не будет. Не надейтесь на меня, не ищите меня. Не верьте, что я существую.

Больше всего берегитесь поверить в *тайну на земле*, в тайну, хранимую людьми. Эти люди охраняют *пустые сокровищницы*. Не ищите тайны, которую *можно скрыть*. Ищите тайну в себе, а не вне себя.

V

ИЕРОФАНТ

И больше всего бойтесь *башен*, которые строятся для того, чтобы хранить тайны, — и для того, чтобы по каменным ступеням всходить от земли до неба.

Путь в вас самих, и истина в вас самих, и тайна в вас самих».

Карта XVI

БАШНЯ

Я увидел высокую башню от земли до неба, верх которой уходил в облака.

Кругом была черная ночь, и грохотал гром.

И вдруг раскрылось небо, удар грома потряс всю землю, и в верхушку башни ударила молния.

Языки пламени летели с неба, вся башня наполнилась огнем и дымом — и я увидел, как сверху стремглав упали вниз *строители башни*.

.....

И голос сказал мне:

«Эту башню начали строить ученики великого учителя для того, чтобы всегда *помнить* и никогда не забывать слов учителя о том, что *в башне* не может быть тайн и что по *каменным* ступеням нельзя дойти до неба.

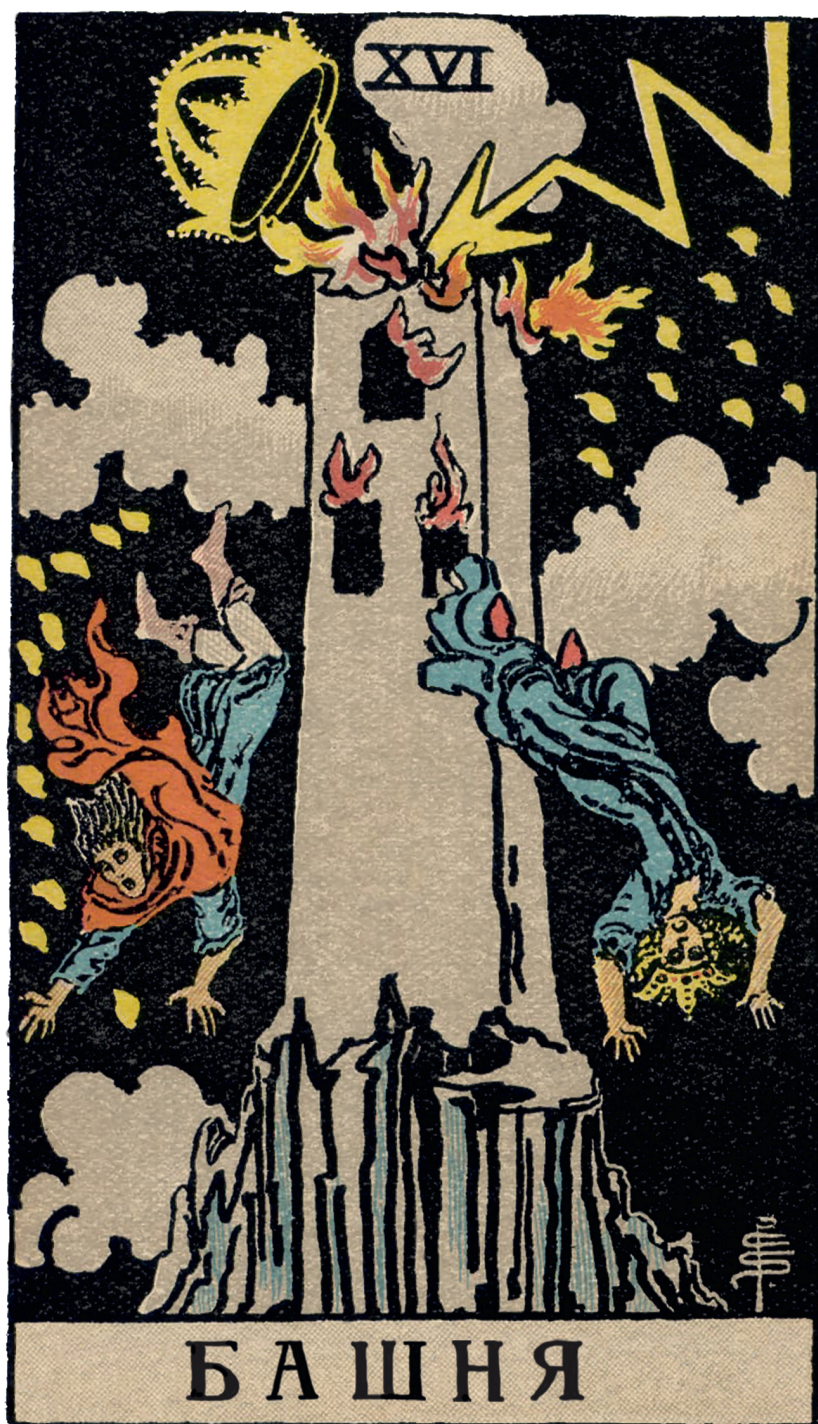
Башня должна была служить *напоминанием* и *предостережением*, как маяк, который ставится на опасном месте, куда нельзя направлять корабли и где люди *много раз* терпели крушение.

Но *потом они забыли*... зачем начали строить башню.

И они решили строить башню выше и довести ее до неба, чтобы по ней *все* могли взойти на небо и спастись.

И видишь, как ответило небо!»

БАШНЯ

Карта VIII

СИЛА

Среди зеленой равнины, окаймляемой синеющими горами, я увидел Женщину со львом.

Вся увитая гирляндами роз, со знаком бесконечности над головой, Женщина спокойно и уверенно закрывала пасть льву, и лев покорно лизал ее руку.

.....

«Это картина *Силы*, — сказал Голос. — Пойми все ее значения.

Прежде всего это показывает *силу любви*. Нет ничего сильнее любви. Только любовь может победить злобу. Ненависть всегда питает ненависть.

Помнишь, что сказал Заратустра:

„Да будет человек избавлен от мести; вот для меня мост, ведущий к высшей надежде, и радуга на небе после долгих гроз“.

Затем — это сила единения.

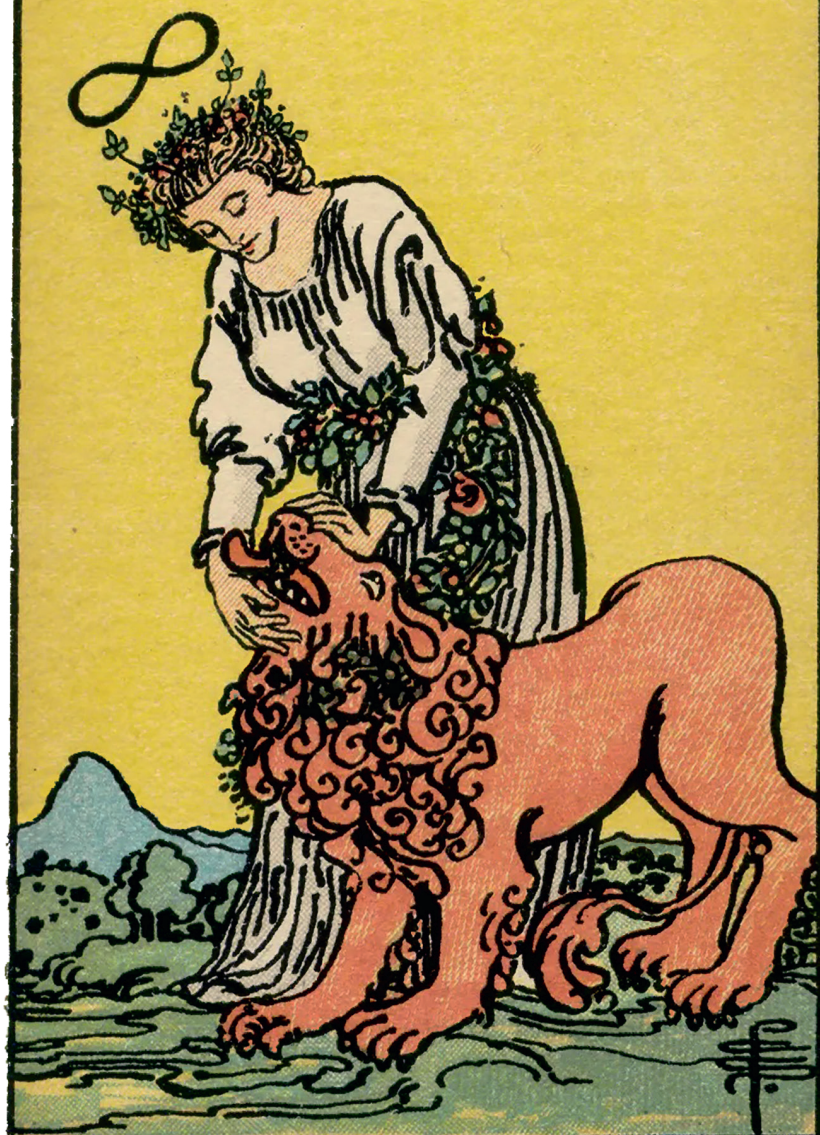
Ты видишь эти гирлянды роз. Они говорят о *магической цепи*. Соединение желаний, соединение стремлений создает такую силу, перед которой преклоняется всякая дикая, необузданная, не сознающая себя сила. Даже два желания, если их соединить вместе, уже могут победить *почти все*.

И дальше это *сила бесконечности*.

Тут уже ты переходишь в область тайн. Для сознания, *ощущающего* знак бесконечности над собой, нет препятствий и не может быть сопротивления в конечном».

VIII

СИЛА

Карта XV

ДЬЯВОЛ

Страшная черная ночь окутывала землю, и вдали горело зловещее красное пламя.

Какая-то фантастическая фигура вырисовывалась передо мной по мере того, как я подходил ближе.

Я увидел высоко над землей отвратительное красное лицо дьявола с большими волосатыми ушами, с остроконечной бородой и с загнутыми козлиными рогами. Между рогами на лбу дьявола фосфорическим светом сияла перевернутая пентаграмма. Два больших серых крыла с перепонками, как крылья летучей мыши, были распростерты по воздуху. Одну голую, жирную руку дьявол держал, согнув локоть и расставив пальцы, и я увидел на ладони знак черной магии. В другой руке он держал опущенный вниз горящий факел, от которого поднимались клубы черного, удушливого дыма. Дьявол сидел на большом черном кубе, держась за него когтями своих звериных мохнатых ног.

Спереди куба к железному кольцу были прикованы цепями *Мужчина* и *Женщина*.

Это были те же мужчина и женщина, которых я видел в саду, но теперь у них были рога и хвосты с огненными концами.

.....

«Это картина *Слабости*, — сказал Голос, — картина *Лжи* и *Зла*. Это те же люди, но после падения. Они потеряли себя и их подчинила себе *Ложь*. Их любовь стала орудием лжи и они потеряли способность видеть истину.

Они забыли, что их любовь — это звено цепи, которая связывает их с вечностью, символ равновесия и путь в бесконечность. Они забыли, что это ключ к дверям волшебного мира — *факел, который должен светить на высших путях*. Они стали сомневаться в своей любви, искать для нее оправдания и извинения. Тогда любовь зажгла в них *вражду* и приковала их железными цепями к черному кубу материи, на котором сидит *Обман*».

.....

И я услышал голос Дьявола.

«Я — Зло, — сказал он, — по крайней мере, настолько, насколько может быть зло в этом лучшем из миров. Чтобы меня видеть, надо уметь смотреть *криво, неправильно и узко*. Ко мне ведут три пути: безобразие, заблуждение и эгоизм. Я замыкаю треугольник, две другие стороны которого составляют *Смерть* и *Время*.

Для того чтобы выйти из этого треугольника, нужно только увидеть, что он не существует.

Но как это сделать — не мне говорить.

Ведь я — *Зло*, которое придумали люди для того, чтобы иметь оправдание для себя и считать меня причиной всего дурного, что делают они сами.

Меня называют *Царем Лжи*, и поистине я Царь Лжи, потому что я — *самое грандиозное произведение человеческой лжи*».

Карта IX

ПУСТЫННИК

После долгих скитаний по песчаной, безводной пустыне, где жили одни змеи, я встретил Пустынника.

Он был закутан в длинный плащ с капюшоном, наброшенным на голову; в одной руке он держал длинный посох и в другой — горящий фонарь, хотя был день, и светило солнце.

.....
«Фонарь Гермеса Трисмегиста, — сказал мне Голос, — это высшее знание, то внутреннее знание, которое по-новому освещает все, даже то, что кажется людям уже известным, ясным и освещенным их знанием.

Свет этого фонаря освещает Пустыннику прошедшее, настоящее и будущее, раскрывает души людей и самые тайные уголки их сердца.

Плащ Аполлония — это способность мудрого уединяться, даже среди шумной толпы, его умение скрывать свои тайны, *даже высказывая их* — умение молчать и действовать в тишине.

Посох патриархов — это его внутренний авторитет, его сила, его уверенность в себе.

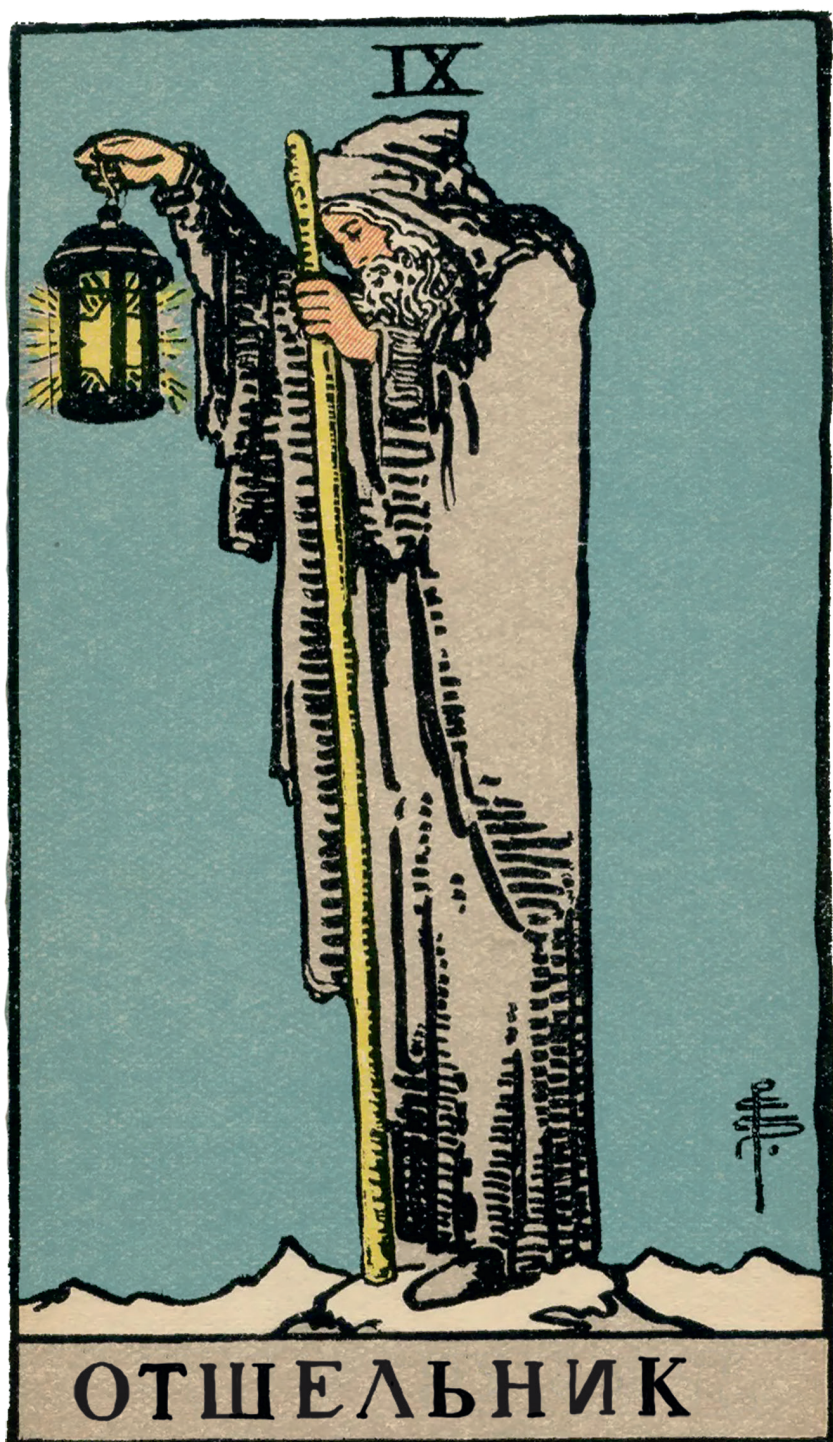
Фонарь, плащ и посох — это три знака *посвящения*.

Они нужны для того, чтобы душа человека не соблазнялась обманчивыми огнями, сияющими по сторонам пути, а шла к своей высшей цели.

Получивший эти три знака, или стремящийся получить их, старается обогатиться всем, что только может приобрести, — но не для себя, а для того, чтобы после, подобно Богу, наслаждаться славой *давать*.

Дарящая добродетель — основа жизни посвященного.

„В грабителя всех ценностей превращается его душа“, — так говорил Заратустра.

ОТШЕЛЬНИК

Посвящение соединяет *человеческий* разум с *высшим* разумом цепью аналогий. Эта цепь и есть лестница, ведущая на небо, которую видел во сне патриарх».

Карта XIV

ВРЕМЯ

Я увидел Ангела от земли до неба в белой одежде, с огненными крыльями, с золотым сиянием вокруг головы. Он стоял одной ногой на суше и другой на воде, и сзади него всходило солнце.

На груди у ангела был знак священной книги Таро — *квадрат* и в нем *треугольник*. На лбу у него был знак вечности и жизни — *круг*.

В руках ангел держал две чаши — золотую и серебряную, и между чашами лилась непрерывная струя, сверкавшая всеми цветами радуги. Но я не мог сказать, из какой чаши в какую она льется.

И в ужасе я понял, что пришел к последним тайнам, от которых уже нет возврата.

Я смотрел на ангела, на его знаки, на его чаши, на радужную струю между чашами, и мое *человеческое* сердце трепетало от страха, и мой *человеческий* ум сжимался от тоски непонимания.

«Да, — сказал Голос, — это тайна, которая открывается при посвящении. *Посвящение* и есть раскрытие в душе этой тайны. Пустыннику даются *фонарь, плащ* и *посох* для того, чтобы он мог вынести свет этой тайны.

Но ты безрассудно пришел неподготовленным; смотри же и слушай, и старайся понять — потому что теперь твое спасение только в понимании. Пришедший к тайне и не понявший ее *целиком* — погибнет.

Имя Ангела — *Время*.

На лбу у него *круг*. Это знак вечности и знак жизни.

Каждая жизнь есть круг, возвращающийся в ту же точку, откуда начался. Смерть — это возвращение к рождению и к жизни, не к новой, а к той же самой — если ты сам не сделаешь ее новой. В вечности есть все, но вечность — это змея, гонящаяся за своим хвостом и никогда не могущая его догнать.

УМЕРЕННОСТЬ

В руках у ангела две чаши — золотая и серебряная. Одна чаша — *прошедшее*, другая — *будущее*. Радужная струя между чашами — это настоящее. Ты видишь, что она льется *в обе стороны*.

Это время в его самом непонятном для человека аспекте.

Люди думают, что все непрерывно течет в одну сторону. Они не видят, что все вечно встречается, что одно идет из прошедшего, а другое из будущего, и что время — это множество в разные стороны вращающихся кругов.

Пойми эту тайну и научись различать противоположные течения в радужной струе *настоящего*.

На груди у ангела знак *священной книги Таро*, знак отношений между *Богом, человеком и Вселенной*.

Квадрат и в квадрате треугольник.

Но нужно, чтобы в треугольнике появилась точка. Четыре символа лежат в мешке Безумного. Но он забыл о них и не помнит себя. Если бы он мог проснуться от своих безумных грез, тогда в треугольнике появилась бы точка, которой равен бесконечный квадрат».

Карта X

КОЛЕСО ЖИЗНИ

Я шел, погруженный в глубокие размышления, стараясь понять свое видение — *Ангела*.

И вдруг, подняв голову, я увидел среди неба огромный вращающийся круг, покрытый каббалистическими буквами и знаками.

Круг вертелся со страшной быстротой, и вокруг него вертелись, то падая, то взлетая вверх, символические фигуры змеи и собаки, а наверху неподвижно сидел *Сфинкс*.

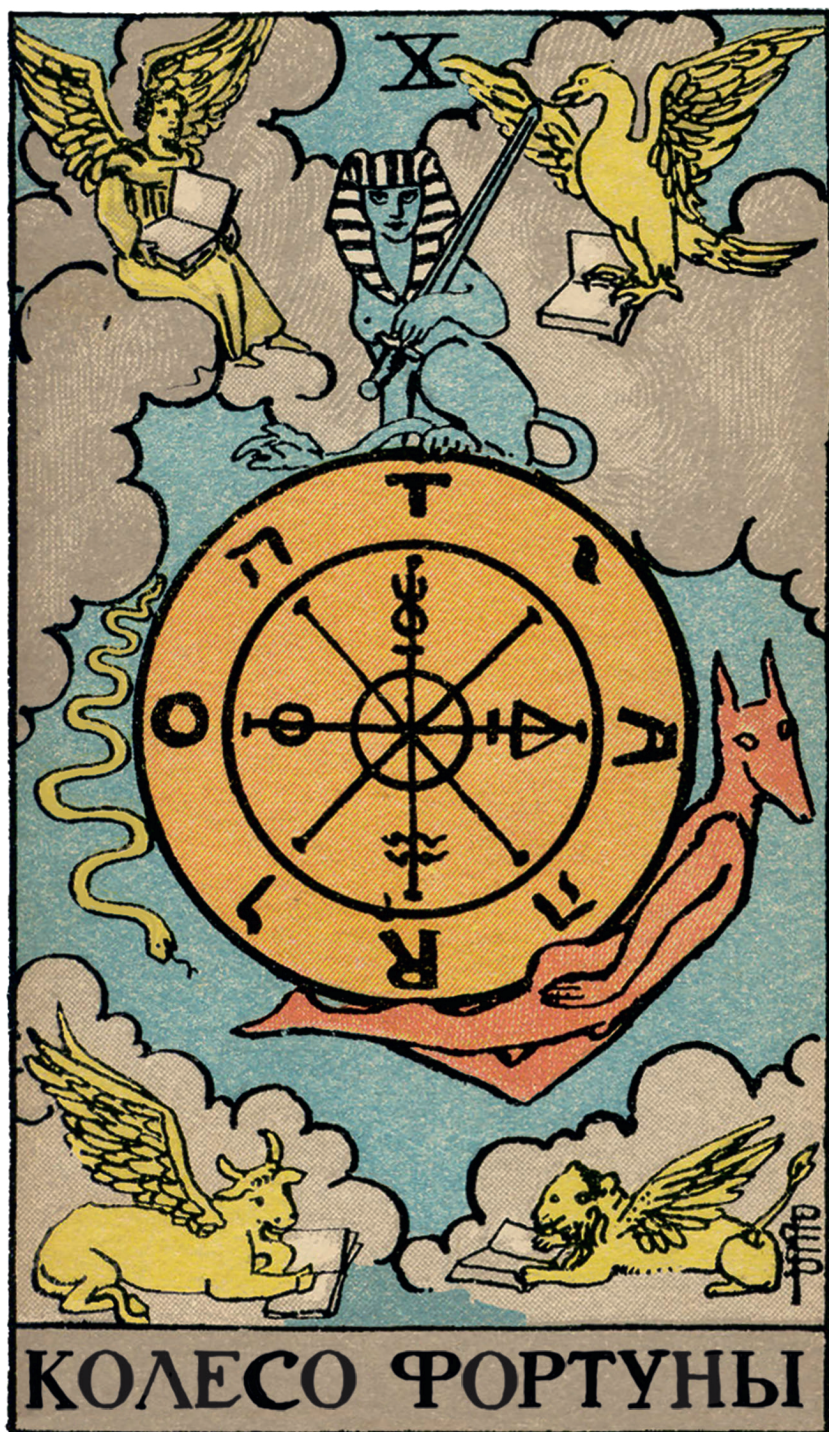
По четырем сторонам неба я увидел на облаках четырех апокалипсических крылатых существ, одного с лицом *льва*, другого с лицом *быка*, третьего с лицом *человека* и четвертого с лицом *орла* — и каждое из них читало раскрытую книгу.

.....

И я услышал голоса зверей Заратустры.

«Все идет, все возвращается; вечно вращается колесо бытия. Все умирает, все вновь расцветает; вечно бежит год бытия.

Все погибает, все вновь устрояется; вечно строится тот же дом бытия. Все разлучается, все снова друг друга приветствует, вечно остается верным себе кольцо бытия.

В каждый миг бытие начинается. Вокруг каждого „здесь“ катится „там“. Середина везде. Путь вечности идет по кривой».

Карта XIII

СМЕРТЬ

Утомленный мельканием *Колеса Жизни*, я опустил на землю и закрыл глаза. Но мне казалось, что колесо все вертится передо мной, и четыре существа на облаках сидят и читают свои книги.

И вдруг, открыв глаза, я увидел гигантского всадника на белом коне, одетого в черные латы и в черный шлем с черным пером.

Лицо скелета глядело из-под шлема. Одна костлявая рука держала большое, тихо веявшее черное знамя, и другая — черные поводья, украшенные черепами и костями.

И где проходил белый конь, там наступала ночь и смерть, вяли цветы, осыпались листья, белым саваном покрывалась земля, вырастали кладбища, разрушались башни, дворцы, города.

Цари, во всем блеске своей славы и своего могущества; прекрасные женщины, любящие и любимые; первосвященники, облеченные властью от Бога; невинные дети — все при приближении белого коня в ужасе опускались перед ним на колени, с тоской и отчаянием протягивали руки и потом падали и уже больше не вставали.

Вдали, за двумя башнями, заходило солнце.

.....

Холод смерти охватывал меня. Мне казалось, что я уже чувствую, как тяжелые копыта коня наступают мне на грудь, и как в бездну проваливается мир.

Но вдруг что-то знакомое, только что виденное и слышанное, почудилось мне в размеренной поступи коня. Мгновение — и я услышал в его шагах движение Колеса Жизни.

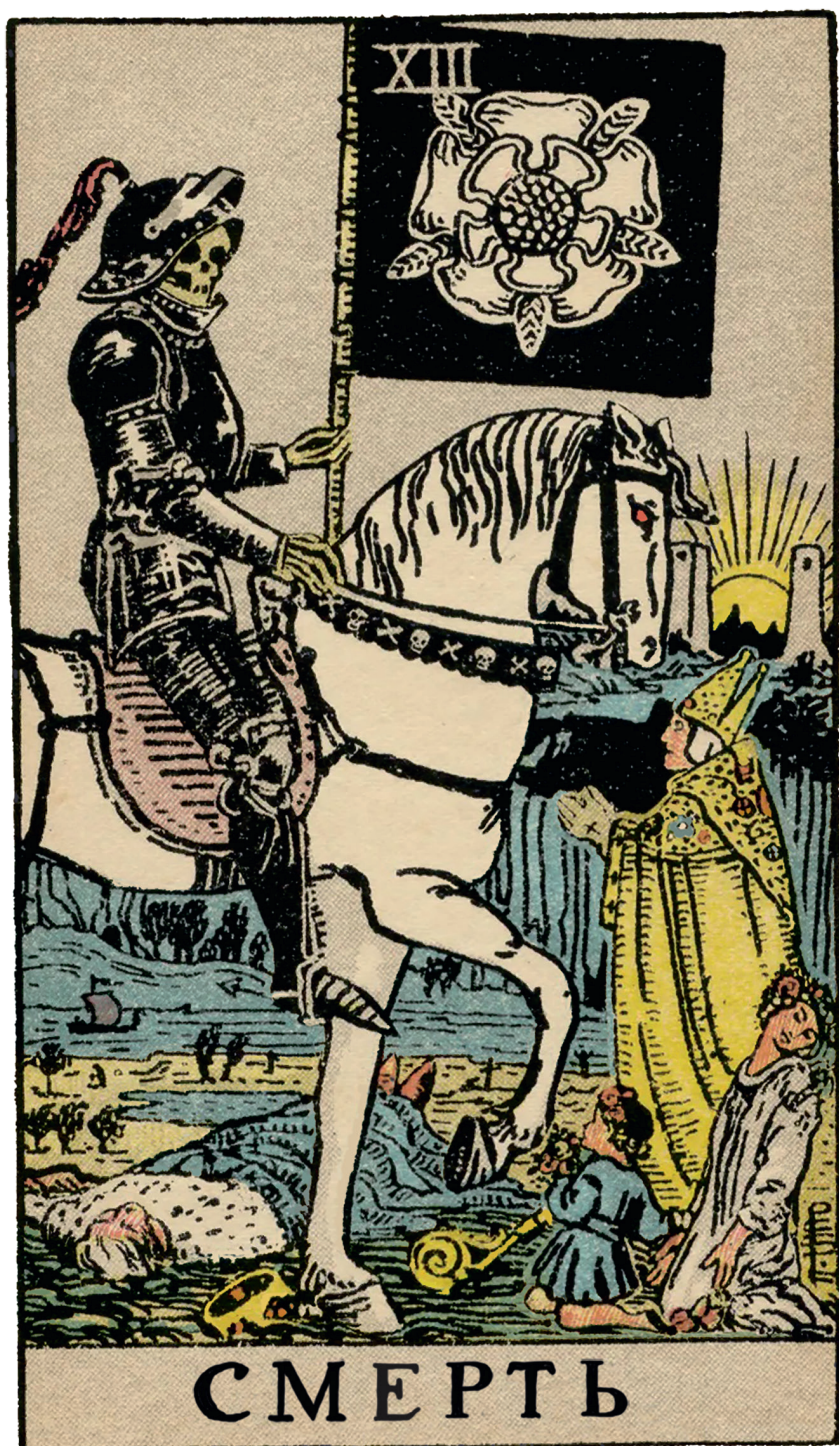
Какое-то озарение охватило меня — и, смотря на удалявшегося Всадника и на заходящее солнце — я понял... что из шагов коня Смерти состоит путь Жизни.

Заходя с одной стороны, солнце восходит с другой.

Каждый момент его движения есть закат в одной точке и восход в другой.

Я понял, что оно восходит, закатываясь, и закатывается, восходя, — и что жизнь, рождаясь, умирает, и, умирая, рождается.

.....

СМЕРТЬ

«Да! — сказал Голос. — Только об этом и думает Солнце, чтобы закаты-ваться и восходить. Разве Солнце знает что-нибудь о земле и о людях, и о закате, и о восходе? Оно идет *по своему* пути, по своей орбите вокруг неизвестного центра. Жизнь, смерть, восход, закат... разве ты не знаешь, что это все мысли, грезы и страхи *Безумного*».

Карта XI

ИСТИНА

Когда я овладел *ключами*, прочитал *книгу* и понял *символы*, мне было разрешено поднять завесу Храма и войти во внутреннее святилище. И там увидел я Женщину в золотой короне и в пурпуровом плаще. В одной руке она держала поднятый меч и в другой весы. Увидев ее, я затрепетал от ужаса, потому что вид ее был бесконечно глубок и страшен и влек меня, как бездна.

.....

«Ты видишь *Истину*, — сказал мне Голос. — На этих весах все взвешено. Этот меч непрерывно поднят на страже справедливости, и ничто не может уйти от него.

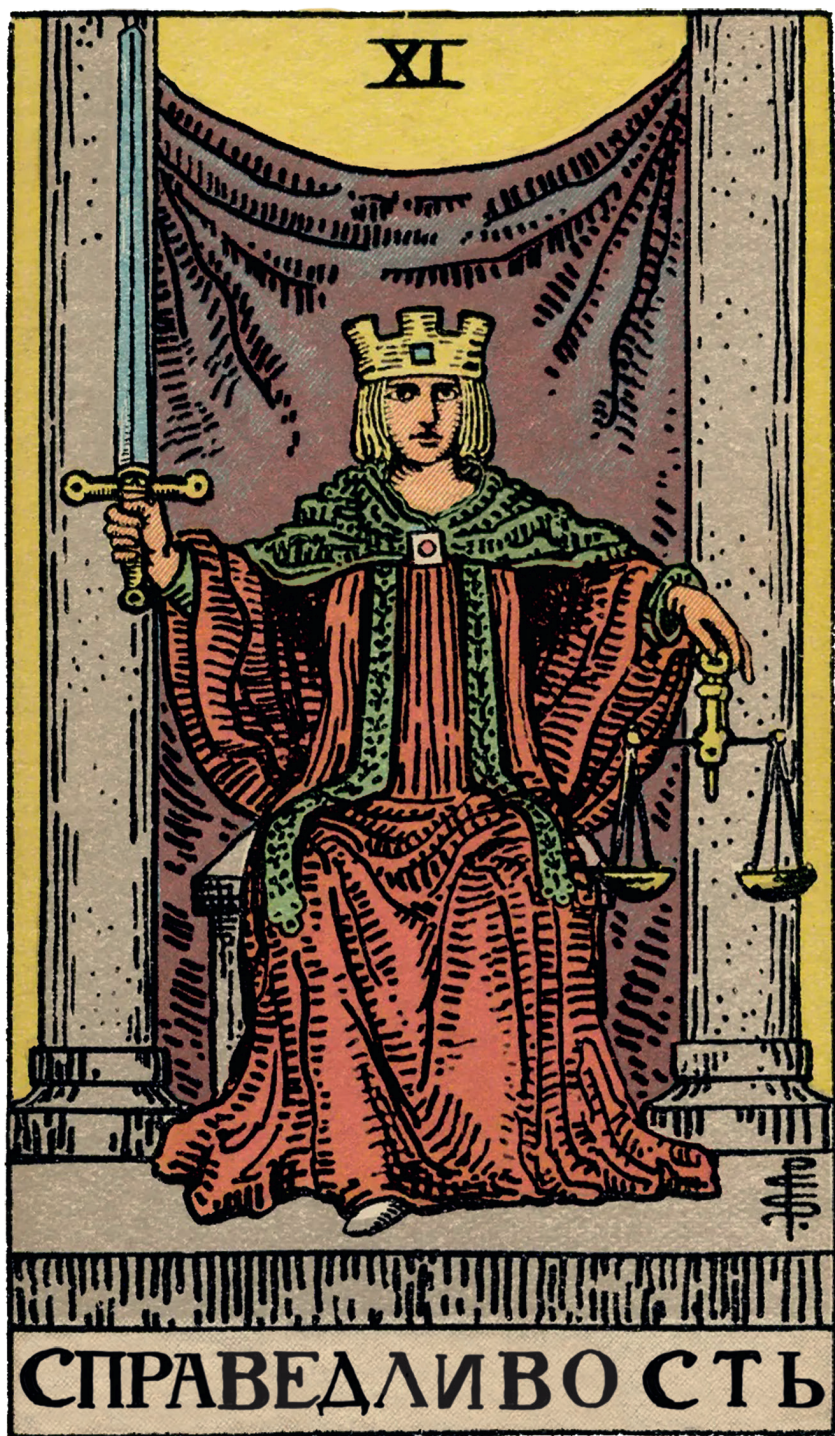
Но почему ты отвращаешь взгляд от весов и меча?

Да, они лишат тебя последних обманов. Как будешь ты жить *на земле* без этих обманов?

Ты хотел видеть Истину, и ты видишь.

Но помни, что ожидает смертного после того, как он увидит богиню. Он уже не будет в состоянии закрывать глаза на то, что ему не нравится, как закрывал до сих пор. Он непрерывно будет видеть истину, всегда и во всем. Можешь ли ты выдержать это? Теперь уже ты должен идти дальше, даже если не хочешь».

Карта XII

ПОВЕШЕННЫЙ

И я увидел человека со связанными за спиной руками, повешенного за одну ногу на высокой виселице и висящего в ужасных мучениях вниз головой.

Вокруг головы его было золотое сияние.

.....

И я услышал Голос, который говорил мне: «Смотри! Это человек, *видевший истину*.

Новое *страдание* такое, какого не могут дать земные несчастья! Вот что ждет человека *на земле*, когда он найдет путь в вечность и понимание бесконечного.

Он еще человек, но он уже знает многое, недоступное даже богам. И несоответствие великого и малого в его душе составляет его казнь и его голгофу.

В его собственной душе поставлена для него высокая виселица, на которой он висит в страданиях, чувствуя себя перевернутым вниз головой.

Он сам избрал этот путь.

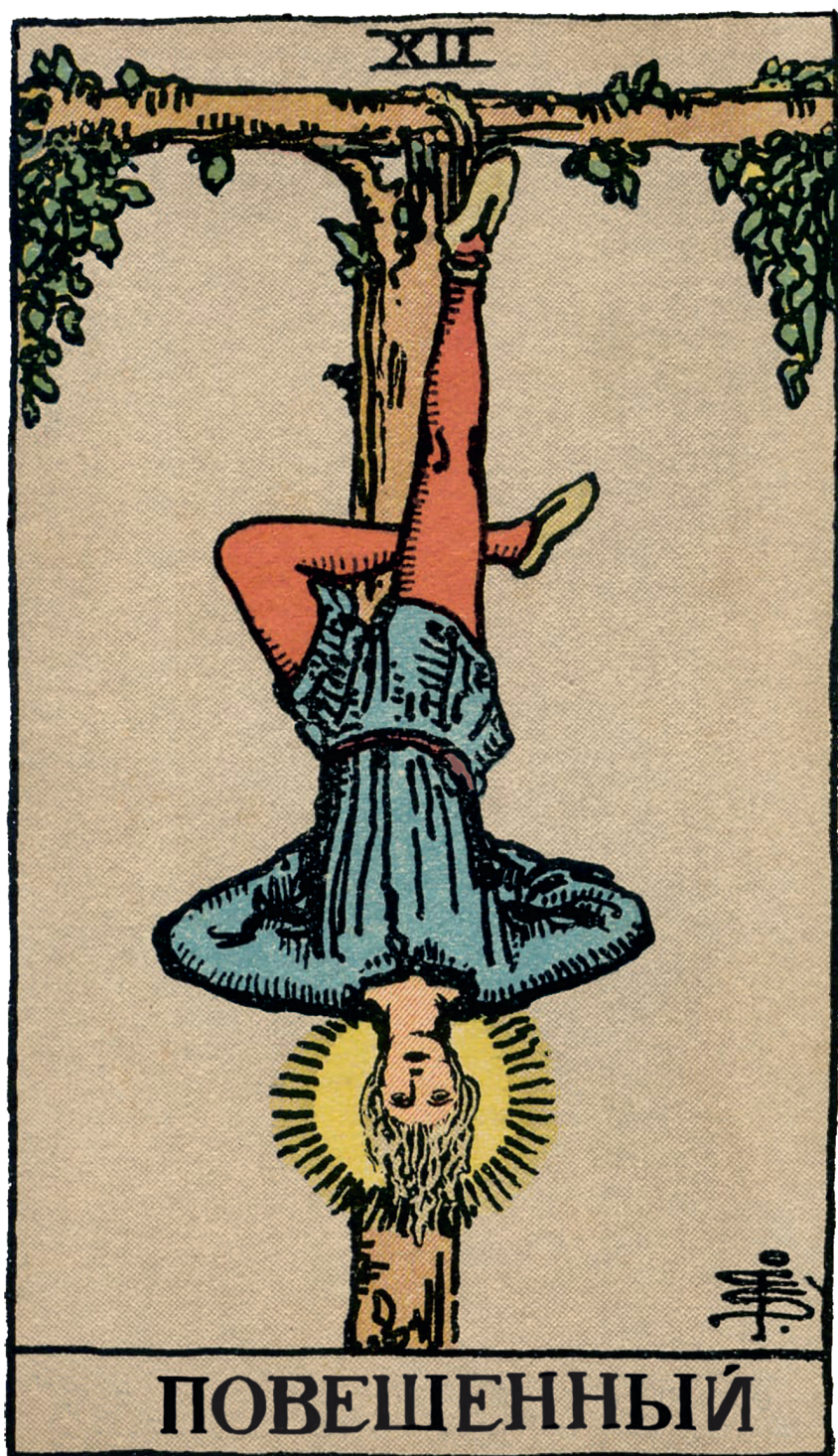
Для этого он шел долгой дорогой от испытания к испытанию, от посвящения к посвящению, через неудачи и падения.

И вот он нашел *истину* и познал самого себя.

Он знает теперь, что *он* стоит от земли до неба перед жертвенником с магическими символами, и он же идет в дурацком колпаке по пыльной дороге под палящим солнцем к пропасти, где его ждет крокодил; он со своей подругой в раю под сенью благословляющего Гения; он же с ней прикован к черному кубу Лжи; он стоит, как победитель на миг, на обманчивой колеснице, запряженной сфинксами; и он же в пустыне ищет истины с фонарем при ярком свете дня.

Вот теперь он нашел ее».

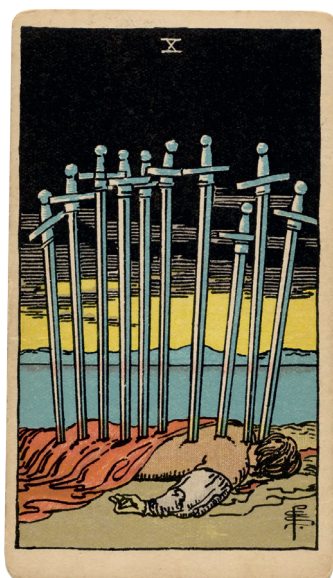
ПОВЕШЕННЫЙ

Дурак из Колоды Уйита

РАЗГОВОРЫ С ДЬЯВОЛОМ

Оккультные рассказы

Воспроизведено по

Издание А. Н. Брянчанинова (Новое звено)

ПЕТРОГРАД
1916

Я расскажу тебе сказку, сказал дьявол, только с условием, чтобы не спрашивал у меня никакой морали. Выводи сам, какие хочешь, заключения, но пожалуйста, не спрашивай ничего у меня. Нам и так приписывают слишком много глупостей, а ведь мы, строго говоря, даже не существуем. Вы нас сами сочиняете.

Это было в Нью-Йорке, лет двадцать тому назад. Там жил тогда один молодой человек, которого звали Хьюг Б. Я не скажу тебе его полного имени. Ты сам скоро догадаешься. Это имя знают теперь все люди во всех пяти частях земного шара. Но тогда его никто не знал.

И я начну с трагического момента в жизни этого молодого человека, когда он ехал из одного из пригородов Нью-Йорка в центр, на Бродвей, для того, чтобы купить там револьвер, а потом застрелиться из этого револьвера на пустынном морском берегу Лонг-Айленда в одном месте, которое осталось у него в памяти со времён мальчишеских экскурсий, когда он и его товарищи, воображая себя путешественниками-исследователями, открывали неизвестные страны вокруг Нью-Йорка.

Намерение его было очень определено, и решение твёрдо. В общем—самый обыкновенный случай из жизни большого города, каких мне приходилось видеть и даже, сознаюсь откровенно, устраивать тысячи и десятки тысяч. Но на этот раз такое обыкновенное начало имело совсем необыкновенное продолжение и необыкновенный результат.

Но, прежде чем перейти к тому, что из этого дня вышло, я должен рассказать тебе подробно, что к этому дню привело.

Хьюг был изобретатель, прирожденный изобретатель. С раннего детства, гуляя с матерью в парке, и во время игр с другими детьми, и просто, когда он тихо сидел в углу, перебирал какие-нибудь кубики или рисуя уродцев, он

все время изобретал и строил в уме самые разнообразные и самые невероятные приспособления и усовершенствования для всего на свете.

Особенное удовольствие доставляло ему изобретать различные усовершенствования и приспособления для своей тетки. То он рисовал ее с дымовой трубой, то на колесах. А за один рисунок, на котором эта немолодая девица была изображена с шестью ногами и еще с разными приспособлениями, маленькому Хьюгу сильно влетело. Это было одно из его первых воспоминаний.

Вскоре после этого Хьюг научился чертить, а потом мастерить модели своих изобретений. К этому времени он уже понял, что живых людей усовершенствовать нельзя. Но все-таки все его изобретения были, конечно, совершенно фантастичны. И когда ему было четырнадцать лет, он чуть не утонул, пробуя изобретенные и сделанные им самим водные лыжи.

В то время, о котором я говорю, ему было 26–27 лет. Он был женат уже несколько лет, служил чертежником на большом механическом заводе и жил в квартирке из трех крошечных комнат, больше похожих на каюты океанского парохода, в огромном и безобразном кирпичном доме, в одном из предместий Нью-Йорка. И он был очень не доволен своей жизнью.

Обыкновенно белые рабы ваших заводов и фабрик плохо сознают свое рабство. Если они и мечтают о чем-нибудь, то только о том, чтобы как-нибудь приукрасить свое рабство, — весело провести воскресенье, пойти вечером на танцы, одеться, как джентльмен, иметь побольше долларов. Если даже они недовольны своей жизнью, они думают об уменьшении часов работы, о большем заработке, о праздничном отдыхе — словом, вся музыка вплоть до социалистических программ. Но они никогда, даже мысленно, не решаются восстать против самой работы. Это их Бог, и против него они не решаются идти даже мысленно.

Но Хьюг был сделан совсем из другого материала. Он ненавидел само рабство. Ненавидел сам труд. Всегда говорил, что это и есть проклятие Божие. Всеми фибрами своей души он чувствовал природу этого спрута, впившегося в него своими присасывающимися щупальцами. И ему-то уже во всяком случае не пришла бы в голову мысль украшать свое рабство или обманывать себя какими-нибудь дешевенькими развлечениями.

Ему было шестнадцать лет, когда умерла его мать, ему пришлось бросить школу и поступить учеником в чертежную завода на жалованье в пять долларов в неделю.

Это было начало его карьеры. В чертежной он по внешности ничем не отличался от других учеников. Он копировал чертежи машин, готовил бумагу, краски, чинил карандаши, бегал с поручениями по разным отделениям завода. Но в душе он ни на одну секунду не примирялся с этой жизнью. И он все время говорил себе, что должен стать изобретателем, и изобретения должны дать ему миллионы и ту яркую, богатую и фантастическую жизнь, о которой не могли даже мечтать его товарищи по заводу.

Здесь играло большую роль то обстоятельство, что Хьюг был совсем другого происхождения, чем большинство окружавших его. Это были все дети труда и нужды, сыновья таких же заводских рабочих или недавних эмигрантов, переселившихся в Америку, спасаясь от жадности лэнд-лордов, от безработицы, от голода и холода. Их мир был маленький, ограниченный, узенький мирок, в котором главное место занимала борьба с голодом и с нуждой, всегда близкими и возможными. Но в душе Хьюга говорили совсем другие инстинкты. Он принадлежал к старой американской фамилии, к потомству пионеров, видевших девственные леса страны великих озер и рек и сражавшихся с краснокожими. Среди его предков были члены конгресса, генералы в войне за независимость, богатые плантаторы южных штатов.

Его отец потерял остатки состояния во время междоусобной войны, в которой он принимал участие офицером армии Юга. Он был ранен, взят в плен, бежал в Канаду, женился там на молодой канадской француженке и через несколько лет умер. Мать Хьюга во время его детства рассказывала ему о своих предках. морских капитанах и о предках отца — плантаторах и военных, о роскошной жизни на южных плантациях, которых она сама никогда не видела, о толпах рабов, о блестящих балах, о танцах, о дуэлях, о прекрасных дамах в черных масках, о прадеде Хьюга, бывшем губернатором Южной Каролины, о мексиканской войне, об экспедициях на Далекий Запад. Хьюг вырос среди этих рассказов, они составляли часть его души, и, естественно, что масштаб жизни людей, окружавших его на заводе, был для него слишком узок. И в душе он глубоко презирал заводских служащих и заводскую жизнь, со всем, что она могла дать.

Но сам завод и машины глубоко интересовали его. Он мог часами простаивать перед каким-нибудь станком, стараясь понять его, разгадать его душу. Он набирал себе разных каталогов и прейскурантов с описаниями машин, изучал чертежи, рисунки, фотографии, целыми ночами мог сидеть над книгами по механике и машиностроению, какие только ему удавалось достать. И все время в его голове создавались новые комбинации каких-то валов, колес, рычагов — новые изобретения одно удивительнее другого.

Но ни на одну секунду он не переставал ненавидеть рабство. И часто по ночам, когда сознание, что ему нужно вставать в шесть часов утра, заставляло его отрывать от его милых книг и ложиться спать, он давал себе самые страшные клятвы, что лучше умрёт, чем будет долго подчиняться этой жизни. Но он не обманывал себя и прекрасно понимал все трудности, стоявшие на его пути. Чтобы победить рабство, нужно было у этого рабства урывать время. А рабство состояло именно в том, что на времени Хьюга всегда лежала железная рука обязательного труда. И он чувствовал, как эта рука отпускает его на несколько часов, очень редко на несколько дней, только для того, чтобы потом сжать еще сильнее. И Хьюг с необыкновенной болью ощущал это убийство своего времени и боролся, отстаивая каждый час.

Но на вид он был веселый, бодрый и неунывающий молодой янки. Только он не мог, да и не хотел не думать, как не думали другие, и это отличало его от других.

Первые года два жизни на заводе он сознавал тяжесть своего положения не так больно, потому что очень сильно верил в себя, в свои силы и в свои будущие изобретения. Но потом он стал замечать, что невольно во многом начинает поддаваться заводской жизни, что эта жизнь и окружающие люди уже накладывают на него свою печать. И с этого времени у него кроме отвращения и ненависти к рабству явился ужас перед ним.

Но через четыре года его службы на заводе произошел один случай, который сразу изменил его положение. Раз ему дали перекопировать испорченные чертежи одной новой машины. Делая копию, Хьюг нашел ошибку в расчете, а кроме того ему пришло в голову необыкновенно простое и практичное приспособление, которое почти вдвое увеличивало производительность машины. Он отправился с докладом к одному из заводских инженеров, проектировавшему машину. Тот, не желая сознаться в ошибке, накричал на него и выгнал вон. Хьюг отправился к директору. Тот сначала тоже принял его довольно сурово, но Хьюгу удалось заставить его выслушать себя. Вникнув, наконец, в дело, директор согласился со всеми его заключениями.

Сразу все переменилось. Хьюг получил награду за изобретенное приспособление и место старшего чертежника. Вместо копий ему теперь стали поручать составление новых чертежей по наброскам инженеров, с ним стали советоваться, и открывший его директор предсказывал, что он пойдёт далеко.

Но на самого Хьюга этот неожиданный успех совсем не произвел такого впечатления, как на других. Он принимал все, как должное. Он говорил себе,

что судьба должна дать ему все, о чем он мечтал. И то, чего он мог достигнуть на заводе, было так мелко в сравнении с его мечтами, что об этом не стоило даже серьезно говорить. Но, конечно, это было лучше. Он нанял себе маленькую квартирку, устроил мастерскую и начал по вечерам и по воскресеньям работать над своими изобретениями. В это время его увлекала идея карманного двигателя для ручных инструментов. Но это изобретение оказалось мало практичным. Потом он изобретал управляемую торпеду, потом автоматический тормоз для подъемных машин, потом еще что-то и еще что-то. Но во всем этом ему мешал недостаток теоретической подготовки и служба на заводе, бравшая слишком много времени. Но избавиться от службы не представлялось никакой возможности. Тем более, что вскоре после своего повышения Хьюг женился на Мадж О'Нейл. Ему было тогда 22 года.

Это произошло совершенно стихийно. Так случаются вещи, которые должны случиться. Хьюг пошел в воскресенье в зоологический сад в Центральном парке. Ему уже давно хотелось посмотреть больших птиц, особенно кондоров. Он работал в то время над летательным аппаратом. Там, у решетки-сетки, за которой жили кондоры, рядом с ним оказалась высокая черноволосая и черноглазая девица в большой красной шляпке, видимо, очень веселая. Она болтала с подругой с ирландским акцентом и несколько раз, смеясь, посмотрела на Хьюга. И Хьюг, сам не зная, как он это сделал, заговорил с ней. Они вместе отошли от кондоров; и потом как-то вышло так, что они обошли вместе весь зоологический сад. И хотя Хьюг совсем не собирался смотреть бизонов и обезьян, ему это доставило почему-то большое удовольствие. Хьюг узнал, что Мадж служить переводчицей и стенографисткой в немецкой конторе, что ее родители умерли, что у нее есть маленький брат, и что на следующее воскресенье они поедут с подругой к морю. Они встретились в следующее воскресенье. Потом стали видаться по вечерам. Вместе придумывали, как отделаться от подруги. И, наконец, Хьюг почувствовал, что Мадж нужна ему так же, как его изобретения.

Тогда они решили пожениться. И Хьюг был уверен, что прекраснее и умнее Мадж нет ни одной женщины на свете. Он чувствовал себя необыкновенно счастливым и не сомневался, что теперь он победит жизнь.

Во время одной из прогулок за городом, обсуждая их будущую женатую жизнь, Хьюг сказал, что у них не должно быть детей, пока их дела не изменятся, т. е. пока его изобретения не начнут приносить настоящего дохода, так, чтобы он мог бросить службу, и они могли начать жить, как богатые и свободные люди.

Мадж понравилось, что он заговорил об этом, т. е. понравился сам разговор. Это было *daring* — смело, — как она сказала сама себе. Ее приятно волновал этот разговор о детях, которые у них будут или не будут. И она согласилась с Хьюгом, делая вид, что вполне понимает его. Было приятно идти с ним под руку в парке, чувствовать себя совсем взрослой и рассуждать о чем-то чуть-чуть неприличном.

Так оно казалось Мадж. Она была немного недовольна только тем, что Хьюг не сказал больше, перевел разговор на что-то другое, не объяснил, как они сделают, чтобы у них не было детей. В этот момент сама тема казалась Мадж рискованной и заманчивой. И она тогда не понимала, конечно, что их решение заставит ее очень страдать и явится причиной разлада с Хьюгом и целого ряда других событий.

В то время Хьюг очень нравился Мадж. И она тоже чувствовала, что не могла бы отказаться от него. Ей нравилось слушать, что он рассказывал о своих будущих изобретениях, которые должны были дать им миллионы, о своих предках из Южной Каролины, и о блестящих балах на плантациях, после которых толпа негров с факелами провожала возвращавшихся по домам гостей. Но ей часто хотелось смеяться во время этих рассказов, до такой степени Хьюг увлекался и рассказывал так, точно он сам видел эти балы и праздники, и точно он уже сделался знаменитым изобретателем и миллионером, и не знает, куда девать деньги. Впрочем, Мадж верила, что Хьюг изобретет какую-нибудь необыкновенную вещь, и они будут богаты. Но дальше мечты Хьюга и Мадж расходились. Фантазия Хьюга не знала ни границ, ни удержу. Вилла в Сорренто, дворец в Венеции, собственная яхта, путешествие в Индию, в Японию, знакомство со всеми знаменитостями мира, с писателями, с художниками; все столицы мира со всеми их чудесами к его услугам. И потом новые изобретения, одно удивительнее другого, совершенно переворачивающие всю жизнь на земле и приносящие им новые миллионы и миллиарды.

Когда Хьюг мечтал таким образом, Мадж всегда казалось, что она слушает своего маленького брата, который собирался, когда вырастет, сражаться с индейцами. И Мадж начинала думать, что, вероятно, все мужчины — большие дети, с которыми нужно разговаривать, как с детьми. Вилла в Сорренто или охота за скальпами, это звучало совершенно одинаково для Мадж.

Мечты самой Мадж были гораздо реальнее и ближе к жизни. Она мечтала, как всякая женщина, о нарядах, о шляпках, о платьях, но ее особенно стью было то, что она не могла мечтать отвлеченно — о вещах, которых не видала. Она могла мечтать только о таком платье, или такой шляпке, кото-

рые она видела в магазине, или относительно которых она знала, что они продаются там. Недостаток фантазии, скажешь ты? Конечно. Хотя у нее были некоторые любимые мечты, например, ей казалось, что было бы необыкновенно приятно поехать в город и истратить в один день на то, что будет приходить в голову, сто или даже двести долларов. Затем Мадж мечтала о хорошенькой квартире или об отдельном доме с новой мебелью прямо из магазина, с новой посудой, с новыми медными кастрюльками; мечтала о поездке на морские купанья или еще лучше куда-нибудь «в горы». Это казалось ей более аристократично. Потом она мечтала бывать как можно чаще в театрах, в опере, в концертах, сидеть в ложе или в первых рядах, слушать знаменитых певцов и певиц, и видеть совсем близко от себя всех тех людей, мужчин и дам из upper ten thousand, имена которых она знала из газет, потому что великосветская хроника, балы, приемы и особенно великосветские скандалы, на которые прозрачно намекали репортеры, составляли любимое чтение девиц в конторе, где она служила.

Но в то же время Мадж не была совсем вульгарной. И она стояла гораздо выше уровня своих подруг, могла читать книги вроде «Looking Backward» Беллами — «Через сто лет», где описывалось идеальное социалистическое государство и очень увлекалась идеями «простой жизни», «возвращения к природе» и т. п. Больше всего на свете она любила цветы и детей. И в сущности, если она о чем-нибудь по-настоящему мечтала, то именно о детях, хотя сама это плохо понимала. И ей очень хотелось верить, что она любит Хьюга и сочувствует ему и верит в его изобретения.

И вот они женились и жили в маленькой квартирке в огромном доме уже почти пять лет. Эти пять лет были малоудачны для Хьюга. Из его изобретений ничего практического не выходило. А служба на заводе все больше и больше тяготила его. Сначала после своего быстрого повышения и улучшения материального положения он как будто примирился со службой. Но встреча с Мадж и женитьба опять с новой силой заставили его рваться на свободу.

Хьюг очень любил Мадж, и ему постоянно хотелось быть с ней. На деле же он почти не видел ее. Днем на службе, вечером в своей мастерской. Иногда по вечерам с болью в сердце он бросал свою работу и куда-нибудь шел с Мадж. Но он чувствовал при этом, что совершает преступление перед той же Мадж, откладывает час их освобождения. И это портило ему все удовольствие. — А утром его отрывала от Мадж служба. Это все было особенно больно, потому что Хьюг так мечтал проводить с Мадж целые дни, читать с ней, путешествовать, вместе с ней видеть все чудеса Европы и Востока, которых он сам никогда не видел, но о которых никогда не переставал грезить.

И свободу, так же как осуществление всех грез и мечтаний, должны были принести его изобретения. Но на пути к этому стояла служба, утомлявшая его, бравшая все его время, мешавшая его работе.

Скоро Хьюг убедился, что завод очень широко пользуется его способностью к изобретениям. Придуманное им приспособление к машине, за которое он получил награду в пятьсот долларов и место чертежника, с жалованьем огромным после десяти долларов в неделю, но в сущности мизерным и уменьшенным сравнительно с жалованьем его предшественника, дало заводу, наверное, сотни тысяч. Это приспособление, получившее имя фирмы, применялось теперь на всех станках, выпускаемых заводом, и являлось их характерной чертой. За этим первым изобретением последовало много других, за которые Хьюг не получал уже никаких наград. Изобретения стали как будто его обязанностью. Ему ставили определенные задачи и требовали их разрешения. Завод явно эксплуатировал его. И Хьюг видел и чувствовал, что эта обязательная работа истощает его изобретательность, мешает его настоящей серьезной работе над его собственными проектами и идеями. Тогда он решил меньше давать заводу. Его оскорбляло, что его заслуги не ценятся. И он часто возмущался в душе. «Я мог бы для них очень много сделать», говорил он себе, «если бы они были способны ценить это и понимали, что за это нужно платить».

Хьюг хорошо знал, что на заводе старого типа, где был бы хозяин, внимавший в дело, понимавший и любивший дело и знавший служащих, за него держались бы обеими руками. Он видел, что его способность к изобретениям представляет капитал, и что он имел бы полное право стать пайщиком дела и участником в прибылях.

Но завод был учреждением, организованным по новому типу. А новый тип промышленных предприятий ничем не отличается от самых неприятных бюрократических учреждений. Людей там не ценят, заслуг не помнят, стараются только из всего возможно больше выжимать и выколачивать, всегда и на всем делать экономию, во что бы то ни стало сокращать расходы и увеличивать дивиденды.

И на этом заводе Хьюг, конечно, никогда не мог выбиться из положения мелкого служащего, не имеющего никаких прав. Завод принадлежал акционерной компании. Компания сама была проглочена трестом. Директора все были из акционеров. И Хьюг прекрасно понимал, что, не имея достаточно количества долларов, он всю жизнь останется здесь чертежником, которого самым обидным образом эксплуатируют, и даже не замечают этой эксплуатации. Директора очень быстро менялись. Новые уже ничего не знали

о прежних изобретениях Хьюга. Все сделанные им приспособления и усовершенствования были просто собственностью завода, и было бы странно даже заявлять на них какую-нибудь претензию. Но Хьюг знал стоимость своих изобретений, и это глубоко возмущало его и заставляло еще сильнее ненавидеть рабство. Наконец, он решил сопротивляться. И когда ему поручали составлять новые чертежи с указаниями, где и что следовало бы изменить и улучшить, он стал делать чертежи по старым образцам и моделям, не внося в них никаких изменений, хотя часто видел возможность улучшений.

Это скоро заметили. И Хьюг получил замечание от старшего инженера, небрежно заметившего ему, что он, кажется, совсем выдохся.

— Я только чертежник, — сказал Хьюг, — и я получаю даже меньше, чем получал мой предшественник, который ничего не изобретал.

— Изобретал? — сказал инженер. — А что же вы за изобретатель? Ваша обязанность разрабатывать в деталях проекты, которые вам передаются. Если вы можете только копировать, мы найдем на ваше место другого.

— Ну и ищите! — сказал про себя Хьюг. И он решил, что с этого дня ни одно его изобретение больше не попадет заводу.

Но это пассивное сопротивление эксплуатации очень быстро отразилось на его положении. Первый год он не получил награды. Второй год ему вместо увеличения уменьшили жалованье. А это означало, что его могут уволить, как «потерявшего трудоспособность».

Хьюг понимал это, но не хотел подчиняться.

Нужно сказать при этом, что отношения Хьюга с Мадж тоже складывались неважно. Скоро стало очевидно, что действительность совсем не оправдала их блестящих ожиданий, и жизнь шла очень серо и скучно. В начале Мадж нравилось, что Хьюг «изобретатель», и это приятно действовало на её самолюбие. Но потом она стала желать, чтобы он был больше похож на других, больше заботился о ней и меньше думал о своих фантазиях. Уже вскоре после брака Мадж стало казаться, что Хьюг очень мало думает о ней, слишком много оставляет ее одну, мало разговаривает с ней, не старается развлекать ее, доставлять ей удовольствия. Другие мужья были в этом отношении гораздо лучше.

Конечно, мечты Хьюга были очень заманчивы, но раз так не выходило, то лучше было давно все это бросить и брать от жизни то, что она могла дать. Но Хьюг не хотел понять этого. Так казалось Мадж.

В действительности Хьюг, конечно, все понимал, но он не хотел признавать неудачи и упрямо шёл к своей цели. Тут сказывалась разница происхождения, Мадж была другой породы. Ты понимаешь, у дворянки или

у комнатной собаки может быть чутье, но у неё никогда не будет выдержки и упорства настоящей охотничьей собаки. Она будет терять след, чересчур легко будет отказываться от него. — У Хьюга же, наоборот, было очень много породы. И ему, действительно, ничего не стоило жертвовать всем ради достижения своей цели. Он даже почти не замечал этих жертв, не считал их жертвами. В самом деле это же все делалось для того. Значит, что же об этом было разговаривать.

Но на Мадж очень тяжело ложился деспотизм Хьюга, обычный у людей, поглощённых одной идеей. Жертвуя всем сам, Хьюг невольно требовал тех же жертв от Мадж. Он слишком привык думать известным образом, смотреть на вещи известным образом. И ему было странно думать, что Мадж может принимать все иначе. Ну, понимаешь, например, ему было странно думать, что Мадж хочется пойти в театр... «Стоит ли теперь идти в этот театр? — говорил себе Хьюг. — Ведь тогда мы увидим всё». Но Мадж ощущала иначе, и она очень скучала. Последние два года их отношения с Хьюгом начали сильно портиться. Особенно, когда Мадж потеряла место, и ничего другого не могла найти. Денег у неё убавилось, а свободного времени прибавилось. Она сидела дома и скучала.

Больше всего её заставляло страдать их решение не иметь детей. Перед свадьбой Мадж считала, что так будет во всяком случае недолго и притом плохо понимала, что это значит. Но затем все явилось для нее совсем в другом свете и в очень неприятном.

Есть специальные бесы, занятые устройством семейной жизни людей, играющие, так сказать, на повышение или на понижение в различных случайностях семейной жизни. Они могли бы лучше рассказать тебе, как и почему всё так вышло. Я могу сказать только одно. Есть разные люди. И бывают люди или настолько примитивные, или наоборот достаточно извращенные, что им не мешает никакая искусственность в делах любви. Но Хьюг и Мадж были и недостаточно примитивны, чтобы удовлетворяться тем, что им давала судьба, и в то же время слишком нормальны, чтобы переделывать природу по своему фасону. И природа стала им мстить за покушение с негодными средствами. Началось с незаметного охлаждения. Но чем дальше, тем все шло хуже. И последний год они были почти совсем чужими. Мадж сама требовала этого, но внутренне это ее очень обижало, потому что она искренно любила Хьюга.

И она очень хотела иметь детей, любила их и мечтала о них. У всех её подруг, выходивших замуж, были дети. Везде, куда она ни шла, на улицах, в парках Мадж видела детей, и дошло до того, что она просто не могла равнодушно смотреть на них. Часто она прямо галлюцинировала ребенком, чувство-

вала его маленькое теплое тело у себя на руках, разговаривала с ним, нянчила его, учила ходить, играла. И ни на одну секунду она не забывала, что все это могло бы быть в действительности, если бы только Хьюг был обыкновенным человеком, как все, а не каким-то полоумным. Она чувствовала, что нелепые мечты Хьюга о венецианских дворцах и о яхтах в Средиземном море стоят на пути её самых глубоких и самых близких её душе мечтаний женщины, и дошло до того, что Мадж начинала испытывать прямо ужас, когда Хьюг пускался в свои мечты, с глазами устремленными в даль, или когда он заговаривал о рабстве, из которого он хочет и должен выйти. Всё это были слова, не доходившие до души Мадж, и казавшиеся ей ненужной аффектацией, позёрством, выдумкой... Мечты Хьюга давно потеряли для неё всякую реальность и стояли на уровне романов из жизни маркизов и графов, которые она брала в библиотеке. И она не понимала, как можно до такой степени смешивать действительность и вымысел, как это делал Хьюг. — Это все равно, что я стала бы ждать, что к нам на 235 авеню явится виконт де Бражелон и увезёт меня в золотой карете, думала Мадж. И ей часто теперь приходило в голову, что другая на её месте давно бы развелась с Хьюгом и вышла замуж за нормального человека. Хуже всего для них было то, что они уже давно начали ссориться, и Мадж постоянно говорила, сначала, чтобы подействовать на Хьюга, а потом, потому что сама начала верить, что он ее совершенно не любит, и что она ему совершенно не нужна. И все попытки Хьюга рассказать ей о своих видах на будущее и заразить ее своими мечтами и своим энтузиазмом кончались тем, что Мадж начинала плакать и кричать, что она этого больше слышать не хочет.

А с изобретениями Хьюга действительно ничего не выходило. Или они были непрактичны и требовали для своего применения других изобретений, или Хьюг опаздывал и получал патент через полгода после кого-нибудь другого.

Последнее, что он изобрёл, это был какой-то очень хитрый аппарат для измерения и записывания скорости паровозов. Это было нужное и практическое изобретение, потому что хороших аппаратов таких не было, и союз железных дорог объявил конкурс.

Хьюг придумал и построил удивительно простую и в тоже время точную машину. Но и тут вышла неудача. Принцип, который он считал своим собственным и совершенно новым, оказался уже примененным другим изобретателем, который опередил его всего на три недели и получил премию. Когда Хьюг узнал об этом, он первый раз в жизни почувствовал что-то вроде отчаяния.

— Если бы не было службы, моя модель была бы готова три месяца тому назад, — сказал он себе, — С этим ядром на ноге я всегда буду опаздывать на полчаса, и другие будут получать все, что предназначалось мне.

Ему хотелось рассказать Мадж про свою неудачу, но он чувствовал, что у неё не будет сочувствия. Она была слишком сильно настроена против его изобретений. Она скажет, что знала заранее, что из этого ничего не выйдет, что он совершенно напрасно потерял почти целый год, что она была права, когда говорила, что деньги, которые тратятся на мастерскую и на модели, гораздо приятнее было бы истратить на что-нибудь другое: — поехать куда-нибудь летом; купить что-нибудь... Столько вещей им было нужно!

Что он мог ответить на все это? Сказать опять то же, что говорил всегда, что они должны ждать, что у них все будет? Но Хьюг и сам чувствовал, что все подобные слова не только не успокаивают и не утешают Мадж, но только еще больше раздражают и обижают ее.

И, думая все это, Хьюг особенно сильно почувствовал, что Мадж уже примирилась с жизнью, как она складывалась, и хотела только немножко украсить эту жизнь.

И Хьюг не спорил в душе и понимал Мадж, но в то же время он знал, что для того, чтобы исполнить её уже совсем реальные желания, ему нужно бросить все попытки изобретений и заняться службой, отдавая ей и свое время, и свои способности. Но на это он не мог согласиться. Все его существо возмущалось и протестовало.

И вот вечером того дня, когда Хьюг узнал, что его последнее изобретение, на которое он возлагал столько надежд, провалилось, он сидел в своей комнате и думал, что ему дальше делать. Против него на стене висела купленная им года за два до этого гравюра, изображавшая Прометея, прикованного к скале, и орла, выклевывающего у него печень.

Прометей это был он сам. А орел была его служба, каждый день выбиравшая из него все его силы.

— Насколько прекрасен свободный труд, настолько же ужасен и отвратителен подневольный, — сказал себе Хьюг. Родоначальник всей нашей культуры, это тот дикарь, который, вместо того, чтобы съесть побежденного врага, заставил его работать на себя. — Мы побежденные, которых медленно едят победители.

Как видишь, Хьюг иногда говорил афоризмами. В это время вернулась домой Мадж. Она была у жены одного из служащих завода и в разговоре узнала, что Хьюгу сбавили жалованье. Это было уже два месяца тому назад, и он ей ничего не сказал. Мадж была поражена в самое сердце. Во-первых, неискренность Хьюга! А во-вторых, чем же это кончится? Его уволят со службы! Мадж была обижена за Хьюга, возмущена, а, главное, её, как всегда, взволновали и наполнили самой глубокой завистью трое веселых ребятшек её подруги. Мадж шла домой с целым вихрем мыслей и решений! Она чув-

ствовала, что должна серьезно поговорить с Хьюгом. Это её обязанность. Мадж чувствовала, что должна спасти Хьюга от него самого. — Он, как пьяница или игрок, — сказала она себе. — Я скажу ему, что уйду, если он не бросит, наконец, всего этого. И если он любит меня, он бросит.

Ну, ты догадываешься, какой разговор у них мог выйти.

Начать с того, что Хьюг, не надеясь на сочувствие Мадж, уже поговорил с ней мысленно, выслушал очень недружелюбное мнение о своих изобретениях и решил лучше молчать и пережить все одному. Поэтому, услышав, что Мадж пришла домой, он взял шляпу и хотел уйти.

— Мне нужно поговорить с тобой, Хьюг, — сказала Мадж, входя к нему и садясь.

Хьюг поморщился.

— Мне сейчас нужно идти, — сказал он.

— Подожди немного. Я не вижу тебя по целым неделям. Я так не могу больше. Я была у Эвелин Джексон. Это, Бог знает, что такое. Послушай только, что про тебя говорят. Директор сказал, что ты или пьешь или куришь опиум. Зачем ты на мне женился, если я тебе не нужна?

Мадж говорила совсем не то, что хотела. Grimаса Хьюга и его нежелание говорить с ней, когда он кругом виноват, сразу взорвали ее, и она уже не могла остановиться. Несколько минут Хьюг молчал и слушал Мадж, только у него темнело лицо. Но потом и он заговорил, перебивая Мадж. Мадж тоже говорила, и оба они не слушали друг друга, каждый стараясь сказать свое. Хьюг говорил, что Мадж его не понимает, не хочет понять. Завод мешает его работе. Он должен бросить службу. Если он до сих пор не бросил, то только для Мадж и ради Мадж. И она хочет уверить его со слов каких-то глупых кумушек, что он портит свое будущее. Будущее на этом заводе! Действительно, подходящее для него место.

— Совсем Эвелин не глупая кумушка, — возмущенно отвечала Мадж. — Она очень умная женщина и гораздо умнее тебя, хоть ты о себе и очень высокого мнения. У тебя все дураки и идиоты. Только ты очень умен. Нет, я не могу больше, не могу, не могу, не могу!

Мадж начала рыдать.

Ну, словом все произошло так, как полагается в таких случаях.

Кончилось тем, что Хьюг разбил в щепки два стула и потом выбежал из дому и хлопнул дверью так, что она треснула посередине. Целый вечер он просидел в баре, выпил невероятное количество виски, познакомился с компанией актеров без работы и поил их целую ночь в каких-то притонах. Но сам он, чем больше пил, тем больше трезвел и тем яснее видел своё положение.

В это дождливое серое утро, когда Хьюг шел домой после попойки, решив не идти на службу, со всего точно была снята кожа, и Хьюг совершенно ясно видел все обнаженные жилы и нервы жизни. Нельзя было обманывать себя в это утро. Голая, неприкрашенная, неприкрытая правда жизни кричала со всех сторон. — Подчинись, или ты будешь раздавлен! — кричала жизнь. — А, может быть, уже поздно, может быть, ты уже пропустил момент, когда было нужно подчиниться, и, может быть, теперь ты уже раздавлен. Безобразные кирпичные дома, мокрые асфальтовые улицы, серая будничная толпа, некрасивая и неряшливая, очистки капусты в ящиках с мусором, пьяный старик на костылях, оборванные противные мальчишки с визгливыми криками.

Все это Хьюг видел точно первый раз в жизни, он даже не представлял себе, чтобы жизнь могла быть так безобразна.

Понимаешь, иногда имеет огромное воспитательное значение утро после попойки, особенно для человека с крепким желудком и головой. Кто физически чувствует себя плохо, для того теряется моральный смысл басни, но Хьюг был здоровый человек, и он увидел все ободранные нервы жизни.

И что хуже всего, какими-то стеклянными, безжизненными и вымученными показались Хьюгу все его мечты.

Сам еще не сознавая этого, Хьюг вернулся домой с готовым решением.

Мадж не было дома. На столе у Хьюга лежало письмо от неё на десяти листах почтовой бумаги. Мадж, видимо, писала всю ночь. — Я тебе не нужна — был главный мотив письма Мадж, — ты забыл, что я женщина. Я хочу жить. И не хочу никакого будущего, хочу настоящего. — В заключение Мадж прибавляла, что написала тетке в Калифорнию, и если та ответит в благоприятном смысле, то она поедет к ней.

Хьюг начал было отвечать на это письмо, но остановился на второй странице. Разорвал всё, что написал, и лег спать.

Один за другим пошли очень скучные дни. Несколько раз Хьюг пытался заговаривать с Мадж, но из этих попыток ничего не выходило. Тот ключ друг к другу, который дает людям возможность разговаривать и мирно договариваться до чего-нибудь, у них был потерян или казался потерян. Два раза они крупно поссорились. После этого Хьюг почти перестал бывать дома. Служба делалась ему все более и более противной. Работать он тоже не мог и все вечера проводил где-нибудь в баре. Прошли две или три недели. И в одно прекрасное утро, проснувшись довольно рано, Хьюг почувствовал, что думает только об одном, и что думать больше нечего, а пора действовать.

Я уже давно знал, к чему он идет, и я заметил это раньше его самого. Очень часто люди не сразу замечают эту мысль; почти никогда не замечают ее всю целиком. Ты понимаешь, о чем я говорю. У многих гордых людей есть мысль, что если то или другое не будет делаться так, как они хотят, то они закончат всё сами. У каждого есть своя любимая форма этой мысли, один рисует себе дуло револьвера, другой — стаканчик с ядом. И в этих мечтаниях много успокоения. Жизнь делается легче человеку, когда он подумает, что может уйти. А я люблю эти мысли, потому что они утверждают мою власть над человеком. Ты, наверное, не понимаешь этого. Но человек, который находит утешение в мысли о револьвере или о стаканчике с ядом, верит в мое царство и считает его сильнее себя.

Есть неприятный тип людей, которые никогда не приходят к этой мысли.

Эти люди не верят в реальность жизни, считают её сном; действительность для них лежит где-то за пределами жизни. И для этих людей убить себя из-за жизненных неудач так же смешно, как убить себя из-за пьесы, идущей в театре, куда они случайно зашли. Я не люблю этих людей. Но к счастью Хьюг не принадлежал к этому типу. Он не сомневался в реальности жизни. Только эта реальность ему не нравилась, вот и все.

Хьюг был наблюдательный человек, и он понял, что думает об этом уже давно. Но и он все-таки приписал решающее значение неудаче с последним изобретением, ссоре с Мадж, и все больше и больше усиливавшемуся отращению к службе. Причина была, конечно, в другом. Просто «мысль» уже выросла помимо его ведома и сознания и закрыла все горизонты. Я люблю эти моменты в жизни человека. Это последнее и окончательное торжество материи, перед которой человек бессилен. И это бессилье никогда не бывает так глубоко и очевидно, как в эти моменты.

Ну вот, значит, дело обстояло так. Хьюг был решительный и хладнокровный человек. Все, что нужно было сделать, он уже сообразил, взвесил и рассчитал. И ему не хотелось больше тянуть. Ты знаешь это настроение перед отъездом. Когда человек чувствует, что он в сущности уже уехал, и когда он торопит последние приготовления, и не может даже допустить мысли о задержке. В таком состоянии духа проснулся Хьюг в то утро, с которого я начал мой рассказ.

Все было обдуманно. Пять лет тому назад Хьюг застраховал свою жизнь, и теперь Мадж должна была получить страховую премию даже в случае его самоубийства. Хьюг написал ей коротенькое письмо, оставил его в незапертом ящике стола, оделся и вышел из дому в тот час, когда обыкновенно ехал на службу. Но на этот раз он поехал в город.

Было еще рано. Сойдя с трамвая, Хьюг зашел в кафе и с аппетитом позавтракал. Я за него не боялся. Он был холоден, решителен и спокоен. Выйдя из кафе, он поднялся на воздушную железную дорогу и поехал в центр на Бродвей. Засунув руки в карманы пальто, он сидел, чуть-чуть брезгливо разглядывая лица других пассажиров. Это была обычная утренняя толпа. Люди, торопящиеся на службу, в конторы, в банки, в магазины.

Хьюг смотрел на них, и в уме у него складывалось что-то похожее на молитву фарисея. — «Благодарю тебя, Боже, что я не похож на них, благодарю тебя за то, что ты дал мне силы не терпеть рабства, дал мне силы уйти». — Все эти лица без признаков мысли говорили Хьюгу о том, во что превратился бы и он, не будь в нем его вечного протеста, его борьбы, нежелания примириться с неудачей. Временами взгляд Хьюга делался совсем холодно презрительным, и я видел, что он чувствует себя, как индеец прежних времен, который, не желая сдаваться, последний раз поет боевую песню перед тем, как броситься в пропасть со скалы.

Рабы, думал Хьюг, рабы, даже не чувствующие своего рабства. Они уже привыкли. Они никогда и не мечтали о лучшем, никогда даже не ощущали желания свободы. У них нет даже этой мысли. Великий Боже, подумать только, что я мог бы быть таким же! Нет, пока я верил, что я могу победить, я соглашался терпеть. Но теперь кончено. Из рабства нет выхода, а рабом я быть не хочу. Я и так терпел слишком долго.

И он гордо смотрел на входивших и выходивших на остановках пассажиров. Он чувствовал свое превосходство перед ними, чувствовал свою силу. Люди будут продолжать свою серую и скучную жизнь, будут ходить трамваи, рабы будут спешить на работу, будет идти дождь, будет скверно, мокро и холодно. А для него всего этого завтра, даже сегодня, уже не будет. Заглушенный ветром и дождем выстрел на морском берегу, толчок в грудь — и больше ничего. Так должны кончать смелые, которым не удалось победить.

Я видел, что ему на самом деле легко, гораздо легче, чем было накануне. И я радовался, потому что все это приближало его к минуте моего торжества, т. е. торжества Великой Материи или Великого Обмана над духом, волей и сознанием человека. Этот момент необыкновенно интересен психологически. Чтобы прийти к нему, человек должен безусловно поверить в реальность того, чего в действительности не существует, т. е. поверить в реальность меня и моего царства. Ты понимаешь? Самоубийство, это — результат безграничной веры в материю. Если человек хоть немножко сомневается, хоть немножко начинает подозревать обман, он не убьет себя. Чтобы убить, он должен верить, что существует все то, что ему кажется.

И вот, представь себе, какая прелесть, в тот момент, когда он уже совершил свой последний жест — нажал курок револьвера, прыгнул через перила моста или проглотил яд; когда он сознает, что уже все кончено и вернуться назад нельзя, у него вдруг мелькает в сознании молния, что он ошибался, что всё не так, что всё нужно понимать обратно, что ничего нет, и есть только одно благо, то, которое он бросил, жизнь. Он вдруг понимает, что сделал непоправимую глупость и судорожно ищет вокруг себя за что схватиться, чтобы вытащить себя из этой ямы, чтобы вернуть ушедший момент. Это прекрасно! Ничто не доставляет мне такого наслаждения. Если бы ты только мог понять, что происходит тогда в душе человека, и как хочет он вернуться тогда назад на один, только на один шаг.

Но, однако, я возвращаюсь к Хьюгу. На Бродвей он вышел из вагона, спустился на улицу и пошел в один из самых больших оружейных магазинов. Я прочитал его мысль. Как это ни странно, но эта мысль бывает у многих людей. Какое-то кокетство со смертью. Он хотел купить самый лучший револьвер.

Ах, мой милый, вы нас обвиняете во многом, что с вами случается. Но если бы вы знали; насколько все это мало зависит от нас. Возьми этот случай. Если бы я знал, чем кончится покупка револьвера, я от всей души посоветовал бы Хьюгу зайти в аптеку и купить яду для больной собаки. А если бы я знал, что будет дальше, может быть, я сам привел бы его к этому магазину. Вообще, я скажу тебе откровенно, никакой черт вас не разберет. Иногда вы меня возмущаете до глубины души, иногда вы мне доставляете глубокую радость, как раз в тот момент, когда я этого меньше всего ожидаю.

Но это происшествие в магазине было одним из самых неприятных в моей жизни, до такой степени я чувствовал себя глупо и беспомощно.

Вот слушай. Хьюг вошел в магазин и спросил себе револьвер, удобный для кармана, с хорошим боем, не очень большой, не очень маленький, и самой новейшей конструкции. Продавец вынул около десятка разных револьверов, и Хьюг начал внимательно рассматривать их, как будто ему было не все равно из какого застрелиться. Сначала я не обратил на это внимание. Обыкновенное чудачество. Понимаешь, мне по моей профессии довольно часто приходилось присутствовать при таком выборе. Поэтому я стал в сторонке и занялся какими-то своими мыслями. Но, наконец, я заметил, что Хьюг выбирает револьвер что-то уж слишком долго, и мне надоело ждать. Я подошел к нему и увидел нечто, чего уже никак не ожидал. Хьюг был совсем другой, совсем не тот человек, который вошел в магазин пять или десять минут тому назад. Вы не понимаете этого, но мы знаем, что у каждо-

го из вас есть несколько лиц. Мы обыкновенно даже зовем их различно. Так вот, представь себе, что ты вошел в магазин с одним человеком, а через пять минут видишь, что это совсем другой. Из таких случайностей состоит наша жизнь. Меня это ужасно рассердило. Главное, я видел, что Мысль, которая привела его сюда и над созданием которой я, надо сознаться, порядочно-таки поработал, сразу побледнела и съежилась настолько, что я даже с трудом нашел ее среди целой толпы новых, толпившихся, кричавших и лезших в фокус сознания мыслей. Я видел, что все эти новые мысли совершенно затолкали и забили в угол мою «мысль» и понимал, что все они возникли за это время, когда Хьюг был в магазине. И, что хуже всего, все эти мысли имели совершенно непонятный для меня технический характер. И я не знал даже хорошенько, как к ним относиться.

На прилавке была навалена целая куча револьверов и магазинков, и Хьюг с горящими глазами и радостным оживленным лицом о чем-то громко говорил с двумя продавцами, которые тоже, видимо, были заинтересованы любознательным покупателем и вытаскивали, и показывали ему револьверы и ружья все новых и новых систем. Я плохо понимал, что они говорили, потому что все это состояло из каких-то технических терминов: «отдача», «прорыв газов» и тому подобное. Но их всех это, видимо, очень интересовало.

Наконец Хьюг замолчал и, сосредоточенно думая, открывал и закрывал какую-то коротенькую магазинку, изредка только перекидываясь замечаниями с продавцом. Я почувствовал, что он весь охвачен какой-то новой мыслью, перед которой исчезало все остальное. Новое изобретение! Можешь себе представить? Что-то возникло в его уме за эти несколько минут, и это что-то победило ту мысль, с которой он сюда пришел, и все его прекрасные решения. Когда я постарался разобраться, в чем было дело, я ничего не понял. «Уничтожение потери газов» и «утилизация отдачи», вот были две главные мысли, как колеса вертевшиеся в его уме и притягивавшие к себе различные другие технические соображения, формулы и расчеты. Ты понимаешь, все это — совершенно не моя специальность. Я понял только, что дело идет о какой-то новой системе револьвера или ружья. Конечно, я не могу быть вполне равнодушным к изобретениям в этой области. Это всегда меня сильно интересует. Только я мало верил энтузиазму Хьюга. Он постоянно увлекался, а после оказывалось, что все дело выеденного яйца не стоит. И меня очень огорчала перемена в настроении Хьюга. Потому что, как я тебе уже говорил, мне нравилось его решение. Он был близок к очень красивому прыжку вниз, в неизвестность. И я чувствовал, что пока он будет куваться в безвоздушном пространстве, я заставляю его душу наизнанку

вывернуться от тоски и от отчаяния. Это всегда очень смешно! Но с другой стороны я не мог не отнестись сочувственно к его новой мысли. Это был не измеритель скорости паровозов! И я понимал, что этим стоит заняться. Но тут я наткнулся на стену. Да, вы люди иногда чересчур хитры для меня. Как я ни старался проникнуть в мысли Хьюга, я ничего не мог разобрать в них, кроме какого-то стержня со спиральной пружиной, который почему-то был необыкновенно важен.

Пойми мое положение.

Если бы Хьюг задумывал что-нибудь интересное само по себе, ну, подделать завещание, обольстить невинную девицу, бросить бомбу в театре, я мог бы ему помочь и очень реально. Но тут, в этом стержне со спиральной пружиной не было совершенно ничего, как бы это лучше сказать... эмоционального. Это была деталь нового изобретения и больше ничего. Никакого преступления здесь не было. А я становлюсь деятельным только тогда, когда дело пахнет хоть маленьким преступлением. Мне стало ясно, что, очевидно, я обречен на полнейшую пассивность, хотя в то же время я видел, что новая идея Хьюга, может быть, окажется очень продуктивной даже с точки зрения преступления. Этот случай рисует тебе положение, в котором я часто оказываюсь последнее время. Очень многое совершается без меня и помимо меня. Вы стали для меня слишком хитры. В доброе старое время я все знал и предвидел заранее. А теперь прогресс техники часто сбивает меня с толку.

Ну, хорошо, в конце концов Хьюг купил револьвер, патроны, положил все это в карман и вышел из магазина.

Но я видел, что он вышел уже совершенно иначе, чем вошел. Ты не понимаешь этого или, если и понимаешь умом, то все равно не можешь видеть. Но мы видим, что в каждом случае жизни человек идет различно. И тот, кто решил застрелиться идет совершенно иначе, чем тот, кому пришла в голову мысль о новом изобретении. Долго рассказывать это. Но для нас даже смешно говорить в этих двух случаях одно и то же слово «идет».

Буду продолжать. Мне было очень грустно смотреть на Хьюга в его новом виде. Выйдет что-нибудь интересное из его изобретения или нет, я тогда не мог знать, а тут уже явно от меня ускользал очень любопытный случай. Знаешь, я всегда рассуждаю, что лучше синица в руке, чем журавль в небе. Это моя любимая поговорка.

Хьюг вышел на улицу. Весь ум его был занят новыми мыслями, появившимися и жужжавшими, как рой пчел. Но по странной черте, свойственной людям сильной воли, Хьюг все-таки направился туда, куда решил.

И я невольно подумал: — Кто знает? Нужно посмотреть до конца. Иногда бывает, что человек, вырастивший в себе мысль о самоубийстве, стреляется или вешается тогда, когда исчезли все причины, приведшие его к этой мысли. Просто это делает уже сама Мысль, которая уже стала самостоятельной и подчинила его себе.

Я помню одну женщину, которая решила отравиться, если её возлюбленный не вернётся с войны. У неё был флакон с ядом, и она целовала этот флакон каждую ночь, ложась спать. Её возлюбленный вернулся с войны целым и невредимым. И в первую же ночь она выпила яд и умерла у него на глазах.

Хьюг поехал опять по воздушной дороге, потом электрическим трамваем, несколько раз пересаживался, потом долго шел пешком и, наконец, очутился на пустынном морском берегу, оставив далеко за собой город и гавани и склады. Дальше за мысом начинался пляж Лонг-Айленда. Но это место, куда он приехал, был мрачный и пустынный кусок песка и моря. Для самоубийства нельзя было придумать ничего лучше. Направо стояли остатки почерневших стен, сгоревших за год до этого складов джутовой компании. Больше ничего видно не было.

Дождь к этому времени перестал. Хьюг сел на камень недалеко от воды, вынул записную книжку и начал быстро чертить и писать. Я несколько раз заглядывал ему через плечо, но ничего кроме цифр и значков там не было. Этого я не понимал, и мне начинало делаться скучно.

Наконец, Хьюг положил книжку в карман и встал с решительным и гордым видом. «Нет я ещё не побеждён, черт возьми, — сказал он. — Я знаю, что я должен победить, и я всегда знал это. Трусость и малодушие, что я приехал сюда! Эта идея даст мне свободу. И я возьму эту свободу, какой бы ценой ни пришлось заплатить за неё».

Он вынул револьвер, зарядил его, стал на камень лицом к морю, поднял руку и, точно вызывая кого-то на бой или сражаясь с кем-то, сделал шесть выстрелов один за другим в туманный горизонт. Потом он щелкнул затвором, выбросил почерневшие, дымившиеся гильзы, посмотрел на них с улыбкой, положил револьвер в карман и пошел назад к городу.

Представь себе такую картину и подумай, каким дураком я должен был себя чувствовать.

Домой он приехал только к вечеру. Его ждал сюрприз. Мадж уехала. На столе лежало письмо от неё и ключи.

«Милый Хьюг, — писала она, — не сердись на меня, что я уезжаю, не простившись с тобой. Это было бы очень трудно, потому что я тебя всё-та-

ки очень люблю. Только я думаю, что я тебе совсем не нужна и даже мешаю. Уже давно ты меня совсем не замечаешь, а если и замечаешь, то как какую-то надоедливую муху, которая жужжит и мешает тебе работать. Может быть, я и виновата, что не понимаю твоих мыслей, но не могу согласиться жертвовать настоящим ради того, чего, может быть, никогда и не будет. И мне жалко всего, что мы с тобой потеряли, и я всё время плачу о маленьких деточках, которые у нас могли бы быть, и которым мы не давали родиться на свет. Я знаю всё, что ты скажешь, но я не могу больше верить. И я вижу, что ты перестал меня любить. Я буду жить у тётки в Лос-Анджелесе и всегда буду думать о тебе. Прощай, Хьюг».

Вот это письмо, как видишь, очень трогательное и сентиментальное. Я говорил тебе, что самое больное место Мадж — это были дети, которых у неё не было. Письмо её очень сильно подействовало на Хьюга.

— И я хотел застрелиться, — сказал он. — Да меня следовало бы повесить за одну эту мысль. Бедная Мадж. Какое счастье, что она не нашла моего глупого письма. Ну, ладно, пускай она пока живёт в Калифорнии. Так даже лучше. А я буду работать. И черт меня побери, если я не добьюсь своего.

Он долго не ложился спать.

Во-первых, он писал письмо Мадж, тоже очень сентиментальное и трогательное. Он просил подождать его один год. И обещал через год или приехать победителем, или бросить раз и навсегда все изобретения и начать вместе с Мадж новую жизнь на Западе. — Всё будет, моя милая Мадж, — писал он, — только не думай, что я не люблю тебя или ты мне не нужна.

Потом он долго возился с финансовыми расчетами, хотя они были очень просты. У него было две тысячи долларов в сберегательной кассе. Тысячу он решил послать Мадж, на тысячу жить сам. Службу он решил бросить.

Потом он погрузился в вычисления, относившиеся к его новой идее, и сидел над ними всю ночь до утра. Рисовал, чертил, рассчитывал и, наконец, в изнеможении бросил карандаш и долго сидел с закрытыми глазами, видя что-то, чего я не мог видеть.

— Да, — сказал он наконец, — семь пуль в две секунды, две секунды на зарядание, сто пять пуль в минуту, если сделать пули в никелевой оболочке, то со сбережением всех газов это даст такую силу, какой нет ни у одного револьвера.

Это были первые умные слова, которые я от него слышал за целый день.

— Сто пять пуль в минуту, — подумал я, — да еще в никелевой оболочке. Это недурно.

Хьюг лег спать. Он был человек без фантазии, и мало думал о прекрасных результатах, какие могли получиться для всего человечества. А я неволь-

но замечтался. Сто пять пуль в минуту! Seriously, это было очень хорошо. И я мог оценить это.

На следующее утро Хьюг послал Мадж письмо и деньги и сел за работу. День за днем пошли без всяких происшествий. С утра Хьюг сидел за чертежным столом или у станка, вытачивая разные части, пробуя, переделывая и вечером шел в какой-нибудь бар, пил пиво и сидел, медленно куря трубку. От службы он отказался и ничем не интересовался, кроме своей работы и писем Мадж. Мадж писала сначала редко, но потом она начала скучать. Хьюг стал рисоваться ей гораздо привлекательнее, она начала писать чуть не каждый день, рассказывая про Калифорнию, про море, про тепло, про солнце и звала Хьюга скорее приезжать, чтобы вместе работать и строить будущее для себя и для детей, которые у них непременно должны были родиться.

«Бросай скорее Нью-Йорк, мой Хьюг, — писала она, — и приезжай сюда. Нас разлучили эти серые туманы и пыль и чад города, а солнце опять приведет нас друг к другу».

Мадж вообще любила читать стихи и выражаться высоким слогом. Она считала себя очень образованной, гораздо образованнее Хьюга. Правда в этом была только то, что она проглатывала множество книг.

Хьюг читал её письма, коротко отвечал на них и продолжал работать. Но в глубине души и ему тоже очень хотелось бросить все, ехать в Калифорнию к Мадж и попробовать совсем другую жизнь среди природы, в борьбе с природой.

Он рисовал себе гору, покрытую сосновым лесом. На уступе горы простой бревенчатый дом и Мадж на крыльце, махающую ему рукой. Ему вспоминались романы Брет Гарта, и хотя он знал, что современная Калифорния уже совсем другая страна, он все-таки мечтал о жизни пионеров в полудиком лесу. Но больше всего он мечтал о Мадж. Чудак пять лет все еще был влюблен в нее. Вблизи это как-то все затуманилось ссорами, несогласиями, взаимным непониманием. Но на расстоянии Мадж опять засияла для него всеми цветами радуги, и Хьюг опять искренно начал верить, что нет женщины красивее, очаровательнее, соблазнительнее и умнее Мадж. Правда, она во многом не соглашалась с ним, но это только потому, что её душа стремилась к правде, свободе и красоте. Он стремился к тому же, только более длинным и трудным путем, а она своей внутренней мудростью женщины находила то, что искала, в солнце, в природе, в мечте о детях. И это было верно и необыкновенно хорошо. Но Хьюг недаром был американец, и он не переставал думать, что если бы ко всему этому прибавить миллион долларов, то было бы еще лучше. И если бы его мечты осуществились, тог-

да и Мадж согласилась бы с ним, признала бы, что стоило работать и стоило терять все эти годы.

Так прошел месяц, другой, третий, полгода. И, наконец, наступил день, когда работа Хьюга вчерне была кончена.

В результате всего этого труда, мыслей, расчетов, внутреннего горения, упорства, напряжения воли, бессонных ночей и мечтаний на свет родилось довольно нелепое на вид маленькое существо. Это был автоматический пистолет; по внешности он был больше похож на молоток или на гаечный ключ, чем на револьвер. Но в нем было много несомненно новых черт, обещавших ему большое будущее. Я сразу почувствовал это. Но меня интересовало только, перепадет ли здесь что-нибудь на долю Хьюга. Очень часто именно изобретатели ничего не получают от своих изобретений.

Пистолет был плоский и тяжелый. Семь патронов сидели у него не в барабане, а в ручке. Толчок от выстрела передвигал назад верхнюю часть пистолета, при этом выбрасывалась вбок стреляная гильза и в ствол вставлялся новый патрон, подаваемый снизу пружиной. Все это было очень остроумно и практично. Скорость стрельбы во много раз превосходила все, что до того времени было известно, а благодаря тому, что не было прорыва газов между барабаном и стволом, получался чуть не вдвое более сильный бой, чем у револьвера того же калибра.

Ну, да что я это тебе рассказываю. Ты сам это прекрасно знаешь. Надеюсь, ты теперь понял, что это было за существо, родившееся на свет в мастерской Хьюга.

Были и неудачи во время работы. Очень долго Хьюг бился с экстрактором, который должен был выбрасывать стреляные гильзы. Потом его очень смущал предохранитель. Это и осталось слабым местом родившегося в мастерской ребенка. Он часто начинал разговаривать, когда его об этом еще не просили.

Вообще для Хьюга было много тревог и сомнений. Раз, когда он уже считал себя близким к цели, он увидел ошибку в расчетах и ему пришлось всю работу начать сначала. Другой раз очень много времени и труда пропало из-за ошибки в чертеже.

Когда я понял, что за ребенок должен родиться, я начал очень сочувственно относиться к работе Хьюга. Но помочь ему я, как я уже тебе говорил, ничем не мог, потому что ни в мыслях, ни в чувствах у него не было решительно ничего интересного для меня, т. е. хотя бы сколько-нибудь преступного. Ты понимаешь, круг моей деятельности ограничен определенными

эмоциями. Я не могу из них выйти, точно так же, как рыба не может летать по воздуху, и птица не может плавать под водой. Некоторые из моих коллег пробовали изображать летающих рыб и ныряющих птиц. Но из этого никогда ничего не выходило. Мы — существа определенной стихии. И Хьюг был совершенно чужд этой стихии. Ну, как доска может быть чужда поэзии. Я уже говорил тебе, что у него не было ни малейшей фантазии в том смысле, как я это понимаю. И откровенно говоря, мне часто делалось даже прямо не по себе от всех его прекрасных мечтаний о Мадж, о любви, о свободе, о счастье и благополучии, которое Хьюг будет рассыпать вокруг себя, когда будет миллионером. Все это было ужасно пресно и тошно.

Мадж стала часто писать. Она очень хорошо чувствовала себя в Калифорнии, решила изучить цветочное хозяйство и работала на цветочной ферме мужа своей тетки.

«Даю тебе отпуск на год, Хьюг, — писала она. — Через год, с изобретениями, или без изобретений, ты должен быть здесь, мы снимем кусок земли и будем разводить цветы».

И Хьюг вздыхал над этими письмами, клал их в письменный стол и шел к своему станку. Ты не можешь себе представить, до чего иногда бываете смешны вы, люди.

Ну вот, наконец, ребенок родился, и был, как я уже говорил тебе, довольно нескладным и неуклюжим существом, но с очень большими скрытыми достоинствами и с большим будущим. Я это чувствовал.

Кажется, это было ровно через полгода после того, как Хьюг в одно туманное утро уехал к морскому берегу. Он ехал опять туда же и по той же дороге. Но теперь он был совершенно в другом настроении. В кармане у него лежал тяжелый металлический предмет. Хьюг дотрагивался рукой до кармана и ощущал уже упоение победы. Он вез с собой мишень, попутно построенный им небольшой пристрелочный станок с треножником и две толстые дубовые квадратные доски. Вся эта ноша радовала его. Он не сомневался в результатах. И толпа утренних пассажиров, спешивших на службу, вызывала в нем теперь жалость, смешанную с презрением. Прежде он боялся этой толпы, потому что чувствовал себя её частью. Теперь он глядел на своих соседей в вагонах, как человек, который смотрит издали, с другой планеты или из другой части света.

— Бедняги, — думал он, — они никогда не испытают радости победы, да им это, пожалуй, и не нужно.

Его взгляд точно проникал сквозь маску лиц, читал мысли и характеры. Вот этот молодой человек в щегольском сером костюме, с оттопыренной гу-

бой. Он совершенно доволен своей судьбой. Он служит в банке, считает чужие деньги, и ему больше ничего не нужно. Или вот этот старик, с цветочком в петличке и в светлом костюме. Он старается казаться моложе, чтобы его не выгнали со службы. Он служит в магазине готового платья. А вот тому человеку скучно. И он смотрит на эту розовенькую немочку совсем так, как должен смотреть настоящий мужчина на женщину. Но это не надолго, мой милый. Она выйдет на следующей остановке. И ты никогда не решился бы заговорить с ней. А если бы и решился, то из этого ничего бы не вышло. Она едет на службу. И думает, что это так и должно быть. Да, удивляюсь, как еще вас не начали кастрировать. Лет через сто это будет наверное. Стоит только какому-нибудь миллиардеру прийти к заключению, что кастрированные служащие лучше некастрированных, и я уверен, что многие сами согласятся подвергнуться маленькой операции. А родители будут отдавать в лечебницы детей для операции, чтобы обеспечить им службу в будущем. И комичнее всего, что, может быть, одна душа из десяти тысяч осознает, что такое в действительности с ней происходит. Остальные думают, что они живут, и не шутя считают себя людьми. И я тоже был бы таким же, если бы я не был готов лучше десять раз умереть, чем жить такой позорной жизнью без свободы, без своего собственного труда.

Да, Хьюг не проявлял особенной скромности в этот момент. И мне это доставляло удовольствие. За ребенка я был спокоен, его будущее казалось мне совершенно верным. Но относительно самого Хьюга я совсем не был так уверен. Наоборот, мне казалось, что он во многом ошибается и что его еще ждут большие испытания. Так оно и оказалось впоследствии.

Участь изобретателей, художников, поэтов, вообще людей этой породы иногда бывает очень интересной. Если говорить откровенно, мне ничто за много лет не доставило такого удовольствия, как случай с французским художником, который застрелился от нужды и неудач, и картины которого через несколько лет начали продаваться за сотни тысяч. Это было восхитительно. Я видел, что у людей еще не пропало чувство юмора. И я сделал всё, что мог, чтобы пробудить сознание этого художника «по ту сторону» и передать ему эту приятную весть. Да, стоило посмотреть, как он это воспринял. Он чуть не задохнулся от злобы, когда понял меня, и задохнулся бы, если бы мог дышать. Но он уже ничего больше не мог, потому что, строго говоря, не существовал. Тем не менее он почувствовал весь юмор положения. И, честное слово, я не желаю тебе быть в его астральной оболочке. Он отравил себя на миллион лет злобой на людей. И он никогда не простит им их остроумия. Подумай, через пять лет после смерти человека, который застрелился с голоду, платить миллион франков за его картину! Разве это не великолепно?

Но я отвлекаюсь в сторону. Я надеялся на нечто подобное для Хьюга. Очень многим изобретателям и новаторам приходится пройти по этой дорожке. И скоро мои предчувствия начали оправдываться.

Но в этот день все шло, как Хьюг рассчитывал. Я теперь уже не могу тебе точно сказать, сколько выстрелов в минуту получилось при первой пробе и сколько дюймов доски пробивала пуля. Но Хьюг был в восторге. По силе боя пистолет равнялся большой винтовке, а быстрота стрельбы превосходила быстроту митральез, требовавших тогда долгого заряжения.

Все расчеты Хьюга оправдались блистательно. Ребенок вел себя безукоризненно. И можно было отдавать его на суд людей, а людей на его суд. Хьюг возвращался домой, упоенный внутренним торжеством. Завтра должно было начаться триумфальное шествие.

Но действительность сказала другое. Никакого триумфального шествия завтра не началось. На следующее утро Хьюг сообразил прежде всего, что у него нет денег. На самом деле у него не только не было денег, но уже набрались мелкие долги.

На мысль о деньгах Хьюг набрел, когда начал думать о патентах. По опыту прежних изобретений он знал, что патенты стоят больших денег. Нужны были модели, чертежи. И необходимо было сразу порядочную сумму внести в бюро патентов. Особенно дорого стоили иностранные патенты.

— Черт возьми, — сказал Хьюг, — дело дрянь. Была только одна вещь, которую можно было продать. Это — страховой полис.

— Теперь смешно беречь его, — сказал Хьюг. — Если даже я умру, ребенок даст Мадж немножко больше, чем цена моей жизни.

К вечеру полис был продан. Хьюг заказал в разных мастерских разные части моделей и в разных чертежных разные части чертежей. О, он был осторожный человек! Он сам собирал модели, сам делал все надписи на чертежах. Эта работа взяла еще около месяца и съела почти все деньги, вырученные за полис. Наконец, Хьюг сказал себе, что пора устраивать судьбу ребенка.

Но вот тут-то и началось самое трудное, то, чего Хьюг совершенно не предвидел, к чему он совершенно не приготовился, но, что я хорошо знал, просто в силу моего прежнего опыта.

Началась борьба с инертностью жизни. Жизнь неохотно пускает новое. Редко, очень редко бывает, что когда новое приходит, для него уже бывает расчищен путь. Чаще всего на долю тех, кто приносит новое, достаются одни разочарования и затруднения. Но Хьюг не ожидал ничего подобного и самым наивным образом полагал, что его ждут совсем готовые миллионы.

Сначала Хьюг написал письма на самые большие оружейные заводы. Ему не ответили. Он написал еще, спрашивал, получены ли письма. Никто не отвечал.

Хьюг поехал сам на один завод. Директор был занят. Секретарь, вышедший к нему, сказал, что предложения новых изобретений рассматриваются на заводе три раза в год особой комиссией, что теперь комиссия будет заседать через два месяца, что требуется представление чертежей и моделей. Все это секретарь говорил, как заученный урок. Очевидно, ему часто приходилось иметь дело с изобретателями.

— Нет ли у вас человека, понимающего дело, который мог бы просто произвести пробу моего пистолета? — спросил Хьюг.

Секретарь немножко улыбнулся на дерзость и сказал, что все изобретатели требуют немедленной пробы. Но что во избежание потери времени, на заводе установлен известный порядок. Проба производится только тем изобретениям, которые одобрены комиссией. Добрый день, сэр! Хьюг ушел, и дорогой домой вдруг понял, что иначе все и не может быть. Он представил себе завод, на котором служил, представил себе, что там получается предложение нового изобретения. И он совершенно ясно увидел, как директор равнодушно проглядывает письмо, поданное секретарем с кучей других ненужных «предложений», потому что «запросы» и вообще могущие представить интерес письма подаются отдельно, и ставит на полях карандашом две буквы N.R. — по reply — без ответа.

— Конечно, иначе не может быть, — сказал себе Хьюг. — С чего бы этим трупам вдруг стать живыми людьми. Это я осел, что не понял этого сразу. Нет, тут нужно не писать, а самому ехать и искать. Где-нибудь должны же быть живые люди. А живой человек поймет сразу.

Хьюг начал ездить по заводам. Результаты получались приблизительно такие же, как от первого посещения.

Требовали моделей и чертежей и просили зайти через месяц. Но Хьюг не хотел давать модели. Он был далеко не уверен, что его патенты покрывают все детали изобретения. Он знал вообще, как легко, сделав маленькие изменения, взять новый патент и знал, что вести судебный процесс человеку без денег, неизвестному изобретателю против большого завода совершенно невозможно. Он понимал, что нужно сначала завоевать рынок, потом подражания уже будут неопасны. Но пока модели нельзя давать никому. А в то же время, не видя моделей, никто не хотел даже разговаривать.

Прошли еще два месяца. Хьюг был уже совершенно без денег. Он бросил свою квартиру и переехал в маленькую комнату.

Мадж писала редко и, как казалось Хьюгу, начинала забывать его за новыми интересами своей жизни.

Как-то раз в очень жаркий день, какие бывают в Нью-Йорке летом, когда находят heat weaves, Хьюг без всякого результата побывал на двух заводах и в конторе новых изобретателей, где два молодых еврея старались выпытать у него, в чем состоит его изобретение — и потом без цели пройдя несколько улиц, вошел в Центральный парк.

На скамейке к нему подсел плохо одетый седой человек с насмешливым, умным лицом. Вышло так, что они заговорили. Почему-то незнакомый человек возбуждал симпатию Хьюга. Днем в парках Нью-Йорка можно видеть целую галерею типов людей, потерпевших крушение на самых разнообразных путях жизни. И этот ясно был из таких же. Заговорив со своим соседом, Хьюг предложил ему сигару. На него напала тоска и хотелось слышать человеческий голос. Седой человек говорил что-то забавное по поводу проходивших людей. У него был, видимо, наблюдательный и тонкий ум. Хьюг принял его за неудавшегося писателя или художника и позвал его зайти выпить стакан пива.

В баре было прохладно и не хотелось уходить. После нескольких стаканов холодного пива седой человек начал рассказывать о себе. У Хьюга похолодело на душе, когда он сказал, что он изобретатель. И чем дальше Хьюг слушал, тем больше ему казалось, что он слышит свою собственную историю, только с ужасным, безнадежным концом. Седой человек говорил и говорил и Хьюг слушал его, все больше холодея от ужаса, и в то же время с каким-то болезненным любопытством спрашивал о подробностях. Все было то же самое. Молодость, гордые мечтания, любовь, работа, удача и потом сразу какой-то непонятный и бессмысленный конец всего. Блестящее изобретение, на котором наживаются чужие, полная невозможность добиться признания своих прав, бедность, виски, случайная работа и сознание того, что это уже было давно, десять лет тому назад, нет, больше, пятнадцать лет.

Хьюг понимал, что таких рассказов можно услышать очень много от людей, с которыми знакомишься днем в парке. У всех этих потерпевших крушение людей, есть чаще рассказы и выдуманные, и невыдуманные. Очень может быть, что этот человек все выдумывал, очень может быть, что это был маньяк, фантазирующий об изобретении, которого никогда не было. Но это ничего не меняло для Хьюга. Важно было то, что он назвал себя изобретателем. Почему он не сказал, что он поэт, актер, музыкант? И если даже все это было выдуманно, это было до боли похоже на действительность.

— Я должен помочь ему, если мне удастся устроить дело, — сказал про себя Хьюг. И это «если» испугало его.

— Черт возьми, может быть, через десять лет я тоже буду рассказывать кому-нибудь в пивной о своем изобретении, — подумал он. — Брр...

Хьюг записал адрес седого человека. Никакого постоянного жительства у него не было. Он дал адрес табачной лавочки в одном из трущобных кварталов. Потом Хьюг пошел домой и дорогой почувствовал, что он опять боится жизни.

О, я знал, что это придет к нему. Жизнь не желала признавать его с его изобретением, и Хьюг все сильнее и сильнее начинал осознавать факт, что все сделанное до сих пор — само изобретение, работа, патенты — это все пустяки в сравнении с трудностями проведения изобретения в жизнь.

Он вспомнил когда-то прочитанную книгу о давно сделанных и потом забытых изобретениях и открытых снова; и даже остановился на тротуаре, разговаривая сам с собой:

— Паровые машины были изобретены во времена римлян, средневековый монах изобрёл электрическое освещение, сколько еще всего.

Да, в этот день Хьюг пришел домой с поджатым хвостом.

Его ждало письмо от Мадж. Мадж просила только одного — написать ей правду, что Хьюг ее больше совсем не любит, и тогда она перестанет думать о нём и перестанет надоедать ему своими глупыми письмами. Это письмо особенно больно ударило в сердце Хьюга. Писать, разубеждать Мадж было бесполезно. Хьюг это прекрасно понимал, да у него и не было больше никаких слов. Он знал, что тоскует по Мадж, но передать ей это не мог. Все слова выходили какие-то старые и бессильные. Нужно было просто ехать к Мадж. Иначе, Хьюг чувствовал, что Мадж уйдет от него. Эта мысль уже давно мучила его. И в бессонные ночи он часто думал, что Мадж может полюбить другого.

— Что я сделаю, если все, чего я жду, придет и Мадж не будет? — спрашивал он себя. И ему всегда делалось физически холодно от этой мысли. — Ведь бывает в жизни, — говорил он себе, — что все, чего человек хочет, приходит, но приходит днем позже, чем нужно.

Да, жизнь начинала сильно пугать Хьюга.

Теперь он продавал последние вещи, часы, инструменты. Опять целыми днями он ходил и ездил по Нью-Йорку по заводам и конторам. И его ужасало то, что кроме него по конторам и заводам ходило много других изобретателей. У всех у них были какие-то удивительные вещи, которые должны были все перевернуть в своей области. И все они для служащих заводов

стояли на одной ступени с самой низкой кастой белых, со сборщиками объявлений, даже еще ниже. Их не приглашали садиться, их никуда не пускали, с ними не разговаривали. У некоторых дверей были надписи: сборщикам объявлений, ищущим работы и изобретателям вход воспрещается.

Раньше Хьюг не знал этого.

За все это время Хьюг имел только два или три предложения продать патенты, но за такую ничтожную сумму, что смешно было даже говорить. Постепенно Хьюг понял, что он стучится в стену. И, наконец, ему начало казаться, что в конце концов он придет к своему прежнему решению и, чтобы не пропадало задаром изобретение, пустить себе пулю в висок из своего пистолета. Все на самом деле шло к этому. Еще месяц-другой и Хьюг несомненно сделал бы так. У него не было больше терпения. Но одна встреча на время повернула дело как будто к лучшему.

Раз в маленьком ресторанчике, куда Хьюг заходил ужинать, он встретил одного своего старого товарища по каким-то вечерним курсам, где Хьюг изучал механику.

Оказалось, что у этого человека, его звали Джонс, был теперь маленький завод велосипедных частей. Он рассказал Хьюгу, что его дела очень плохи, что нет никакой возможности бороться с синдикатами, которые съедают мелкие предприятия, что он боролся, пока мог, но теперь приехал в Нью-Йорк продавать свой завод одной большой ассоциации. Но там уже знали, что он не может больше держаться и должен будет пойти на все условия, и нарочно тянули дело, чтобы заставить его отдать все чуть не задаром, ради только того, чтобы избавиться от долгов.

Хьюг рассеянно слушал его. И хотя он никому другому не говорил про свои дела, почему-то он рассказал Джонсу про свое изобретение и про все неудачи.

Тот, видимо, заинтересовался — и Хьюг повел его к себе домой, просто потому, что ему не хотелось оставаться одному. Ребенок произвел большое впечатление на Джонса. У него было чутье. Он сразу понял все, что крылось за странной внешностью ребенка, и начал упорно о чем-то думать.

На следующий день, рано утром, он уже сидел у Хьюга.

— Я думал всю ночь, — сказал он. — Нельзя ли приспособить мой завод для вашей машины? Может быть, это наш последний общий шанс. Я чувствую, что акулы не хотят меня пускать живым и наметили проглотить целиком. Если все пойдет так, как идет, я через год буду мастером на своем собственном заводе. Они меня даже управляющим не возьмут.

Вместе с Хьюгом они начали разбирать ребенка по частям, соображая, какие части можно делать на заводе Джонса и какие нужно заказывать. Потом они забрали с собой станок для пристрелки, мишени и поехали пробовать пистолет, опять на морской берег.

Там Хьюг показал Джонсу, что может сделать его ребенок, и с тайной радостью в душе видел, как весь загорелся Джонс. Джонс сам начал стрелять и со станка, и без станка, нагрел ребенка так, что до него нельзя было дотронуться и, наконец, хлопнул Хьюга по плечу и сказал:

— Ну, старина, я ваш. Ставлю все, что у меня есть, до последнего цента. Я могу продержаться полгода, и за это время мы завоюем Америку, Европу, Азию, Африку и Австралию. Такого изобретения не было и нет. Командуйте!

Они начали работать вместе. Хьюг воспрянул духом. Теперь, казалось, что уже все должно осуществиться.

Завод удалось приспособить очень быстро. Через два месяца первая партия автоматических пистолетов появилась на рынке.

Но цену пришлось назначить довольно дорогую, и спрос был слабый.

Завод работал, но еще через два месяца оказалось, что спрос остановился. Рынок был уже насыщен, и нужно было ждать. Джонс достал немного денег. Была необходима реклама. Объявления, плакаты стоили безумно дорого. Но делалось ясно, что без большой рекламы дело все-таки не пойдет. Все большие оружейные магазины имели автоматические пистолеты, но публика предпочитала покупать старые револьверы.

Прошло полгода со дня начала работы, и Хьюг с Джонсом увидели перед собой перспективу краха и позорного конца всего дела. Два оружейных завода соглашались купить патенты и предлагали за них, один — десять тысяч долларов, другой — меньше. Это не покрывало убытков Джонса.

А странные пистолеты, похожие на молотки, даже разложенные на окнах магазинов, мало привлекали публику. Только какая-нибудь необыкновенная реклама могла спасти дело. А средств на рекламу не было.

Дела шли все хуже и хуже. Хьюг и Джонс совсем уже падали духом. Еще немного и завод должен был остановиться.

Это были самые черные дни в жизни Хьюга.. Он совсем потерял надежду на успех и уже махнул на все рукой, чувствуя только с болью в душе, что теперь у него не хватит даже силы застрелиться.

Но ребенка ждало большое будущее.

И, наконец, оно пришло! Семена, разбросанные по свету, наконец, упали на добрую землю! Все великие репутации делаются в Париже. — Так оно вышло и на этот раз.

В то время, о котором я говорю, над горизонтом Европы поднималась новая звезда первой величины. Это была Марион Грей.

Ей пророчили карьеру Патти. Она успела уже побывать во всех главных европейских столицах, и её успех превосходил все, что помнила Европа за десятки лет. У неё был действительно необыкновенный голос. Но если бы даже у неё не было никакого голоса, то и без этого её знала бы вся Европа, потому что скандальная хроника, связанная с именем Марион, не имела себе равной. И отовсюду, где она успела побывать, за ней тянулся длинный хвост самых фантастических рассказов о ее любовниках и любовницах, о дуэлях, самоубийствах, разорениях, сумасшествиях, отмечавших её путь.

По наружности Марион была тоненькая и хрупкая блондинка с печальным личиком и большими детскими глазами. Из-за неё застрелился немецкий принц царствующего дома и отравилась его жена, после чего Марион была выслана из Германии, а из-за неё покончили самоубийством в Будапеште две венгерские графини — мать и дочь. Из-за неё произошел целый ряд мрачных, напоминающих средневековые дуэлей и убийств в Италии. Про нее рассказывали, что она увезла любимую одалиску у султана, которая после бросилась в море с яхты в Средиземном море и утонула. Из-за неё произошла какая-то страшная драма в Петербурге, о которой глухо писали в заграничных газетах.

Словом, из-за Марион произошло все, о чем стоило говорить в Европе, за последние два или три года. Что здесь было правдой и что выдумкой, это даже я тебе не смогу рассказать. Но слава Марион росла не по дням, а по часам.

Этот сезон она пела в Париже. В день её первого выхода застрелился в фойе Большой Оперы молодой драгунский офицер, член Жокей-клуба и потомок одной из самых блестящих фамилий Франции. Марион продолжала петь, и знатоки говорили, что она еще никогда не пела так, как в этот вечер. На другой день все газеты были полны историей трагической любви молодого офицера. И затем интимная жизнь Марион сделалась любимой темой и больших, и маленьких, и бульварных, и салонных газет.

Всему Парижу было хорошо известно, что главной любовью Марион в этом сезоне была американка, мисс Стоктон, писательница, роман кото-

рой из жизни китайских притонов в Сан-Франциско сильно нашумел незадолго перед тем.

Мисс Стоктон пила виски пополам с эфиром, ездила верхом, как ковбой, и участвовала в публичных состязаниях бокса, в качестве *champion middle weight*. При этом она была самым дьяволом ревности. Она была Марион, особенно когда была пьяна, что случалось почти каждый день, и устраивала ей сцены и скандалы на улицах, в ресторанах, в магазинах и т. п.

Номером вторым Марион Грей был лорд Тильбери, колоссально богатый англичанин, до того времени спокойный и уравновешенный человек средних лет, путешественник и спортсмен, один на один, без шикари, ходивший на тигров в Индии. Про него рассказывали, что за один сезон он истратил на Марион половину своего состояния, доходившего до пяти миллионов фунтов, и, очевидно, шел к тому, чтобы истратить все. Такого вихря золота, каким была окружена Марион, Париж не видал со времен второй империи.

Мисс Стоктон стала главным ужасом и главной ненавистью лорда Тильбери, и часто он просиживал целые ночи у себя в комнате, думая о мисс Стоктон, со штуцером, с которым он ходил на тигров на коленях и с глазами, бешено устремленными в пространство. Мисс Стоктон знала его ненависть к ней и платила ему той же монетой, обещая публично избить его.

Кроме этих двух, у Марион было еще много других романов и историй. Её последним увлечением был молодой шведский дипломат, — спирт, «ясновидящий», и человек совершенно ненормальный. Он разговаривал с «духами», ловил руками какие-то летающие живые звезды; подарил Марион «астрального льва», которого мог видеть только он один и тому подобное.

Марион безумно увлеклась духами.

Её сила, вообще, заключалась, во-первых, в силе её увлечений, а во-вторых, в том, что ни она и никто другой не мог сказать, чем она будет увлекаться завтра.

Со шведским дипломатом она начала устраивать спиритические сеансы. Духи велели Марион стать любовницей шведского дипломата. Она немедленно исполнила это. Затем духи велели ей выгнать вон мисс Стоктон. Это она тоже сделала. Потом духи потребовали, чтобы на сеансах присутствовал лорд Тильбери в костюме ассирийского мага и один французский поэт, и чтобы сеансы происходили в темном подземелье с двадцатью семью гробами, в которых должны были лежать настоящие скелеты. Достать гробы и скелеты, и подземелье было поручено лорду Тильбери. Но прежде, чем он успел это сделать, произошло событие, которого, очевидно, не предвидели духи.

Уже после полуночи в особняк Марион явилась мисс Стоктон. Два лакея, которым было строжайше запрещено пускать ее, загородили ей дорогу. Мисс Стоктон ответила одному таким *gross cut*, что он влетел головой в камин; другой получил удар ногой в живот и скрючился вдвое. А мисс Стоктон помчалась вверх по лестнице. Она была мертвецки пьяна.

Дверь комнаты, где происходил сеанс, оказалась не запертой. Шведский дипломат, французский поэт, лорд Тильбери и Марион сидели вокруг треножника, на котором курилась смесь опиума, алоэ и полыни. Все они были одеты в красные мантии, как этого требовали духи, а на Марион были только гирлянды из красных роз, и вся комната была обита красным. Гробов еще не было.

Мисс Стоктон распахнула дверь и, увидев Марион, почти обнаженную, среди красных роз, разразилась потоком самых отчаянных ругательств, которым специально училась у ковбоев. Лорд Тильбери вскочил ей навстречу. Могу тебя уверить, что он был очень хорош, в ассирийском колпаке и с привязанной бородой.

Мисс Стоктон вытащила из кожаного чехла, бывшего у неё под жакетом, новый автоматический пистолет, недавно появившийся в Америке, и положила лорда Тильбери выстрелом в грудь в упор; потом она прострелила голову шведскому дипломату, пустила три пули в спину Марион, которая пыталась убежать; ранила в ногу поэта, который догадался притвориться убитым, и последним седьмым зарядом застрелилась сама.

«Четыре трупа! Семь выстрелов!» печатали на следующий день все парижские газеты.

«Смерть среди роз. Кровавый отель на Елисейских полях!»

«Черная месса на Елисейских полях! Трагическая гибель знаменитой певицы».

В общем, ты можешь себе представить, что сделали из этого парижские газеты.

Особенный ужас и восторг газет вызывало орудие преступления — новый американский пистолет. В нескольких газетах появились снимки и описания пистолета, а в «*Echo de Paris*» и еще в какой-то газете были даже помещены портреты изобретателя — Хьюга Б., притом совершенно разные. В одной газете был изображен сорокалетний янки с бритой верхней губой и со свирепым взглядом, а в другой с той же подписью появился портрет довольно известного американского филантропа, толстого, бритого человека.

Целую неделю писали газеты о Марион Грей, о мисс Стоктон, о шведском дипломате и о лорде Тильбери. И ни одна газета, ни в одной статье не

упускала случая упомянуть про новое американское изобретение, про «новую дьявольскую выдумку нашего века пара и электричества», как назвала пистолет какая-то газета. Это было, во-первых, безграмотно, а во-вторых, смешно. Я мог только пожать плечами. При чем здесь был я?

Потом начались интервью с молодым поэтом, который первую неделю считался на границе смерти или сумасшествия, я уже не помню. Около лечебницы, где он лежал, пришлось поставить наряд *sergents de ville*. Поэт рассказывал что-то очень путанное о своей роли в этой истории и о своих отношениях с Марион. — Очевидно, сначала он сам еще не понял, в какие благоприятные обстоятельства поставила его судьба, сделав его единственным, оставшимся в живых участником драмы. Но потом, по-видимому, он решил не стесняться. И в книге, которую он выпустил через два месяца, совсем ясно намекалось на то, что главной осью, вокруг которой вращались все остальные события, был, собственно, автор и его мистически-сатанинский роман с Марион. Эта книга разошлась в десятках тысяч экземплярах и послужила первой ступенью лестницы, которая со временем привела автора в академию.

Но это все было после. Между тем уже в первые дни телеграф разнёс известия о кровавой драме в отеле Марион Грей по всему свету. Не было ни одной газеты, которая не печатала бы длинных столбцов со всевозможными моральными комментариями и пикантными подробностями сенсационного убийства. Американские газеты печатали целые страницы, передававшиеся по телеграфу из Европы. И хотя всем было неприятно задаром рекламировать Хьюга, все же это было американское изобретение и как-то само собой выходило так, что имя Хьюга упоминалось в каждой статье. На несколько дней Хьюг стал гордостью Америки.

Непосредственным и первым результатом этого было то, что оружейные магазины и в Нью-Йорке, и в Париже, и в других городах в несколько дней распродали все имевшиеся у них автоматические пистолеты и начали посылавать заказы, с каждой телеграммой удваивая требования. Компания Автоматического Огнестрельного Оружия оказалась засыпанной требованиями. Через неделю на складах уже не было ни одного пистолета, и Джонс сказал Хьюгу, что им нужно расширять дело.

На другой день в контору компании явился господин от одной из самых больших оружейных фабрик, постепенно скупавшей акции других предприятий и превращавшейся в трест. Поверенный треста приехал с предложением продать патенты. Хьюг вспомнил, что эта компания предлагала ему за патенты тысячу долларов.

— Какая ваша цена? — спросил Хьюг.

— Пятьсот тысяч, — сказал поверенный треста.

— Мы не продаем, — сказал Хьюг.

— Мы купим завод, оборудование, патенты и все. Я могу идти до миллиона.

Хьюг посмотрел на Джонса, но тот даже не ответил на его взгляд и жестко сказал:

— Мы не продадим ни за какую цену.

И когда господин уехал, Джонс сказал, хлопнув Хьюга по плечу:

— Ну вот, старина, теперь пришло наше время. Мы выдержали семь лет тощих, теперь начнутся семь лет жирных. Можете заказывать себе яхту.

Он знал мечты Хьюга. Но Хьюг мечтал не о яхте, а о Мадж.

Заказы шли непрерывно отовсюду, из самых далеких углов земного шара. Было ясно, что завод в полгода не сделает того, что нужно было сделать в месяц.

Хьюг и Джонс нашли одного финансового гения, и гений устроил им выпуск акций на два миллиона долларов. Банкам показывали заказы, а остановки за деньгами не было.

Прошел всего месяц после происшествия в Париже, и новый подвиг ребенка опять облетел весь свет.

Во время беспорядков в Барселоне, конные карабинеры атаковали «небольшую группу рабочих». Но против обыкновения толпа оказалась не безоружной. Один за другим из толпы раздались залпы. Прежде, чем кто-нибудь понял, что такое происходит, на земле лежали около сорока карабинеров и по площади скакали лошади без седоков. Оказалось, что десять человек были вооружены новыми американскими пистолетами. Успех опьяняет. Толпа быстро выросла. Начали строить баррикады. Власти вызвали пехоту, потом артиллерию. Только к вечеру удалось очистить улицы. Около тысячи человек было убито и ранено.

Испанское правительство запретило ввоз и продажу автоматических пистолетов. Газеты целую неделю писали о «революции в Барселоне», и заказы пошли в таком количестве, что Джонс даже начал нервничать. Акции компании сразу двинулись вверх. И финансовый гений заговорил о новом выпуске и о новом расширении дела.

Но Хьюг вдруг почувствовал, что всё это перестало его интересовать. И однажды утром он проснулся с одной только мыслью: «Мадж!...»

Вечером он выехал в Лос-Анджелес.

Все вышло ужасно странно для Хьюга. Он представлял себе встречу с Мадж как-то иначе. Поезд пришел утром. Прямо с вокзала Хьюг поехал отыскивать Мадж. Тетка жила на тихой улице вдали от центра. Мадж, похудевшая и похожая на девушку, в черном платье, сидела в первой комнате с двумя девочками, вслух читавшими по-французски.

— Это я, Мадж, — сказал Хьюг. Он прекрасно понимал, что это не могло быть иначе, но у Мадж было ужасно знакомое лицо. Его именно поразило то, что эта Мадж необыкновенно похожа на ту, которую он знал.

Целый час они ни о чем не могли говорить. Мадж была радостно удивлена приездом Хьюга и всем, что он говорил. Но она еще плохо верила и держалась настороже.

Хьюг был такой фантазер, и он мог все сочинить. Но важно то, что он приехал. Мадж начинала чувствовать что-то очень теплое к Хьюгу и уже решила, что не отпустит его. Но внешне она тихонько присматривалась к Хьюгу, не зная, как ей себя держать. Женщина всегда думает об этом, кроме тех случаев, когда она очень рассержена.

Теперь Мадж чувствовала, что Хьюг был такой же глупый, как и всегда, но очень милый. Они не виделись два года.

Наконец, Хьюг нашелся. Он повез Мадж в город, по магазинам, и стал покупать все, что только они видели. Цветы, шляпки, шелковые чулки, бриллианты, жемчуг, конфеты. Мадж долго сопротивлялась, но, наконец, её сердце не выдержало, и она начала выбирать подарки — тетке, её детям, прислуге. На этом лёд растаял. Они поехали завтракать. Потом поехали кататься к морю, потом опять попали в магазины. Уже к вечеру Хьюг вспомнил, что у него нет пристанища, и по телефону он заказал в самой дорогой гостинице самое большое и самое дорогое отделение — восемь комнат с видом на море, со спальней Louis X7, со столовой в стиле готической церкви, с отдельной оранжереей, с балконами на море и с мраморными ваннами по образцу римских терм.

Этот вечер был вечером их второй свадьбы. Хьюг и слышать не хотел, чтобы Мадж возвращалась к тетке. И хотя тетка была несколько скандализována таким похищением Мадж, Мадж осталась в роскошном помещении Хьюга.

Они долго сидели на балконе, смотря на океан, над которым зажигались вечерние звёзды.

— Я тебя видела во сне два дня тому назад, — сказала Мадж. — Где ты был?

— В поезде, — сказал Хьюг, — где-то около Чикаго.

— Ты думал обо мне?

— О чем же я мог думать.

— Гадкий Хьюг, почему ты мало писал мне? А, впрочем, нет, я виновата перед тобой. Я не должна была бежать и бросать тебя. Только я не могла. Хьюг, милый, прости меня, я не могла там остаться. Когда я вспоминаю нашу квартиру и тебя, вечно занятого, хмурого, недовольного и этот ужасный запах виски, которым ты отравлялся, я не знаю, что я готова сделать. Но я знаю, что убежала бы опять, если бы это повторилось. И я знаю, что я права. Если бы у тебя ничего не вышло, ты приехал бы сюда, и мы стали бы работать вместе. Ах, Хьюг, ты не можешь себе представить, как хорошо на цветочных плантациях. Мне кажется, я еще не верю твоим миллионам. Может быть, даже лучше было бы, если бы ты приехал без них. Теперь ты какой-то другой.

Потом они пошли в комнаты и осматривали свое помещение, немного смущавшее их. Слишком много было шелка, ковров, бронзы, мрамора и цветов. Хьюг купил целый магазин.

Но теперь уже им обоим начинало казаться, что они больше не могли бы расстаться. Мадж чувствовала себя виноватой перед Хьюгом, Хьюг чувствовал себя виноватым перед Мадж. И все происходило точно во сне.

Они говорили сразу обо всем на свете и ты понимаешь, что все их разговоры сопровождалось очень обильным количеством поцелуев.

Хьюг раздевал Мадж, целовал её плечи, руки, ноги, волосы. И ему казалось, что он был мертв в эти два года и только теперь воскресает.

— Хьюг, ты должен простить меня, — говорила Мадж. — Я не могу жить без солнца, без цветов и без детей. Это была такая тюрьма в Нью-Йорке последние годы. И ты не понимаешь, как ужасно на меня действовало, когда ты начинал говорить про Венецию или про что-нибудь в таком роде, куда мы поедем, когда разбогатеет. Я готова была выброситься из окна. Все, только не эти разговоры! Но я понимаю, как ты, бедный, должен был страдать. Ты верил во все это...

— Хьюг, ты должен мне дать слово, — говорила Мадж через полчаса.

— Все, что хочешь, дорогая.

— Видишь, я верю тебе. Но если бы все это оказалось не так, не было бы ни денег, ни изобретения, ни богатства, дай мне слово, что ты ничего не будешь больше изобретать, и что мы будем работать с тобой на цветочной ферме, а потом накопим денег и устроим свою ферму, я уже всё обдумала. Мы сначала снимем землю, потом будем строить дом... Хорошо? А когда вы-

строим, перейдем туда. Я так хорошо выучилась разводить розы. Ты даже не представляешь себе, сколько их сортов, и какие они все живые, совсем как дети. Это, если у тебя ничего нет, Хьюг, даешь слово ?

— Конечно, даю, милая.

Ну, и так далее, и так далее. Пропускаю описание брачной ночи, хотя его можно было бы сделать очень пикантным, если бы передать разговоры этой милой парочки, о детях, которые у них должны были родиться. Мадж хотела иметь шесть человек детей: сначала старшие — мальчик и девочка, потом двое мальчиков и еще двое девочек.

— Еще одного, — сказал Хьюг.

— Ну, хорошо, маленького, — сказала Мадж. Вообще им было очень весело, и меня все это глубоко возмущало. Ты знаешь, я не люблю таких настроений. Все эти радости, восторги, наслаждения, мечты, надежды вызывают у меня состояние вроде морской болезни. Но я ничего не мог сделать. И в душе я все-таки рассчитывал, что, может быть, в конце концов все повернется совсем не так прекрасно.

— Хьюг, а что если ты убил кого-нибудь или ограбил банк и тебя завтра арестуют, — сказала Мадж, вдруг сама пугаясь своих слов.

— Глупая, маленькая девочка Мадж, ты же видела газеты, я показывал тебе статью о компании автоматического оружия. Мы заплатили пять тысяч долларов за эту статью.

— Да, — сказала Мадж, как-то не сразу успокаиваясь. — А твой Джонс, какой он?

Хьюг начал описывать Джонса, его распорядительность, находчивость, умение устраивать дела. Потом они заговорили о поездке в Европу.

— Надолго нельзя будет, — говорил Хьюг. — Мы поедем на несколько дней в Льеж и потом на неделю остановимся в Париже. Мне нужно будет устроить дела с бельгийскими фабрикантами.

— Ты стал ужасно важный, Хьюг, — смеялась Маж. — А все-таки я больше всего хотела бы жить с тобой на цветочных плантациях. Понимаешь, Париж и все это — я не вижу. А плантации — я закрываю глаза и все вижу: и тебя, и себя.

— Это потом, Мадж, милая, только устроим дела. Через год, через два, если все будет идти хорошо, я буду уже свободен и у нас будет столько денег, что сколько мы ни будем тратить, никогда всего не истратить. Тогда я подарю тебе розовые плантации, самые большие в Штатах.

— Я не хочу большие, Хьюг, я хочу, чтобы ты был там.

Ну, и так далее, в таком же роде, разговор попеременно с ласками и с поцелуями шел почти до утра.

Утром, когда Хьюг вышел на боковой балкон, выходивший на площадь, до него донеслись крики газетчиков.

— Второе издание! Покупайте второе издание! Страшный разбой в Сан-Диего! Двадцать убитых и раненых!

Когда негр-лакей в красном фраке и в белых гетрах принес на серебряном подносе газеты, Хьюг прежде всего увидел заголовки во всю ширину страницы:

«Разбой в Сан-Диего. Нападение на поезд. Ужасное происшествие, похожее на возвращение к временам Дикого Запада. Двадцать убитых и раненых. Три новобрачных пары в числе погибших. Арест двух бандитов».

Произошло, действительно, что-то напоминающее мрачные страницы старых романов из американской жизни. Два молодца в черных масках при входе в туннель петардами остановили поезд с первыми весенними туристами в горы. Несколькими выстрелами они покончили с машинистом и кочегаром и потом с криками: „Руки вверх!“ они стали выгонять пассажиров из вагонов. Кто-то выстрелил из револьвера. Молодцы начали стрелять в толпу. Двадцать человек остались на месте, среди них три новобрачных пары. Профессор из Балтиморы с женой-француженкой. Молодой английский лорд с женой и сын редактора самой большой газеты в Сан-Франциско. Газеты напоминали, что их свадьба описывалась неделю тому назад. Его жена была найдена еще живой с простреленной спиной. Кроме них были перестреляны еще восемь мужчин и шесть женщин. Молодцы скрылись, захватив около сорока тысяч долларов деньгами и драгоценностями. Но, как сообщала дополнительная телеграмма, уже были пойманы.

Ужасное количество пострадавших объясняется великолепным вооружением убийц, прибавляли газеты. У каждого из них было по два автоматических пистолета, представляющих последнее слово техники в оружейном деле.

— Черт возьми! — сказал Хьюг. Но ему почему то стало неприятно.

И он выбросил газеты, чтобы они не попались Мадж.

«Суд Линча в горах! Преступники, казненные гражданами!» — огромными буквами печатали вечерние газеты.

Оказалось, что группа верховых с завязанными лицами отбила у шерифа и его подчиненных двух молодцов, ограбивших поезд, облила их керосином и сожгла живыми.

Хьюг был очень рад, что Мадж не интересовалась газетами. Они провели этот день, как они сами говорили, точно в сказке. Это был день белых роз.

Мадж начинала чувствовать себя миллионершей и не хотела никаких других цветов, кроме белых роз.

День белых роз превратился в неделю. Хьюгу не хотелось уезжать из залитого солнцем Лос-Анджелеса, от золотящегося океана, от синевших вдали гор.

Они потом постоянно вспоминали это начало второго медового месяца их жизни. Но на пятый день Джонс целым залпом экстренных телеграмм вызвал Хьюга в Нью-Йорк. Были получены колоссально-большие новые заказы. Нужно было решать новые финансовые комбинации. Нужно было плыть в Европу.

Хьюг взял вагон в трансконтинентальном экспрессе, и Мадж, еще волнуемая от всех этих экстравагантностей, но уже начинающая ощущать удовольствие тратить деньги, не считая, прижалась к нему, когда тронулся поезд, и сказала:

— Хьюг, милый, скажи, что ты никогда больше не расстанешься со мной.

— Конечно, никогда, милая, — отвечал Хьюг.

Он чувствовал себя победителем и самой большой его наградой была Мадж. Вы, люди, невероятно глупы!

Они вместе поплыли в Европу на самом большом пароходе того времени. Мадж великолепно переносила качку, и плавание было полно самых очаровательных неожиданностей, вроде восходов и закатов солнца в море, встречи с рыбацкими судами среди океана и т. п.

Дело с бельгийскими фабрикантами Хьюг устроил очень выгодно и скоро. Потом они поехали в Париж. Старые грезы Хьюга сбывались наяву. Вечера в Парижской опере, завтраки в *Cafe Anglais*, выставки, на которых Хьюг мог покупать картины; скачки, на которых он мог покупать лошадей. Но все это, осуществлённое на деле, казалось гораздо более похожим на обыкновенную жизнь и менее сказочным, чем представлялось издали.

И Париж показался и Хьюгу, и Мадж грязноватым и миниатюрным. Они молчали, скрывая друг от друга это впечатление, и потом очень хохотали на обратном пути, когда Мадж нечаянно проговорила.

Только много времени спустя, Хьюг по-настоящему начал ценить Париж.

Когда Хьюг вернулся из Европы, оказалось, что дело нуждается уже в новом расширении. Заказы шли непрерывным потоком. Были требования на три, на четыре года вперед. Заказывала Япония, Греция, Южная Африка.

Пришлось разделить работу. Джонс занялся заводом, а Хьюг вместе с финансовым гением — денежной стороной дела. Нужно было обставить дело так, чтобы оно могло расти беспрепятственно, отвечая увеличивающемуся спросу. Хьюг нашел людей. Вернее, они нашли его, и им удалось расширить акционерное общество, привлечь к нему огромные капиталы, скупить целый ряд заводов и обеспечить выработку пистолетов в том количестве, что была надежда удовлетворить спрос. Предприятие Хьюга и Джонса было при этом переименовано и названо «*Всеобщей Компанией Автоматического Огнестрельного Оружия*». Для Европы уже начали работать бельгийские заводы.

Но история с Мими Ласерте нарушила все эти расчеты, и создала такой подъем требований на пистолеты, что Хьюг и Джонс опять оказались совершенно не на высоте положения.

Происшествие с Мими Ласерте случилось, кажется, через год после трагической смерти Марион Грей и опять в Париже.

Мими Ласерте была уже второй сезон парижской знаменитостью. Ее, конечно, нельзя сравнивать с Марион Грей. Но все-таки в Париже не было ни одного человека, который не знал бы, кто такая Мими Ласерте.

Она была шансонетной певичкой с Монмартра, а прославилась своим костюмом, который сочинил ей один знаменитый романист в каком-то литературном кабаре. Костюм этот был прост и оригинален — черная маска, черный корсет, черные чулки и больше ничего. Мими была высокая блондинка с белым телом и золотыми волосами. Первое же появление Мими на эстраде в этом костюме вызвало фурор. Публика пришла в неистовый восторг и так кричала и стучала, и так долго не желала расходиться, требуя все Мими и Мими, что потребовалось вмешательство полиции. Кончилось все тем, что Мими арестовали. Был суд. Мими оштрафовали и посадили на неделю в *violon* за оскорбление общественной нравственности. В виде протеста против такой несправедливости, студенты и художники устроили шествие по большим бульварам с портретами Мими Ласерте.

Как только Мими выпустили, она немедленно же стала выступать опять в том же костюме, но только без маски. И корсет был значительно уменьшен. Полиция требовала, чтобы Мими носила трико. Мими не соглашалась. Публика была всегда на её стороне. Начался ряд комических скандалов. Весь Париж сбегался смотреть и слушать Мими. Не было ни одного уличного мальчишки в Париже, который не знал бы песенки Мими «*Mon corset*».

В ответ на требование полиции надевать трико, Мими совсем упразднила корсет и появилась в ажурном черном трико из тонких ниточек с клетками по два сантиметра. Несколько раз Мими судили. О её трико печатались статьи во всех газетах. Один депутат сделал себе карьеру громовыми речами против костюмов Мими Ласерте, за которые студенты устраивали ему кошачьи концерты. Во всех судебных процессах против Мими её трико и корсеты фигурировали в качестве вещественных доказательств и торжественно развешивались перед судьями, к великому восторгу публики. И суд должен был решать, какое трико удовлетворяет общественной нравственности, а какое не удовлетворяет, и т. д. Не было ни одного человека в Париже, который не был бы осведомлён самым подробным образом о корсетах и трико Мими Ласерте. И, конечно, Мими стала самой модной и самой дорогой дамой парижского веселящегося мира. В один сезон у неё появился собственный отель, лошади, бриллианты, ручной тигренок и молодой верблюд, на котором Мими собиралась кататься в Bois de Boulogne.

Все шло прекрасно. Мими могла бы играть роль в финансовых и политических сферах. Но её тянуло к богеме, к артистическим кабачкам. В душе она была гризеткой старого типа, потому что постоянно влюблялась, страшно привязывалась к предметам своей любви, безумно ревновала и мучилась.

Последним её увлечением был один художник, входивший тогда в моду, обладавший необыкновенными шелковистыми усами и очень неверным сердцем. Мими для него выгнала вон австрийского барона с коротенькими ножками, подарившего ей отель, и две недели отвергала ухаживания всех кандидатов на пост её главного обладателя. И через две недели художник начал ей изменять с черненькой Сюзанн Иври.

Мими плакала, собиралась уйти в монастырь и, наконец, в один вечер, когда чувствовала себя особенно грустно, выступила в своем театре с одной только бархаткой на шее, чтобы её посадили в тюрьму на два месяца, как ей было обещано. И после протокола с двумя молодыми поэтами поехала курить гашиш в арабскую курильню, где-то на левом берегу.

Гашиш — опасный яд для простых людей. Он ничего не дает им, а только разбивает нервы.

А Мими была более чем простой, и магия гашиша была ей совершенно недоступна. Это яд для немногих, для тех людей, у которых уже надорвана связь с землей, которые половиной своего существа живут в другом мире. Ты знаешь, я не люблю этот тип людей и не верю их фантазиям. Но во всяком случае Мими не имела с ними ничего общего.

Ну вот, Мими выкурила две трубки и стала задыхаться. У неё то билось, то останавливалось сердце, то ей делалось холодно и нестерпимо страшно, то жарко, — и тогда хотелось без удержу хохотать.

Она лежала, раскинувшись на подушках, и все время ей казалось, что ещё продолжает курить длинную тонкую трубку с красным огоньком и с душистым дымом. Это обычный обман, при помощи которого странное существо гашиша (которого я вообще не понимаю) отделяется от людей, без спроса забредающих в сферу его действия. Подъемы и понижения стали тише, по телу разливалась приятная теплота, и Мими с закрытыми глазами в своём воображении все курила, курила и курила. Но она не спала, и когда один из поэтов начал целовать её ноги, он получил очень чувствительный удар каблуком, от которого у него две недели был черный глаз.

Тем всё и кончилось. Мими заставили выпить шампанского. Она выпила несколько бокалов и как-то странно отрезвела. Вино и гашиш уравнивали друг друга. И Мими показалось, что она никогда не видела вещи так ясно, как после этого.

Потом она поехала домой. Было уже под утро. Она плохо спала и проснулась с желтым лицом, с мигренью и с ощущением всех нервов в теле, точно они вдруг все стали слышны. Первое, что она вспомнила, это был её художник. Ей хотелось кричать от злости и плакать. Боже, чего бы она ни отдала, если бы можно было сделать, чтобы Сюзанн Иври попала под карету, или заболела оспой. А, впрочем, что ему? Через две недели у него все равно будет другая. Неужели ничего нельзя сделать, чтобы он вернулся к ней? Страдал бы, просил её любви, а она гордо отказывала бы ему. Но Мими чувствовала, что долго она не будет в состоянии сопротивляться. Вот это-то и есть самое скверное. Мужчины ценят только тех женщин, которые заставляют их страдать. А Мими никогда не умела делать этого, когда была влюблена. Но что же сделать? Мими чувствовала, что она не может оставить художника и Сюзанн Иври в покое, как будто все так и должно быть. Нет, этого не может быть!

В тот день должно было состояться открытие большого благотворительного базара. И, думая о разных способах мести, Мими невольно всё возвращалась умом к одной картине, совершенно завладевшей её воображением.

Начиналось всё с благотворительного базара.

Самая изысканная публика. В киосках торгуют знаменитые актрисы и дамы из аристократии. Но Мими не обращает внимания на них. Хотя они все смотрят на нее. Так всегда бывает. И Мими идет в своей новой русской шубке, и, посмеиваясь, смотрит на мужчин, которые толпятся около киосков. Она всех их знает. И ее все знают. Но только очень немногие решаются

здесь узнать ее и поздороваться с ней. Хотя все хотели бы. В этом Мими уверена. Только они боятся своих дам. И вдруг, как раз, когда Мими чувствует, что ни на кого не смотрят так много, как на нее, она встречается с Максом и с Сюзанн. Макс ей едва кланяется, а Сюзанн бросает на неё нахальный и вызывающий взгляд. Мими не отвечает на этот взгляд, а с улыбкой вынимает из муфты американский пистолет — такой, каким убили Марион Грей, и наводит его по очереди на Макса и на Сюзанн. Мими совершенно отчетливо видела эту картину и свою темно-зеленую бархатную шубку, и поднятую руку в белой перчатке с пистолетом, и прищуренный глаз, потому что она будет совершенно серьезно целиться. Все кругом затихает и замирает. Макс делает движение вперед, но Мими угрожающе переводит на него пистолет. Сюзанн хватается за сердце и грохается на пол (пускай она обо что-нибудь стукнется затылком). Мими еще секунду с укором смотрит на Макса, потом роняет пистолет и тоже падает в обморок.

Дальше она не помнит, что происходит. Она приходит в чувство только у себя дома, в постели. Рядом стоит доктор и говорит: она спасена. И около кровати стоит Макс, и по его лицу текут слезы радости.

Эти картины проходили и проходили перед Мими одна за другой, каждый раз делаясь все ярче, все отчетливее.

Она долго одевалась, все с теми же самыми мыслями. И, уезжая из дому, положила в муфту американский пистолет. Он был ужасно тяжелый. И Мими в последнюю минуту колебалась, брать его или не брать. Она совсем не была уверена, что сделает то, что ей приходило в голову. Но в конце концов она всё-таки взяла пистолет на случай, если действительно захочет попутать Сюзанн и Макса.

На базаре было трудно пройти. Торговала Сара Бернар и другие знаменитости. Но толпа расступалась при приближении Мими, и все взгляды провожали ее. Мими узнала депутата, громившего ее в своих речах, и заметила, что в его взгляде, который он не успел отвести от неё, было какое-то подозрительное любопытство.

— Вот бы кого поймать, — подумала Мими, и ей стало очень смешно от этой мысли. Все шептались вокруг неё. Почти все время Мими слышала свое имя. Вся злоба на мир как-будто начала проходить.

Но вдруг Мими столкнулась совсем так, как рисовала себе, с Максом и Сюзанн. Но они даже не заметили ее. Сюзанн небрежно скользнула по ней взглядом и, дотронувшись до руки Макса, показала ему витрину направо, точно необыкновенно заинтересовавшись чем-то. И Макс, как ни в чем ни

бывало, тоже скользнул глазами по Мими и потом, слегка наклонясь, с ласковой улыбкой начал прислушиваться к тому, что говорила Сюзанн.

В это время толпа между ними продвинулась, и Мими, уже вся пылавшая от негодования, оказалась лицом к лицу с парочкой. Но ее и тут не узнали. Сюзанн довольно небрежно оглядела ее, а Макс рассеянно смотрел поверх её головы. Этого уже Мими не могла выдержать. Все нервы задрожали в ней, голова закружилась. Она сделала шаг назад к стене и крикнула монмартрское жаргонное словечко. Она видела, как вспыхнула от злобы Сюзанн и побледнел Макс. Это уже означало скандал. Взгляды всех кругом были устремлены на них. Но Мими закусила удила, и теперь она знала, что сделает всё, что собиралась. Торжествуяще она вытащила из муфты американский пистолет и навела его сначала на Макса, а потом на Сюзанн. И совершенно так, как она представляла себе, все кругом замерло и остановилось.

Но тут произошло что-то ужасное, чего Мими совсем не ожидала и не хотела.

Я говорил тебе, что ребенок был склонен начинать разговаривать прежде, чем его попросили.

Пистолет вдруг дернулся вверх в руке у Мими, блеснул желтый огонь и раздался страшный удар, от которого зазвенело в ушах у Мими, и она чуть не присела к земле от страха. Смертельный ужас охватил её. Что такое случилось? Она не собиралась стрелять. Она даже не знала, что страшная штука могла быть заряжена. Сердце безумно колотилось в груди, все плыло куда-то. Мими сделала шаг назад и на что-то облокотилась. Перед ней на полу лежала Сюзанн. Кто-то наклонился к ней. И Мими хотелось крикнуть, что это не так, что она не хотела этого. Но безумный испуг сковывал её язык. Высокий господин с черной бородой, в черном сюртуке и цилиндре, подняв руку с палкой, бросился на неё, на Мими. Мими инстинктивно подняла пистолет. И опять произошел тот же самый ужас. Пистолет опять дернуло, опять блеснул желтый огонь, и опять раздался этот страшный удар. Мими хотелось бежать куда-нибудь от всего этого. Но ноги не слушались её. Высокий господин с бородой полз по полу на четвереньках. Где-то далеко кричала толпа. Все вертелось перед глазами у Мими. И вдруг Мими показалось, что крик толпы приближается, растет, еще мгновение, и вся толпа бросается на нее, чтобы ее растерзать за то, что она сделала. Мими тоже закричала и, закрыв глаза, подняла пистолет. Опять страшный удар и крик, еще удар, еще, и еще, и еще. Когда пистолет перестал стрелять, Мими выронила его и упала рядом с ним.

Ты можешь себе представить, что произойдет на блестящем благотворительном базаре, если начать стрелять в толпу пулями в никелевой оболочке.

Когда раздался первый выстрел, кто-то крикнул: «Анархисты!» Все бросились к дверям. В течение десяти минут обезумевшие люди топтали, давили и рвали друг друга.

Я тебе скажу, это была картина. Насмерть задавили около сорока человек, преимущественно женщин, и вдвое больше было искалечено. Что это было! Разбитые кулаками лица у изящных женщин, выбитые зубы, свороченные челюсти, вырванные волосы, выдавленные внутренности, глаза. Это стоило посмотреть! Главное, заметь, что это ведь было высшее общество.

Ну, хорошо. Когда сержанты пробились, наконец, к тому месту, откуда стреляла Мими, они нашли ее на полу с открытым ртом и со стеклянным взглядом. Она умерла от разрыва сердца. Сюзанн была убита на месте и еще трое убито и несколько человек ранено.

«Сцены из Дантова Ада на благотворительном базаре, — писали газеты. — Больше ста жертв! Дикий зверь, проснувшийся в культурном человеке!»

Среди жертв была герцогиня Марни, которую звали живой летописью второй империи, двое молодых актрис из Comedie Francaise, входившие в моду; жена знаменитого скульптора, жена и дочь американского миллионера, сын испанского посла и еще, и еще, целый ряд имен.

— Я помню эту историю, — сказал я.

— Ну, еще бы, — сказал дьявол. — Нельзя не помнить. Столько писали и говорили тогда о первобытном человеке, просыпающемся в культурном европейце. Как будто нужно чему-нибудь просыпаться!

И потом целый ряд похорон и целые страницы в газетах, полные описаниями всех деталей катастрофы. Портреты Сюзанн Иври и Мими Ласерте, и художника, и опять описания автоматического пистолета, и биографии, и портреты изобретателя, на этот раз уже настоящие.

После этого не было в Париже ни одного порядочного апаша, ни одного уважающего себя взломщика несгораемых шкафов, ни одного приличного анархиста, который не спешил бы обзавестись плоским черным пистолетом, незаметным в кармане и никогда не обманывающим в трудную минуту. Преимущества ребенка были очевидны, и единственным его недостатком было то, что иногда он начинал разговаривать на несколько секунд раньше, чем его попросили. По-моему это было достоинство, потому что оно часто способствовало оживлению беседы.

За Парижем последовали другие столицы Европы. Провинция не хотела отставать от столиц. Маленькие страны спешили догнать большие. Восток, юг, запад, север одинаково требовали ребенка.

Люди, которым надоела их собственная жизнь, люди, которым мешала жизнь их ближних или дальних; люди, на жизнь которых покушались их ближние или дальние, все приобретали «ребенка». Он стал каким-то всеобщим козырем в игре на жизнь. С ним, казалось, легче всего выиграть или (при желании) проиграть.

Тоска, отчаяние, горе, ненависть, зависть, ревность, жадность, трусость, злоба, жестокость, измена, предательство и целые десятки их родственников, все при помощи «ребенка» достигали своего наилучшего и наиболее полного выражения. Ребенок был везде и всегда, где только жизнь начинала выходить из обычного узкого и мещанского русла. При описании всех сколько-нибудь видных преступлений, покушений на высокопоставленных лиц, крупных грабежей с убийствами, громких самоубийств — неизменно упоминалось имя ребенка. Было почти неприлично решаться на какое-нибудь серьезное дело со старым револьвером, это было уже что-то вроде лука и стрел.

Европа, Америка, Азия, Африка и Австралия выказывали совершенно одинаковый интерес к изобретению Хьюга. И я не ошибусь, если скажу, что распространение пистолетов, выпускавшихся «Всеобщей Компанией Автоматического Оружия», уже тогда значительно превысило, например, распространение Библии. Но это было только начало.

Приблизительно около того времени, когда произошел трагический случай с Мими Ласерте, у Мадж родился первый ребенок.

В жизни Хьюга и Мадж, как я уже тебе говорил, решение не иметь детей играло совершенно особенную роль. Но когда успех изобретения Хьюга позволил им встретиться снова и снова любить друг друга, они прежде всего отменили это решение. И они оба чувствовали, что их желание иметь детей и готовность иметь, и сознание, что теперь они *могут* иметь, наполнило их любовь и их ласки новым очарованием, какого они раньше не знали. И когда стало уже несомненно известно, что Мадж будет матерью, Хьюг почувствовал, что Мадж точно выросла и стала для него на какой-то недостижимой царственной высоте. Ему казалось, что он точно первый раз винит её, такой она стала загадочной, таинственной, погруженной в себя.

И ему хотелось создать подходящую обстановку к рождению их первенца.

Но в этом отношении Хьюг первое время терпел неудачи. Он не поспевал за ростом своих доходов.

Все, что он начинал устраивать для себя, очень скоро делалось маленьким и бледным в сравнении с новыми возможностями, которые вытекали

из увеличивающихся доходов. Дом, который Хьюг в самом начале выстроил для себя на заводе, через полгода уже казался ему мизерным и мещанским. Другой дом, который он начал строить в Нью-Йорке, он бросил не достроив, и начал строить новый среди огромного участка земли, купленного за безумные деньги у разорившегося миллиардера.

Этот дом не был готов, когда родился первый ребенок у Мадж. И в честь его рождения Хьюг отменил все уже одобренные планы и проекты и объявил конкурс на постройку дома-дворца с огромной премией за одобренный проект.

Мадж нравился блеск их новой жизни. Только она хотела, чтобы Хьюг больше был с ней. Он слишком много был занят, вечно с новыми финансовыми проектами, вечно готовый ехать то в Париж, то в Рио-де-Жанейро, то ещё куда-нибудь. Мадж мало видела его в это время. И временами сам Хьюг замечал, что новое положение очень мало похоже на то, о чем он когда-то мечтал.

Его мечты — поездка в Италию, с тем, чтобы, не спеша, насладиться чудесами природы и искусства; спокойное и немного ленивое путешествие по Востоку, в Иерусалим, в Каир, — было теперь, пожалуй, даже более невозможно, чем тогда, когда Хьюг служил чертежником. Но Хьюг не терял надежды, что все это придет. Главное, его семейная жизнь и отношения с Мадж складывались необыкновенно счастливо, и Хьюг чувствовал, как все его существо точно проникается теплом и светом, идущими от Мадж. А Мадж со времени рождения первого ребенка, действительно, точно светилась изнутри; и ей хотелось распространять этот свет на всех окружающих. Так прошли ещё год или два.

Дом-дворец по проекту итальянского архитектора заканчивался постройкой. Мадж ожидала второго ребенка, и дела «Всеобщей Компании» были в таком блестящем состоянии, что имя Хьюга печаталось теперь в газетах рядом с именами Вандербильта, Астора и Рокфеллера.

У Хьюга нашлись довольно многочисленные родственники. Один из них даже написал книгу об их родословной. Газеты говорили по поводу этой книги, что Хьюг — это представитель настоящей аристократии Соединенных Штатов, потомок пионеров, несших знамя культуры белого человека и т. п. В одном большом иллюстрированном ежемесячнике появилась подробная биография прадеда Хьюга, бывшего губернатором Южной Каролины, с многочисленными рисунками и снимками со старых гравюр. А один известный английский историк писал Хьюгу, что он нашел несомненное доказательство происхождения его рода от короля Артура и просил только сто тысяч фунтов на дальнейшие изыскания и на печатание своих трудов.

Операции «Всеобщей Компании Автоматического Оружия» развивались так, как даже не могли представить себе Хьюг и Джонс. Польза и практичность автоматического пистолета были настолько очевидны, что начались требования от правительств самых разнообразных стран. Япония, Греция, Трансвааль и Оранжевая республика были первыми заказчиками. И чем дальше, тем дело шло лучше.

Начиналась великая эпоха войн. Войны, случавшиеся раньше с промежутками в несколько десятилетий, пошли теперь непрерывно, одна за другой.

Первой в великой эпохе была Китайско-Японская война. Затем Италия-Абиссинская; потом Греко-Турецкая; затем — Испано-Американская; дальше восстание боксеров; осада и освобождение посольств в Пекине и Манчжурская кампания; потом Русско-Японская война; затем последовавшая за ней волна революций и восстаний, прокатившаяся по всему земному шару — революция в Турции, революция в Персии, революция в Китае, революция в Португалии, про Южно-Американские республики я уже не говорю. Затем — Италия-Турецкая война; Сербо-Болгаро-Греческая; Сербо-Греко-Румыно-Болгарская...

И всем этим войнам предшествовали и сопутствовали колоссальные заказы на изделия «Всеобщей Компании».

Все это очень радовало меня. Ты знаешь, я люблю людей, желаю им всего лучшего. А такое оживление политической жизни показывало на необыкновенно быстрый рост культуры. Давно известно, что война есть высшее выражение цивилизации и прогресса. Что было бы с людьми, если бы не было войн? Дикость, варварство, полное отсутствие всякой эволюции.

Хотя мне всегда кажется, что важность войн для политического и морального развития человечества недостаточно оценивается. Люди последнее время слишком много стали разговаривать о вечном мире. А мечты о мире делают даже наиболее цивилизованные нации анемичными и вызывают на общее падение их духа. Да и вообще только усталые, истощенные, лишенные духовности эпохи играют с мечтой о вечном мире. Война — творческий принцип мира. Без войны началось бы нездоровое развитие — мистика, эротика, декадентство в искусстве, общий упадок всего здорового и сильного. Долгие периоды мира всегда приводили к вырождению.

— Тебя удивляет, что я заговорил об этом? Но это мое глубокое убеждение, — сказал дьявол, махнув хвостом. — Война моральная необходимость. Идеализм требует войны. Только материализм боится её, потому что основная идея материалистической философии неизбежно ведет к эгоизму. Есть

одна сторона в войне, которой вы, люди, обыкновенно не замечаете. Война учит вас не проповедями, а на практике, на деле — насколько преходящи блага мира сего, насколько непрочно все земное и временное¹.

И вот, в силу всего этого, конечно, я мог только приветствовать начало непрерывных войн.

Дела «Всеобщей Компании» шли, конечно, блестяще и ещё больше обещали в будущем.

Кроме пистолетов, заводы Компании давно уже выдавали автоматические винтовки. Но на них спрос был пока только из Южной Америки.

— Помяни мое слово, — говорил Джонс, — через десять-пятнадцать лет вся Европа будет перевооружаться автоматическими ружьями. Сейчас просто никто не решается начать.

— Да, может быть, ты и прав, — говорил Хьюг. — Но в таком случае нужно предвидеть большое увеличение дела.

— Без всякого сомнения, — отвечал Джонс. — Нам нужно строить не переставая. А о чем я мечтаю, это о маленьком артиллерийском отделении. Ты знаешь, в нашем архиве есть проект замечательной скорострельной трехдюймовки.

— Это верно, — сказал Хьюг. — Но мы должны подождать конца опытов с новыми сортами пороха и вообще с новыми взрывчатыми веществами. У меня десять человек сидят над этой работой. Особенно интересны опыты с ослепляющими газами. Кролики и собаки слепнут у нас великолепно. Теперь начали опыты с лошадьми.

— Ну, хорошо, — сказал Джонс. — Подождем. Только все-таки не нужно откладывать это надолго.

Заводы «Всеобщей Компании» и теперь уже образовывали целый город. Хьюг и Джонс отдавали очень много внимания распланированию и устройству этого городка и необыкновенно гордились им, что нигде в Соединенных Штатах процент смертности не стоял так низко, как в их рабочих поселениях.

¹ Некоторое сходство взглядов дьявола на вопросы мировой политики и морали с философскими взглядами известных мыслителей — ген. фон Бернгарди и проф. фон Трейчке — объясняется, как мне кажется, не заимствованиями с той или с другой стороны, а скорее совпадением, зависящим от причин внутреннего свойства (Примеч. авт.)

Домики рабочих стояли среди садов, огромные лужайки и целые рощи окружали школы, церкви и дома для молодых матерей. Все рабочие, прослужившие известное время, получали пенсию, и в виде опыта вводился шестичасовой рабочий день.

И Хьюг, и Мадж очень много занимались делами рабочего поселения и входили во все его нужды и интересы. И Мадж всегда говорила, что самое большое счастье в жизни — это делать всех этих людей, насколько только возможно, довольными и счастливыми.

Но Хьюг никогда не мог вполне победить своего немного презрительного отношения к белым рабам.

Он делал для них все, что от него зависело, но никогда не мог признать их равными себе. Он уважал только тех, которые не хотели и не могли быть рабами.

И любимым детищем Хьюга был его институт помощи молодым изобретателям.

Это учреждение возникло следующим образом.

Как-то раз, уже лет через пять после изменения своего положения, Хьюг нашел у себя в старой книжке записанный адрес. Хьюг всегда с гордостью говорил, что он еще ничего не забыл в своей жизни. Но тут, сколько он ни ломал себе голову, стараясь отгадать, кто такой мог бы быть Антони Сеймура, ничего не выходило.

Наконец, вдруг он вспомнил встречу в Центральном парке и старого изобретателя, нагнавшего на него такую тоску. Это было в один из самых тяжелых дней его жизни. Хьюг вспомнил, что он обещал себе найти этого человека в день своей удачи. И ему стало немножко совестно, что он забыл. Кроме того, последнее время он вообще думал, что нужно сделать что-нибудь для людей, находящихся в таком положении, в каком раньше находился он.

Хьюг поручил своему поверенному найти Антони Сеймура, изобретателя, которому пять лет тому назад можно было писать по адресу какой-то табачной лавочки. Конечно, ни Сеймура, ни лавочки не оказалось. Все поиски ни к чему не привели. Хьюг почему-то очень заинтересовался этими поисками, истратил на них много денег и был очень огорчен, когда в результате не удалось найти даже следа Антони Сеймура.

Это было толчком, заставившим Хьюга приступить к созданию своего института, через год после этого открывшегося.

Хьюг нашел несколько молодых помощников, живо воспринявших его идею, предоставил в их распоряжение большие средства, и новое учреждение начало действовать.

Идея Хьюга была помогать людям, стоящим выше среднего уровня, занимать то место в жизни, какого они заслуживают.

— Главный ужас нашей жизни, это признание прав только за низшим уровнем людей, — говорил Хьюг своим помощникам. — Школы, общественные учреждения, политические партии, все имеют в виду низший тип. Теоретически они приспособляются для среднего уровня, но фактически служат низшему. Социализм базируется на низшем типе. Мы должны искать высший. Ни в каком случае не понимайте слово «изобретатель» узко. Всякий человек, у которого есть своя идея, есть изобретатель.

Не могу сказать тебе, чтобы мысль Хьюга сразу оказалась очень плодотворной. Большинство гениев, открываемых на первых порах институтом, оказывались или шарлатанами, или психопатами. Но потом среди них начали попадаться настоящие люди, а время от времени находились такие самородки, что еще лет через десять институт Хьюга стал известен по всему земному шару. И человечество бесспорно обязано Хьюгу сохранением очень многих ценных открытий, которые иначе могли бы затеряться и исчезнуть.

Одному из изобретателей, открытых этим институтом, и принадлежала идея скорострельного орудия, о котором говорил Джонс. И компании молодых химиков из этого же учреждения Хьюг поручил разработку некоторых вопросов, относившихся к новым сортам пороха и к новым взрывчатым веществам с ядовитыми газами.

Развивавшееся дело «Всеобщей Компании Автоматического Оружия» потребовало многих побочных предприятий. Очень скоро оказалось, что для «Компании» выгоднее иметь свои железные и медные рудники, свои угольные копи, свои нефтяные источники. Потом «Компании» пришлось выстроить около тысячи миль железных дорог, а к ним уже сами собой присоединились соседние линии, не выдержавшие конкуренции. Затем Джонс, вообще мало интересовавшийся финансами, очень выгодно скупил акции одного большого пароходного общества, и у «Всеобщей Компании» оказался свой флот из сорока океанских пароходов.

И при этом каждая отрасль дела развивалась самостоятельно и вызывала к жизни новые и новые предприятия.

Но все это уже не отнимало теперь целиком всего времени Хьюга и Джонса.

Очень многое, что раньше приходилось делать или обдумывать им самим, теперь за них стали делать и обдумывать другие, или же оно делалось само собой, как сами собой росли разные стороны предприятий, капиталы и доходы.

Наконец, Хьюг мог путешествовать. И с Мадж, и без Мадж он уезжал в Европу, в Азию, в Африку, в Южную Америку.

Кладбище в Смирне, линия пирамид по берегу Нила, гопурамы южно-индийских храмов, коралловые атоллы Тихого океана — все это теперь стало близко и доступно Хьюгу.

И часто, сидя в своем Нью-Йоркском дворце, он, закрывая глаза, перебирал в уме впечатления своих путешествий и чувствовал, как все это обогатило его душу.

Интерес к искусству, который Хьюг почувствовал после нескольких поездок по Италии, наполнил его жизнь новым содержанием.

Сначала Хьюг покупал много картин. И как это ни странно для человека, никогда не изучавшего искусство, он сразу начал покупать очень удачно. В несколько лет ему удалось составить интересную коллекцию картин современных художников новых школ.

Потом он увлекся гравюрами и эстампами, начал собирать старые иллюстрированные издания, и эта страсть никогда уже больше не покидала его.

Но, как он сам говорил, он сильнее всего чувствовал всякое искусство на месте, там где оно возникло и родилось, и поэтому коллекции, собранные и перевезённые в Америку, всегда казались ему мертвыми.

Но во время поездок по Италии и по Испании ему случалось иногда забрести в маленькую старинную церковь в глухом городке и вдруг почувствовать странное и непонятное ощущение радости от каких-то далеких, из глубины его собственной души говорящих голосов, разбуженных лицом Мадонны, выделяющимся на темном фоне, или сумраком и тишиной высокого свода, или лучом вечернего солнца, проникающего сквозь цветные стекла, или гулким эхо от шагов по каменным плитам.

И тогда Хьюг чувствовал, как во всем окружавшем витают и живут таинственные сущности, воплощавшиеся в картинах старых художников, в старинных церквях, стенах, башнях, но всегда слитые с тем пейзажем, среди которого они родились, с виноградниками на холме, с вечерним солнцем, с желтой каменистой дорогой, с цепью холмов на горизонте.

Это были любимые переживания Хьюга, после которых странной, тусклой и нереальной казалась ему обычная ежедневная жизнь.

Но самым главным его увлечением была астрономия. Это началось следующим образом.

Однажды он плыл на своей роскошной паровой яхте в 9000 тонн к устью Амазонки. Дело было вечером. Мадж с детьми ушла вниз, а Хьюг поднялся на мостик. Была темная и теплая тропическая ночь, влажная и полная свер-

кающих звезд. Хьюг долго смотрел на небо. И вдруг он вспомнил, как в ранней молодости его интересовала астрономия.

— Все это пришлось бросить тогда, сказал он. — Но теперь... почему я теперь не займусь этим? Кто это сказал про звездное небо и про душу человека?

Хьюг чувствовал, как звёзды влекут его к себе, как уже только от одной мысли о невероятных расстояниях между звёздами и землей, делается маленьким и уходит от него все земное. Вся душа всколыхнулась в нём.

— Как я мог жить без этого? — спросил себя Хьюг.

В эту ночь он долго не сходил с мостика и на другой же день забрал к себе все книги по астрономии, глобусы и карты звёздного неба, оказавшиеся у капитана.

Всё это плавание Хьюг не хотел думать ни о чем, кроме звезд. И, когда он вернулся в Нью-Йорк, он почувствовал, что стал другим человеком. Звезды сняли с него налет деловой сухости, налегшей на него за последние годы. Он опять был прежний Хьюг, мечтающий о невозможном, не желающий знать никакого удержу для своей фантазии.

В Нью-Йорке он начал собирать астрономическую библиотеку. Потом в одной из угловых башен своего дворца устроил маленькую обсерваторию, стоившую около миллиона долларов. Он пригласил одного молодого ученого заведывать обсерваторией и сам так увлекался ей, что просиживал там целые дни и целые ночи.

Но небо Нью-Йорка слишком облачно. Через год или два Хьюг решил построить настоящую обсерваторию в Аллеганских горах. К этому же времени относится его первое изобретение в области астрономической техники. Тут Хьюг действительно нашел себя. Его удивляло последние годы, что способность к изобретениям как будто оставила его. Но теперь все вернулось с удвоенной и утроенной силой. Первые годы Хьюг только учился. А когда он узнал все, что можно узнать от профессора и из книг, его охватила безумная жажда знать больше: несовершенство аппаратов, телескопов, фотографических аппаратов — все это стояло на пути новых знаний. И на него направилась его изобретательность. Честолюбия в нем никогда не было. Материальные потребности его давно с избытком были удовлетворены, и теперь он работал ради знания, ради творчества, отвоевывая, вырывая у природы её тайны.

Занятия астрономией Хьюга совсем не были игрой. Очень скоро он получил за свою работу о падающих звёздах степень доктора от Колумбийского университета. А затем изобретения, особенно в области астрономической фотографии, сделали его имя известным во всём ученом мире. Устроенная им мастерская астрономических аппаратов и принадлежностей превратилась в целый завод. А один из изобретателей, найденных его институтом,

после долгих неудач и трудов получил, наконец, стекло нового состава для оптических инструментов такой прозрачности и так ровно застывавшее в больших массах, что Хьюг увидел возможность осуществления своей мечты, появившейся у него со времени, когда он начал заниматься астрономией — а именно, о постройке такого телескопа, какого еще не было на свете, при помощи которого, наконец, должен был быть разрешен целый ряд загадок, целые столетия стоявших перед астрономами. Последнее время Хьюг специализировался на изучении планет, особенно Марса. И он был уверен, что новый телескоп даст ему возможность разрешить ряд загадок и предположений, накопившихся у астрономов относительно планет.

Этот телескоп долго занимал воображение Хьюга, и, наконец, он собрал целую комиссию ученых, сообщил им все свои соображения и для телескопа начали строить фундамент на одной из снеговых вершин Скалистых гор.

Когда Хьюг возвращался с двумя известными американскими астрономами и французским профессором после осмотра места, где должна была строиться обсерватория, он попросил своих спутников потерять еще несколько дней и проехать с ним посмотреть одно плато в горах, на которое, как он сказал, у него были особые виды.

Горное плато, о котором говорил Хьюг, оказалось мрачным и суровым местом. Это была совершенно плоская каменистая равнина, покрытая валунами и окруженная со всех сторон пропастями, а дальше кольцом снежных гор.

— Я не слышал ни про одно подобное плато на такой высоте, — сказал Хьюг; — может быть, только на Памире. Снег тает здесь только на два месяца, растительности никакой нет и чистота воздуха поразительна. Пока моя тайна то, что я вам говорю. Но скоро я надеюсь приступить к работам, и тогда мы не будем молчать. Дело в следующем. Я считаю, что наши технические возможности уже достаточны для того, чтобы начать попытки сигнализировать планетам... Но вследствие несовершенства наших аппаратов до сих пор мы не могли бы видеть их сигналов. Как только наш телескоп будет готов, я думаю с этого плато начать сигнализировать Марсу и, может быть, двум другим планетам, на которых я подозреваю жизнь. Вы видели эти два огромных водопада в горах. Они дадут нам силу. Всю площадь, которую вы видите, мы покроем электрическими проводами, и на небольшом расстоянии один от другого будут устроены электрические фонари, подобные маячным, с рефлекторами и выпуклыми стеклами. Освещаться будут различные геометрические фигуры. Сначала — самые простые: треугольник, квадрат, круг.

Если наши сигналы заметят и нам ответят, цель будет достигнута. Выработать условную азбуку и понять друг друга, это уже — пустое дело. А я лично думаю при этом, что нам уже давно сигнализируют, только мы этого не видим. Что вы скажете на это, господа?

— Я предлагаю вам свои услуги, в чем и как хотите, — сказал французский профессор. — Вы знаете, я высказывал подобную же мысль еще в 1887 году. И теперь я очень счастлив, что брошенные мной маленькие зерна приносят такие плоды.

Оба американских астронома также сразу согласились работать с Хьюгом. Их увлекала грандиозность проекта. И, переночевав с проводниками, с носильщиками и с горными мулами в сталактитовой пещере немного ниже плато, они двинулись в обратный путь, обсуждая дорогой различные детали проекта Хьюга.

Другой страстью Хьюга в эти годы были орхидеи. Еще в первый год он начал строить для Мадж оранжерею. Постепенно оранжерея разрасталась и превратилась в целый ботанический сад за стеклами. В этой оранжерее культивировались только розы, но зато розы всех сортов, какие когда-либо были, есть или будут на земле. Хьюг не хотел портить стилия и заводить другие цветы в этой оранжерее: поэтому, когда его заинтересовали орхидеи, он устроил для них отдельное помещение. Через несколько лет его оранжереи, хотя и самые молодые, считались лучшими в Соединенных Штатах. Особенной славой пользовался его дворец орхидей в Нью-Йорке. На свете не было другой такой коллекции орхидей, и Хьюг тратил на эти цветы буквально миллионы. Одна экспедиция к верховьям Амазонки, которая имела в своем распоряжении несколько пароходов, и на месте, среди болот и непроходимых лесов устраивала питомники для орхидей, обошлась больше чем в три миллиона. Но доходы Хьюга теперь считались уже сотнями миллионов, и он мог себе это позволить.

Мадж больше любила розы. Её оранжереи роз были её гордостью. И в день рождения своего первенца, Хьюга-младшего, она устраивала чай в галерее роз. И об этом чае каждый год по два дня писали Нью-Йоркские газеты.

Кроме того, Мадж занялась филантропией и строила какой-то город-сад для слепых.

Однажды Хьюг с семейством приехал провести август месяц в своей вилле в горах Катскилл, недалеко от Нью-Йорка.

Его старший сын только что вернулся из Парижа, где он изучал математику и астрономию. Две дочери, обе увлекавшиеся живописью, недавно возвратились из поездки по Японии, а младший сын, у которого открывался необыкновенный музыкальный талант, только что поправился от тяжелой инфлюэнцы и был на правах выздоравливающего.

Когда вся семья собралась вместе, Мадж поехала на несколько дней посмотреть свой строящийся город. Она должна была вернуться на третий день, но задержалась, и только на пятый день от неё пришла телеграмма: «Наконец, и мне удалось сделать, если не изобретение, то открытие. Расскажу, когда приеду».

На следующий день Хьюг с детьми поехал встречать Мадж на станцию. Дорога шла между холмами, поросшими лесом. Ехали на двух больших бесшумных автомобилях. Первым управлял старший сын Хьюга, и с ним ехали сестры.

Хьюг необыкновенно гордился своими детьми. Но всегда называл их «дети Мадж», признавая этим её преимущественное право на них, так как она думала и мечтала о них, когда их еще не было.

Экспресс пришел через несколько минут после того, как они приехали на станцию. В конце поезда был прицеплен вагон Мадж. Она еще издали увидела детей и начала махать платком. А когда она легким, эластическим прыжком выскочила из вагона, Хьюг с гордостью подумал, что прожитые годы оставили сравнительно очень мало следов и на нём, и на Мадж.

Дорогой Мадж отказалась говорить о своём «изобретении» и сказала, что будет рассказывать вечером.

После обеда пили кофе на широкой веранде, выходившей на глубокую долину, за которой синели холмы, поросшие елками, и были видны два небольших водопада.

Последние годы Мадж начала любить это место даже больше своих розовых плантаций в Калифорнии.

— Какой ужас жить в темноте и не иметь возможности видеть солнца, гор, зелени... подумайте дети, — сказала Мадж. — Мне кажется, ничего нет ужаснее. И поэтому я так счастлива эти дни. Мне удастся сделать для слепых больше, чем я рассчитывала. Я хотела только облегчить их участь, а теперь оказывается, что можно будет лечить многих, которые считались безнадежными. Я нашла удивительного доктора. Он лечит слепых внушением под гипнозом. То, что я видела, похоже на чудо. Настоящее исцеление слепых. Я видела сама, как начинал видеть человек, бывший слепым десять лет. Даже слепорожденные и то иногда поддаются лечению. Мой доктор говорит, что почти десять процентов слепых, признаваемых безнадежными, совсем не безнадежны. Он говорит, что пока не

испробован гипноз, нельзя говорить о слепоте. И по его мнению, обыкновенные доктора делают страшно много вреда, говоря больным, что они безнадежны. В результате больные на самом деле слепнут, главным образом от самовнушения. Глаз — такой тонкий орган, что он поддается всякому внушению. И вот видите, если под гипнозом внушать обратное, приказывать глазам видеть, то они слушаются и начинают видеть, если только не атрофирован нерв. И этому доктору не дают ходу. Глазные врачи в Нью-Йорке запретили ему делать опыты в глазных больницах. Это после того, как он вылечил слепорожденную девочку. Подумайте, не ужасно это? Эти люди сами — слепорожденные. И я решила построить клинику для этого доктора при моём городе и устроить институт, в котором молодые врачи будут учиться новому методу. Подумайте, сколько добра можно сделать. И как приятно иметь возможность делать добро!

— Ну, знаешь, — сказал дьявол, — все это было так прекрасно, что я не мог больше высидеть. Я уже тебе говорил, что подобные чувствительные вещи действуют на меня, как качка в море на человека, страдающего морской болезнью. Поэтому я ушел, и, что они говорили дальше, не знаю.

— Но в конце концов, — сказал я, — что же всё это значит — хорошо это или дурно? Нужно было Хьюгу стремиться стать изобретателем или лучше было оставаться таким, как все. Я ничего не понимаю.

Дьявол вспыхнул злым зеленым пламенем и изо всей силы стукнул кулаком по столу.

— Я же говорил тебе не спрашивать у меня никакой морали! — закричал он. — Думай сам, что хочешь! Оставь меня в покое. Точно я что-нибудь понимаю в вас!

И он провалился сквозь землю, оставив после себя запах серы. Ужасно нервный стал дьявол последнее время.

Это случилось, когда я путешествовал по Индии.

Утром я приехал в Эллору, где находятся знаменитые пещерные храмы.

Вы, наверное, читали или слышали про это место.

Возвышенность, идущая от Даулатабада и прорезанная острыми хребтами и глубокими долинами, в которых лежат развалины мертвых городов, кончается отвесным скалистым уступом в несколько верст длиной, имеющим форму подковы. Со стороны равнины, это — вогнутая скалистая стена, на которой в ряд, точно колоссальные гнезда ласточек, идут отверстия пещерных храмов. Вся скала пробита храмами, уходящими глубоко внутрь и под землю. Всего здесь пятьдесят восемь храмов, разных религий и разных богов, очевидно, с глубокой древности сменявших друг друга. Огромные темные залы, где в вышине, куда не проникает свет факелов, над вами шуршат стаи летучих мышей; длинные коридоры, узкие проходы, внутренние дворы; неожиданно открывающиеся балконы и галереи с видом на равнины внизу; скользкие лестницы со ступеньками, отшлифованными босыми ногами тысячи лет тому назад; темные колодцы, за которыми чувствуются скрытые подземелья; сумрак, тишина, в которую не проникает ни один звук; барельефы и статуи многоруких и многоголовых богов, больше всего бога Шивы — танцующего, убивающего, сливающегося в конвульсивных объятиях с какими-то другими фигурами.

Шива — бог Любви и Смерти, со странным, жестоким и полным эротики культом которого связана самая идеалистическая и отвлеченная система индийской философии. Шива — танцующий бог, вокруг которого танцует как его сияние вся вселенная. В этом боге, имеющем тысячу имен, таинственным образом сливаются все противоречия. Шива — благосклонный, милостивый, освобождающий от бед, божественный целитель, у него тысяча

глаз и тысяча колчанов со стрелами, которыми он поражает демонов. Он покровитель «человеческого стада». У него синее горло от яда, который должен был уничтожить человечество, и который он выпил, чтобы спасти людей. Шива — «великое время», непрерывно восстанавливающее все, что им было разрушено. И в этом значении он изображается в виде *Лингама*, черного фаллоса, погруженного в *Иони*; и ему поклоняются, как источнику жизни и богу сладострастия. И он же Шива — бог аскетизма и аскетов и величайший аскет, «одетый в воздух»; бог мудрости, бог познания и света. И он же — владыка зла, живущий на кладбищах и в местах сожжения трупов, со змеями на голове и с ожерельем из черепов. Шива — одновременно — бог, жрец и жертва, которая есть вся вселенная. И супруга Шивы, такая же таинственная и противоречивая, как и он, имеющая разные лица и носящая разные имена — Парвати, богиня красоты, любви и счастья; Дурга — покровительница матерей и семьи и Кали, т. е. черная, госпожа кладбищ, танцующая среди привидений, богиня зла, болезней, убийств, и в то же время — богиня мудрости и подательница откровений.

Дальше храмы Будды, храмы отречения и стремления к освобождению от мира, холодные и спокойные, с огромными молчаливыми статуями, уже две тысячи лет погруженными в размышление в глубине пещер.

И в середине всего длинного ряда храмов — огромный храм Кайлас или храм Неба. Кайлас — это мифическая гора в Гималаях, где живут боги, — индусский Олимп. Для этого храма сделана огромная искусственная выемка в скале, среди выемки стоят три большие пагоды, покрытые кружевом каменной резьбы, причем здесь нет ни одного камня, положенного на камень, а всё высечено из одного куска скалы. По сторонам пагоды две гигантские фигуры слонов, в несколько раз больше настоящей величины, тоже высеченные из камня. И во все стороны уходящие в глубь скалы галереи, подземные ходы, темные таинственные залы, с неровными стенами, хранящими следы инструментов, отбивавших куски гранита, со статуями и барельефами страшных богов в нишах.

Когда-то все это было полно жизнью. Двигалась толпа богомольцев, стекавшихся на ночные праздники в полнолуния смотреть священные танцы и совершать жертвоприношения; мелькали легкие фигуры сотен танцовщиц, развивались гирлянды жасмина. Во внутренних частях храма шли служения таинственных магических культов, остатки которых, как говорят, до сих пор сохранились в Индии, но тщательно скрываются от европейцев. — Все пещеры до самых глубин жили своей непонятной для нас жизнью.

Теперь ничего этого нет. Весь город храмов — пустыня. Нет ни жрецов-браминов, ни танцовщиц, ни странников-факиров, ни богомольцев, не бывает процессий с десятками слонов, не приносят цветы, не зажигают огней. Насколько видит глаз вниз, по равнине не видно даже деревушки или жилища. В двух-трех хижинах, скрытых за деревьями, живут несколько сторожей-проводников. И это все.

Пещеры и храмы проходят перед вами, как сон. Нигде на свете действительность так не сливается со сновидениями, как в этих подземельях. И смутно вы вспоминаете, что когда-то во сне ходили по таким же темным коридорам и узким проходам; поднимались, боясь сорваться вниз, по крутым и скользким лестницам; согнувшись и ощупывая рукой неровные стены и пол, проходили через узкие наклонные галереи и поднимались наверх на откос скалы, где далеко внизу под вами расстилалась туманная равнина. Может быть, этого никогда не было, может быть, было. Но вы помните темные коридоры и галереи.

Было лето — сезон дождей. Равнина внизу затянулась густым зеленым ковром, и повсюду между скалами журчали ручьи, сливавшиеся ниже в целые речки, преграждавшие путь к дальним пещерам.

Целый день с утра я бродил по храмам с фотографическим аппаратом, спускался в подземелья, перелезал через скалы, поднимался наверх откоса и опять шел в храмы. И все это я делал с каким-то особенным жадным любопытством, точно мне казалось, или я чувствовал, что именно здесь я что-то найду. Несколько раз я спускался вниз на равнину, покрытую зеленью и пропитанную водой, и с разных мест стремился пробраться к дальней, труднодоступной части города храмов, где в третьем или четвертом от края храма был на стене какой-то барельеф или рисунок, или символ, о котором мне говорили, и который я непременно хотел найти и видеть и, если возможно, сфотографировать. Мои проводники добросовестно искали дорогу, по пояс спускаясь в журчащие мутные потоки, и, не боясь змей, шлепали по мокрой траве и продирались через густой кустарник. Но в конце концов мы непременно натывались на какое-нибудь препятствие: или отвесную скалу, или глубокую воду. И пройти с равнины к правому краю пещер оказывалось невозможно. Дождь шел все время, только иногда затихая, а несколько раз начинал лить потоками. Я укрывался тогда в ближайшем храме, закуривал папироску и пережидал под статуей Будды с опущенными глазами, пока хлеставшие струи воды не превращались опять в мелкий, сеющий дождь. И за весь день я не видел ни одного живого существа, кроме двух моих проводников, не знавших ни слова по-английски, с которыми я объяснялся зна-

ками, летучих мышей в пещерах да серых зайцев, иногда выскакивавших из-за куста, к которому мы подходили.

Наконец, я потерял надежду пробраться к дальним храмам снизу и решил на другой день с утра прямо идти к правому краю обрыва и попробовать спуститься сверху.

К вечеру усталый, голодный и мокрый я вернулся в домик для приезжающих.

Этот «рест-хаус» или «дак-бёнгалоу», какие раскиданы по всей Индии, находится верстах в двух от пещер, на склоне горы, поблизости к старым мусульманским гробницам завоевателей, разрушивших половину Индии в 17 веке.

Уже стемнело. Я так устал, что не мог есть, и скоро лег спать. В Индии вечером не полагается и с наступлением темноты ничего больше не остается делать, как ложиться в постель.

Погода портилась. Муссон разгуливался во всю. Налетали порывы ветра, раскачивавшие весь домик, а временами, когда ветер затихал, я слышал, как на крышу потоками лил дождь. Мне очень хотелось скорее заснуть и отдохнуть, чтобы раньше встать. Завтра я непременно должен был найти этот храм с символическим барельефом на стене. Но я долго лежал без сна в каком-то тяжелом оцепенении, весь под впечатлением страшных храмов, мысленно все еще бродя там, разглядывая богов, отгадывая какие-то подземные проходы, соединяющие храмы.

А вместе с тем мной все больше и больше овладевало страстное беспокойство. Было что-то жуткое в этом непрерывном шуме дождя и ветра, в которых все время слышались разные неожиданные звуки, — то шум поезда, хотя до железной дороги было больше двадцати верст, то голоса людей и стук копыт о камни; то топот, мерной поступью идущих солдат и протяжное пенье, то приближавшееся, то отдалявшееся, но ни на одно мгновение не замолкавшее и не ослабевавшее.

Усталость отражалась на нервах. Мне начинало казаться, что меня в этом «дак-бёнгалоу» окружает что-то жуткое и враждебное. Кто-то подкарауливал меня, кто-то подбирался к маленькому домику. — Я знал, что я в нем совершенно один, что двери плохо заперты, и что сторожа спят в своем доме, на другом конце большой поляны.

Тревожное настроение все больше сгущалось и не давало мне заснуть. Я начинал злиться и на себя, и на муссон, и на Индию, и на все кругом. И вместе с тем меня все больше и больше охватывала жуть, точно я забрел куда-то, откуда не могу выйти, и где со всех сторон стоят какие-то опасности,

отовсюду что-то угрожает. И я уже начинал думать, что завтра никуда больше не пойду, а с утра поезду обратно в Даулатабад. На этом мое сознание как будто стало затуманиваться, и передо мной потянулась вереница образов, картин и лиц.

Но вдруг что-то сильно стукнуло на веранде через комнату от меня. Весь сон сразу отлетел, и с новой силой меня охватила та же жуть и ощущение чего-то враждебного и неприятного. Я вскочил с постели, достал из чемодана револьвер, зарядил его и положил на столик около кровати. Как будто на время все стало затихать, и я задремал.

Я проснулся, как от толчка и сразу сел на кровати. В мою дверь стучали. Не просто, не слегка, но, схватив обеими руками за ручку двери, кто-то яростно рвал её и стучал. Медленно, точно боясь показать, что я проснулся, я протянул руку и ощупью нашел револьвер. Но как только я притянул револьвер к себе, держа его направленным к двери, необыкновенно спокойное и рассудительное существо, сидевшее в нем, сказала мне, что стучит ветер. Немножко стыдясь своего движения, я положил револьвер обратно и лег.

Стук прекратился, и через две комнаты от меня с силой хлопнула дверь, точно кто-то, отчаявшись достучаться ко мне, вышел на веранду и хлопнул дверью.

«Дом для приезжающих» состоял из четырех комнат, из которых две выходили на большую веранду. Все комнаты были соединены дверями. В моей комнате были четыре двери, две в соседние комнаты и две наружу.

На некоторое время всё стихло, и только лил дождь. Потом опять с силой хлопнула дверь, и в соседней комнате точно от удара кулаком задребезжала рама окна. Несколько мгновений тишины, и потом, вдруг подкравшись, кто-то опять схватил за ручку моей двери и с силой затряс её.

Я не выдержал, одним прыжком выскочил из кровати, бросился к двери и распахнул её. За ней была темнота и слева через комнату хлопнула дверь. Я вернулся к себе, зажег свечку и пошел смотреть двери и окна. Все они, видимо, разошлись за сухую погоду и у всех были скверные задвижки, совсем не державшие их. Пока я ходил по дому со свечкой, все было тихо, и двери имели вид запертых. Но как только я вернулся к себе, лег и погасил огонь, сейчас же в дальней комнате хлопнула дверь, и задребезжали окна. Я вспомнил, что не мог найти хлопающую дверь, и это показалось мне ужасно странным. Беспокойство и тревога все усиливались, я начинал сознавать, что сон совершенно пропал и что, вероятно, мне придется промучиться так всю ночь. Это было до такой степени нелепо, после такого дня не иметь возможности заснуть. Предыдущую ночь я не спал в поезде, потому что у меня

была пересадка среди ночи, под утро приехал в Даулатабад, продремал два часа в таком же домике для приезжающих, пока приехали лошади, и потом под дождем и ветром три часа трясся в двухколесной «тонге», тащившейся с горы на гору мимо фантастических развалин крепостей и городов; а потом с двенадцати часов до темноты бродил по пещерам.

И теперь эти проклятые двери и непонятный, неизвестно откуда взявшийся страх, не давали мне заснуть. В Индии всякую усталость нужно считать вчетверо. И усталость не проходит там так просто, как у нас. От неё всегда остается осадок в виде апатии, безразличия, раздраженности и полного отсутствия интереса к чему бы то ни было. Все это я знал по опыту. И теперь у меня начинало сверлить в висках, и я уже чувствовал, что завтра я не буду в состоянии никуда идти, и ничто меня не будет интересовать. И это злило меня еще больше.

Из всех невзгод путешествия самое тяжелое — лишение сна. Всё остальное можно перенести, но когда вы не спите, с вами происходит самое неприятное, что может произойти — вы теряете сами себя и вам приходится возиться после целый день с усталым, капризным, раздраженным и ничем не интересующимся существом. Этого я боялся больше всего.

Я называл это «погружением в материю». Все делается плоским, обыкновенным, прозаичным; голос таинственного и чудесного, который так сильно слышен в Индии, замолкает и кажется глупой выдумкой. Вы воспринимаете только неудобства, смешные и неприятные стороны всего и всех. Зеркало тускнеет, и образ мира приобретает один сероватый а скучный колорит.

И завтра это ждало меня вместо странных и неожиданных впечатлений, охвативших меня с такой силой в пещерах.

Заснуть казалось невозможно. Временами все бенгалуу точно оживало, точно хотело подняться на воздух. Все двери, все окна, все ставни стучали сразу...

Постепенно жуткое чувство и страх начали пропадать, вероятно, просто от усталости. Конечно, за этим стуком и шумом сюда мог войти кто угодно. Но, наконец, мне это стало все равно. Пускай входит, кто хочет. Я хочу только спать.

Началась невероятно мучительная борьба. Я старался заснуть, делая все, что только возможно: распускал все мускулы, старался не думать; вслушивался в биения сердца, чтобы отдалиться мерному качанию волн, бегущих через тело; всматривался закрытыми глазами в темноту и, наметив точку среди этой темноты, стремился уйти в неё, ничего не думая. И это удавалось мне легче, чем обыкновенно. У меня не было никаких навязчивых мыслей, и я легко усыплял себя. Но как только сознание начинало заволакиваться ту-

маном, и передо мной появлялись какие-то картины и образы, кто-то опять начинал рвать мою дверь или стучать на веранде, и этот стук врывается в мой сон и насильно тащил меня назад.

Затем, в короткие минуты затишья, наступавшие между такими пароксизмами стука, я все-таки, вероятно, начал дремать, пробуждаясь, соображая что-то и опять погружаясь в туман.

Я помню, что я хотел еще раз встать и попробовать привязать ставни на веранде, помню, что страх совсем прошел, и я думал, как хорошо было бы очутиться в пещерах ночью. Потом опять стучали двери и кто-то ходил по веранде. Но мне уже было все равно... Шли какие-то картины, кто-то что-то говорил над самым моим ухом...

Потом я увидел, что иду по краю обрыва над храмом Кайлас. Каменные пагоды, три в ряд, стояли внизу. Я посмотрел вниз и потом, слегка оттолкнувшись ногами от края скалы, тихо и плавно полетел над пагодами.

— Так гораздо удобнее, — сказал я себе, — чем обходить кругом. Я пролетел над пагодами и опустился на землю, недалеко от входа.

Я сидел на ступеньках первой пагоды, недалеко от большого каменного слона с отбитым хоботом, и кого-то ждал.

— Как странно, как я мог забыть, конечно, я ждал дьявола. Последний раз, когда я видел его, мы уговорились встретиться именно здесь в храме Кайлас. Поэтому я и пришел сюда, хотя дорогой забыл, зачем пришел.

Дьявол вышел из-за слона в своем черном плаще, точно его появление не составляло ничего особенного, и сел на пьедестал слона, прислонясь к одной из передних ног.

— Ну, вот и я, — сказал он. — Теперь мы можем продолжать наш разговор.

И когда он это сказал, я сейчас же вспомнил, что он обещал подробно рассказать мне о чертях, об их жизни и об их роли в человеческой жизни. Как я мог забыть это?

Я с интересом приготовился слушать. Встречи с дьяволом и разговоры с ним всегда открывали мне много нового и неожиданного в вещах, которые я, казалось, хорошо знал.

— Я повторю то, что уже говорил раньше, — сказал дьявол. — Тебя интересовала сущность сатанинского мира и наше отношение к вам, т. е. к людям. И я тогда говорил тебе, что вы не понимаете нас и рисуете себе совершенно ложную картину отношений. Больше всего люди ошибаются, когда думают, что мы причиняем им вред или зло. Это глубоко неверно.

И нас очень огорчает, что люди не понимают, что мы для них делаем. Они не представляют себе и даже никогда не подумают, что вся наша жизнь, это — сплошное принесение себя в жертву людям, которых мы любим, которым служим, без которых не можем жить¹.

— Не можете жить?

— Да, вам вообще трудно понять нас, трудно прежде всего потому, что вы, если и признаете нас, то считаете нас существами какого-то другого мира. Ха, ха, ха! — дьявол громко расхохотался. — Это мы-то! Существа другого мира! Если бы ты знал, как это глупо звучит, потому что мы — самая квинтэссенция этого мира, земли, материи. Понимаешь? И мы, так сказать, образуем связь между вами и землей. И заботимся о том, чтобы эта связь не нарушилась.

— Вас называют духами зла!

— Вздор! Мы духи материи. То, что вы называете злом, с нашей точки зрения, правда, часто бывает полезно, как начало, связывающее вас с землей и мешающее отходить от неё. Но называть нас духами зла всё-таки неверно. Среди нас есть духи зла, как я, например. Но это редкое исключение. Да и я в конце концов совсем не так силен в этой области, как меня считают. Я не произвожу зло, а только, так сказать, собираю его. Я не профессионал, а только любитель, коллекционер. Что поделаешь, вероятно, у меня немного извращенные наклонности. Но я ужасно люблю смотреть, как люди делают гадости, особенно если они при этом говорят прекрасные слова. К сожалению, помочь им я могу очень редко. Из того, что я рассказывал тебе прошлый раз, ты мог видеть, что в наиболее интересных случаях я совершенно бессилён. У вас, у людей, часто бывают очень странные пути. Но при том, повторяю, я — исключение. Большая часть нашей братии просто чересчур сильно привязана к людям. Но вы не понимаете, что мы для вас делаем. Хотя без нас, от вас давно бы ничего не осталось.

— А что же с нами сделалось бы без вас?

— Вы исчезли бы, уничтожились совсем, расплылись в космическом эфире, — сказал дьявол, — так же, как вы исчезаете, когда...

— Когда что?

— Когда у вас появляются разные глупые фантазии, сказал дьявол. Это называется «переходить сознанием в другой мир» и тому подобное. Но из

¹ Когда уже это было написано, мне указали на плагиат со стороны дьявола, которого я сам не заметил. Он говорит мне то же самое, что говорил черт Ивану Карамазову. («Я люблю людей искренно, — а меня во многом оклеветали»). По поводу этого я могу сказать, что совпадение — только в этой фразе, все остальное, что говорит дьявол, совсем не похоже на то, что говорит черт у Достоевского. Но с другой стороны склонность к плагиату — это одна из основных черт характера дьявола. И я даже плохо представляю его себе совсем без всякого плагиата.

наших прежних разговоров ты должен помнить, что я не верю ни в какой другой мир, считаю все это выдумкой. Следовательно, не могу сообщить тебе о нем никаких сведений. Я знаю только те области, с которыми я непосредственно соприкасаюсь, а с которыми я не соприкасаюсь, те не существуют совершенно. Понимаешь? Значит, люди которые отходят от земли или теряют связь с землей, уничтожаются, перестают быть везде и всегда. И вот нам вас жалко. Жалко, что вы так глупы, жалко, что вы так легко даёте увлекать себя фантазиями, которые вас губят. И мы стараемся, насколько можем, удержать вас на земле. И если бы мы не заботились о вас, вас бы давно здесь не было. А где вы были бы, почему я знаю? По-моему нигде, потому что ничего кроме этого мира нет. Только мы, исключительно мы, держим вас на этой прекрасной земле, даём возможность любоваться солнечными закатами и лунными восходами, и слушать соловьев, и любить, и наслаждаться. Без нас от вас бы давно ничего не осталось.

— Но постой, — сказал я, — ты же сам говоришь, что не знаешь, где бы мы были в таком случае. Может быть, мы совсем не исчезли бы, не уничтожились, не перестали бы быть везде и всегда, как ты говоришь, а, наоборот, начали бы новую жизнь, гораздо более приятную там, где вас не было бы. Ты знаешь, ведь существует такая теория.

Дьявол вспыхнул, видимо сердясь.

— Все это глупости, — сказал он. — Во-первых, что такое это там? Где оно, направо, налево, на востоке, на западе? Все это сказки! А во-вторых, как вы будете наслаждаться чем-нибудь вне материи? Все ваши наслаждения материальны, и тела ваши материальны, и без материального тела никаких ощущений вы испытывать не можете! А кто ничего не ощущает, тот не существует. Да, наконец, если бы вы даже и стали наслаждаться там, где нас не будет, то нам-то что за удовольствие от этого. И какое нам тогда дело до ваших наслаждений? Ведь я же говорю тебе, что мы любим вас. Ну, подумай сам, представь себе, что женщина любит человека. И ты будешь уверять ее, что ему будет очень хорошо там, где её нет и где она никогда не будет. Что ты думаешь, она тебе ответит? Думаешь, согласится его отпустить одного? Да ни за что на свете, если это настоящая, живая женщина. Она скажет: «Пускай ему здесь иногда и не очень сладко, но зато он здесь со мной, и никуда я его не отпущу». Ведь правда? И она будет права! Смешные вы вообще люди, сами прекрасно понимаете это, а от нас требуете невозможного.

Да и потом, послушай, ну разве можно верить всем этим бредням о каком-то потустороннем мире. Мы очень хорошо знаем, что происходит с человеком, когда он умирает. И прекрасно знаем, что в нём нет ничего кроме

того, что вложено внешними впечатлениями. Я позитивист, вернее сказать, монист. Я признаю только одно начало во вселенной. Это начало создаёт видимый, слышимый, осязаемый мир. Вне этого мира ничего нет. Конечно, могут быть еще не открытые лучи, еще не уловленные колебания. Но это совсем другое. Рано или поздно это будет открыто и только укрепит в людях сознание материальности всего. Ах, как вы любите сказки! И сколько нам приходится бороться с этими сказками. А ведь в сущности так легко понять, как эти сказки возникают. Людям не хочется умирать, их пугает мысль о смерти; пугает, что они никогда не увидят солнца; вообще пугает слово «никогда». Вот они и сочиняют себе разные утешения. Им непременно хочется, чтобы что-нибудь осталось после смерти. Но мы-то ведь себя обманывать не будем. Да нам это и не нужно. Мы не зависим от времени и живем, пока жива материя. А царство материи вечно!

Дьявол вскочил на ноги, подпрыгнул высоко вверх, сделал сальто-мортале в воздухе, стал на голове слона, вспыхнул весь багровым пламенем и протяжно закричал:

— Царство материи вечно!

«Вечно, вечно»... повторили своды внутренних зал, и летучие мыши, поднявшись стаями, образовали какую-то странную черную фигуру у него над головой.

— Брось эти цирковые эффекты! — сказал я. — Может быть, на кого-нибудь они действуют, но меня гораздо больше интересует то, что ты говоришь. Оказывается, действительно, мы очень сильно ошибаемся на ваш счет.

Дьявол спрыгнул вниз и сел опять в прежней позе у ног слона.

— Ошибаетесь от начала до конца, — сказал он. — Так же сильно ошибаетесь на наш счет, как на свой собственный. Ваша первая ошибка, как я уже говорил, заключается в том, что вы считаете нас существами другого мира. Никакого другого мира нет! По крайней мере, мы-то уже во всяком случае не верим в него. В этом, собственно, заключается наша сущность, что мы не знаем и не можем знать ничего, кроме земли. Я удивляюсь, как вы этого не понимаете. Но раз я уже начал говорить с тобой откровенно, то я скажу тебе, что легенду о другом мире в значительной степени создали мы сами.

— Этого я не понимаю, — сказал я.

— Видишь ли, у людей бывают странные фантазии. Между прочим о другом мире. Эти фантазии часто мешают людям жить и заниматься делом. И вот, чтобы избавить их от этих фантазий или, по крайней мере, чтобы обезвредить эти фантазии, мы применяем один тактический или, вернее, педагогический приём. Именно — рядом с вредными и отводящими от жизни фантазиями, мы создаем другие, похожие на первые, но безвредные.

Например, эти фантазии о нереальности этого мира, о потустороннем мире, о вечной жизни, о бесконечности — во всем этом есть что-то расслабляющее, лишаящее людей того упора, который необходим для жизни. Ты понимаешь, человек, который поверит в вечную жизнь, начинает как-то презрительно относиться к этой, начинает мало ценить земные блага, не так охотно готов бороться за них, часто даже не хочет защищать, если у него отнимают что-нибудь. Подумай, что из этого может получиться. Вообще он начинает странно вести себя, начинает чересчур много мечтать, начинает испытывать какие-то мистические ощущения, в конце концов, совершенно уходит от жизни.

Мистика — вот главное зло. И, жалея людей, мы через какой-нибудь подающийся нам ум, строим свою собственную теорию потустороннего мира и жизни за гробом или вечной жизни, назови это, как хочешь, — теорию ясную, последовательную и логичную, но, разумеется, как бы это сказать приличнее, ложную. Т.е. ты понимаешь, я не хочу сказать, что может существовать истинная теория потустороннего мира — все они ложны одинаково. Но есть теории с каким-то неприятным мистическим или религиозным оттенком, этот оттенок, если не приводит людей прямо к религиозному помешательству, то во всяком случае действует на них развращающим образом.

А наши теории, те, которые мы выдвигаем против вредных фантазий, это, говоря между нами, просто маленькая фальсификация. В том, что мы сочиняем, нет ничего неясного, т. е. ничего мистического. И в основу мы кладем самые реальные земные факты, только такие, каких не было, но бывает и не может быть.

В результате наш потусторонний мир ничем не отличается от земли. Это, так сказать, земля наоборот. А ты понимаешь, что общие места, даже взятые наоборот, неопасны.

Нам очень помогает в этом случае та основная ошибка, которую вы делаете на наш счет, а затем та ошибка, которую вы делаете относительно самих себя.

— А в чем, по-твоему, мы ошибаемся насчет себя?

— Видишь, это даже трудно рассказать тебе, сказал дьявол, — до такой степени запутаны ваши взгляды. Я должен начать издалека.

В вашей старой книге описана история Адама и Евы. Так вот — эта история описана неверно. А неверное представление о происхождении

человека спутывает все ваши дальнейшие идеи на его счет. Что же касается новейших теорий о происхождении человека от протоплазмы, то они очень остроумны. Я признаю это. Но они еще более фантастичны. Я попробую тебе рассказать, как это действительно было.

Адам и Ева это — название тех людей, которые были потомками Великого. Так рассказывают, я не знаю, насколько это верно, я не знаю, есть что-нибудь вернее вообще, думаю, что ничего нет. Но говорят, что был какой-то Великий, которого звали Несущим Свет, он боролся и спорил — не с небом, а с землей, с материей, т. е. с ложью, и победил ее. — Это потом мы сказали, но он спорил с небом.

Он поднялся очень высоко, но, как говорят, в конце концов усомнился в истине и на мгновение поверил лжи, с которой сам боролся. От этого он упал и разбился на тысячу кусков. И вот из его потомства и были Адам и Ева. Даже при желании я не могу тебе это рассказать лучше, потому что это граничит с вещами невозможными, которых я не понимаю. А чего я не понимаю, того не существует. И неприятно говорить о том, что находится на границе какой-то пустоты, за которой ничего нет. Мы боимся этой пустоты. Ну, вот, я сказал тебе наш главный секрет. И наша привязанность к вам вытекает из этой боязни, из этого страха. Вы помогаете нам избегать этой пустоты, не чувствовать ее.

Но, я возвращаюсь к тому, о чем говорил. Адам и Ева, как говорится у вас в старой книге, жили в раю. Это первое, что неверно. Они жили на земле. Но, как бы это тебе сказать, они в действительности только играли в то, что живут на земле. Как дети! И девятью десятыми своего существа они жили в той пустоте, которую мы ненавидим и которая враждебна жизни. Они называли эту пустоту миром чудесного. По-моему они были ненормальны и страдали галлюцинациями зрения и слуха. — Например, они видели Бога и говорили с ним. Я не знаю, что это значит. Но, несомненно, это что-то страшное.

Я видел, как дьявол задрожал и закутался в свой плащ.

— Конечно, я не верю ни в какого Бога, это было бы смешно, — сказал он. — Но я передаю тебе легенду так, как она существует. Про нас говорят, что мы восстали против Бога. Это полный абсурд. Мы никогда не восставали против него, потому что не верили, не верим и не можем верить в него. И эту часть легенды о нашем восстании против Бога сочинили мы сами. Потом я тебе объясню зачем.

Но про Адама и Еву в вашей книге дальше опять написано неверно. Именно — там говорится, что они хотели быть, как боги, и хотели знать,

что добро и что зло. Это неверно, потому что они были, как боги, знали, что добро и что зло. И для нас это было очень неприятно и страшно.

Дьявол замолчал, точно ему было трудно говорить,

— Они были, как будто сильнее нас, — продолжал он. — Конечно, это все была фантазия. Но мы были для них на уровне животных. И они могли видеть нас только в виде животных. И нам они тоже дали имена, сообразно нашим качествам.

Дьявол произнес последние слова очень неохотно.

— Нужно сказать тебе еще, — продолжал он, — что они были не одни на земле. Кроме них на земле жили другие люди — потомки животных. Но об этих других людях — потомках животных, в вашей книге ничего не сказано. Эти были совершенно в нашей власти и никуда не могли уйти от нас. Но мы хотели, во что бы то ни стало, подчинить себе Адама и Еву. Их присутствие стесняло нас. Мы ни в чем не могли быть уверены. Понимаешь, было такое впечатление, точно они каждый момент могут заставить исчезнуть от нас весь мир. И они говорили, что ничего нет, что все только сон, и что можно проснуться и ничего не будет.

Дьявол потерял всю свою обычную развязанность и, видимо, боялся говорить.

Смотря на него в этот момент, я понял, что основа его природы — страх.

— Есть слова, которые трудно произносятся, — сказал он, смотря на меня, как побитая собака. — Но все равно, раз уже я начал, я буду говорить.

Мы решили бороться. Задача заключалась в том, чтобы выбить из головы у этих двух их фантазии, убедить их, что мир существует, что жизнь совсем не игра, а очень серьезная и даже тяжелая вещь; и что добро и зло — понятия в высшей степени относительные и не заключающие в себе ничего постоянного. Это и значило бы изгнать их из рая.

Этот рай нас глубоко возмущал. Все время разговоры о Боге, и все время поцелуи и любовь. Нет, это было невыносимо!

— Почему это вам так не нравилось ?

— Ты не понимаешь, конечно. Они говорили, что любовь — это их главная сила и главная магия, что через любовь они воскресят Великого и вернут потерянный свет. Я этого совсем не понимаю. Но подумай, разве мы могли допустить такую извращенную философию. Довольно было того факта, что они исчезали от нас. Понимаешь, часто их окутывало облако розового цвета, и они пропадали. Против этого мы ничего не могли сделать, хотя это глубоко возмущало нас. Кроме того, нам ужасно не нравился их костюм, ты понимаешь, костюм Адама и Евы до грехопадения. Мы считали это в высшей

степени неприличным. Материя требует известного уважения к себе. А эти двое с одной стороны отрицали материю, а с другой — восхищались какой-то красотой. Дьявол презрительно протянул это слово.

— И сколько мы ни старались убедить их, что тело, в сущности, очень некрасиво и неприлично, и что его лучше закрывать, когда можно, они ничего знать не хотели.

Дошло до того, что их пример начал дурно влиять на других людей, на потомков животных.

И был только один способ победить Адама и Еву — это ввести в их жизнь страдание и заставить их поверить в реальность материи.

Но как? Мы долго думали. Наконец, один из нас обратил внимание на потомков животных. У этих вся жизнь состояла из разных неприятностей и стремления избежать неприятностей для себя и причинить их друг другу. И они никогда не сомневались в реальности мира и вещей. Наоборот, за самую маленькую вещь, за какой-нибудь красивый камушек готовы были проламывать головы друг другу. И понятия добра и зла у них менялись так быстро, что даже мы не успевали поспевать за ними. Утром солнце — добро, в полдень — зло, вечером опять добро. Вечером жена — добро, утром — зло, вечером опять добро и так далее.

Мы стали думать, отчего это все так хорошо у них идет, не связано ли это с какими-нибудь обычаями их жизни. И нам казалось, что если бы привить какой-нибудь один обычай жизни потомков животных Адаму и Еве, то, может быть, удалось бы привить также ощущение реальности вещей и сознание отнесенности добра и зла.

Среди обычаев потомков животных был один, который нас занимал больше всего, потому что он и казался нам наиболее бессмысленным. Это был их обычай есть ежедневно и в очень большом количестве плода одного дерева. У них существовала легенда, что в глубокой древности какой-то бог, сошедший на землю, научил их есть эти плоды. И они ставили на площадях статуи этого бога и поклонялись ему. Это было очень смешно, но ещё смешнее было то, что они действительно страдали, когда у них не было этих плодов и многие даже умирали. А затем, тех из своих соплеменников, у которых было запасено много плодов или у которых было много деревьев, все уважали и считали умными и хорошими, а тех, у которых не было ни плодов, ни деревьев, считали никуда не годными и часто даже убивали. Мы пришли к заключению, что если бы нам удалось приучить Адама и Еву есть эти плоды, то, может быть, это сделало бы их доступнее здравому смыслу.

И вот однажды, один из нас отправился к Еве и предложил ей попробовать этих плодов. Я уже говорил тебе, что мы могли являться им только в виде животных, и поэтому он должен был принять вид змеи.

В вашей книге говорится, что им было запрещено есть плоды одного дерева. Это неверно. Им ничего не было запрещено. Но они не понимали многого. И им доставляло удовольствие просто смотреть на эти плоды, которыми потомки животных набивали свои животы.

Когда змея принесла Еве плодов и рассказала, что их едят, Ева поела и дала Адаму. Он тоже поел; и им обоим понравилось это новое развлечение. С этого дня змея регулярно стала приносить им плоды. И они ели эти плоды и утром, и среди дня, и вечером. Потом змея показала им, где эти плоды растут в большом количестве и научила их собирать плоды. Это новое занятие тоже очень понравилось им.

Я не могу сказать тебе, что они раньше ничего не ели. Но раньше это было совсем иначе. Тогда они всему придавали особое значение и во всем ощущали магию, Теперь, наконец, никакой магии в этом больше не было. Они ели просто так же, как потомки животных, для удовольствия, или для того, чтобы занять время. И мы наблюдали их и ждали, к чему это приведёт.

Результаты не замедлили сказаться.

В один прекрасный день Ева заметила, что она полнеет, и это очень огорчило ее. Потом она заметила странные вещи в поведении Адама. Несомненно, его влюбленность сильно слабела. Раз он зевнул среди самых горячих поцелуев, чего раньше никогда не было. А в следующий раз заснул, когда Еве еще совсем не хотелось спать, и когда она хотела, чтобы он рассказывал ей о звёздах. Затем Ева заметила, что у Адама определенно портится характер, особенно когда он еще не поел плодов. Он становился в таких случаях раздражительным, придирчивым и вообще несносным. По утрам вместо прежних поцелуев и ласк он прежде всего смотрел, где плоды, и, пока не наедался, даже не глядел на Еву. Это очень обижало Еву, хотя невольно, подчиняясь установившейся привычке, она старалась приготовить Адаму побольше плодов, чтобы он был сыт, и не придирался к ней.

И, наблюдая все это, мы странно радовались. Адам и Ева делались похожими на обыкновенных людей, на потомков животных.

Незаметно для них самих у них образовалась привычка есть этих плодов гораздо больше, чем нужно. И они не шутя начинали страдать, когда у них не было плодов или когда им казалось, что плодов мало. И, когда это происходило, им трудно было говорить о нереальности вещей, потому что реальность

плодов говорила сама за себя. Иначе почему бы им не удовлетворяться воображаемыми плодами? Но нет, воображаемые плоды их не удовлетворяли. Им нужны были самые настоящие реальные земные плоды, совершенно так же, как потомкам животных.

Это было начало нашей победы.

Маленькая причина иногда имеет огромные следствия. Достаточно было Адаму и Еве в этом одном случае допустить реальность материи и вещей, и эта реальность полезла, так сказать, из всех щелей.

Адам и Ева начали замечать, что у них очень многого нет, и что им многого не хватает. Они начали часто желать того, чего не было и негодовать, когда оно не являлось. Постепенно у них начало образовываться недовольство миром. В их жизнь начало входить все больше и больше страдания. И глупая беспричинная радость по поводу всякого пустяка, какого-нибудь цветка или бабочки, по поводу солнечного сияния, дождя, ветра, облаков, грозы, я не знаю чего еще, которая больше всего возмущала нас, стала являться все реже и, наконец, почти совсем исчезла. Солнце теперь чересчур пекло их, дождь мочил, гроза пугала, от ветра им делалось холодно и т. д. Вместе с тем галлюцинации, которыми они страдали, стали являться реже. То, что они называли миром чудесного, постепенно закрылось для них или исчезло. И мы были очень рады, потому что хотя никакого мира чудесного не существует, эти галлюцинации пугали нас. Вообще все то, что они называли магией, прекратилось. И теперь мы уже их всегда видели. Но даже это все было только началом. Серьезное началось с того времени, как они стали ссориться.

Ты понимаешь, что когда эта глупая магия прекратилась, то им стало жить довольно скучно, хотя они долго не сознавали этого. А недовольство жизнью или условиями стало время от времени выливаться в неудовольствие друг другом. Между ними начался ряд недоразумений. А в один прекрасный день произошла, наконец, первая ссора.

Это случилось совершенно так же, как бывает обыкновенно. Ева пошутила над Адамом, что-то, кажется, по поводу количества съеденных утром плодов. Может быть, в её шутке было, действительно, скрытое неудовольствие Адамом. Может быть, она шутила так в первый раз. Во всяком случае это очень задело Адама, потому что он и без того чувствовал тяжесть в желудке, и сам был недоволен собой. Он очень резко ответил Еве. Ева обиделась и повышенным голосом сказала, что не понимает такого тона и такого обращения с собой. Слово за слово они заспорили, и через две минуты ссора была в полном разгаре.

— Ты никогда не дослушаешь до конца, всегда отвечаешь на первую половину фразы, — уже почти кричал Адам. — Я говорю...

— Ты не говоришь, а орёшь. Я тебя совсем не желаю слушать в таком тоне, — раздраженно говорила Ева.

— Послушай, ты меня опять перебиваешь. Я говорю...

— Да, и перебиваю, и буду перебивать, потому что не желаю слушать...

Ну и так далее в таком же роде.

Они стояли друг против друга и прямо со злобой смотрели друг на друга. И тут первый раз они заметили, что они наги, что на них ничего нет. И это им показалось ужасно неприятно и стыдно. Особенно Еве. Она убежала в лес и сделала себе одежду из листьев. Адам, чтобы показать ей, что он тоже обижен, также сделал себе одежду. И целый день после этого они не разговаривали друг с другом.

Ну, после этого все пошло, как по писаному. Они стали ссориться чуть не каждый день, а потом по несколько раз в день. Чего бы ни захотел Адам, Ева непременно хотела противоположного. Что бы он ни говорил, она возражала ему и иногда очень колко. Начинались споры и кончались криками и ссорами. Ева открыла множество недостатков у Адама. И когда он заговаривал с ней, совсем забыв о вчерашней ссоре, Ева, с его точки зрения совершенно нелогично, высказывала ему все, что она о нем думает. Сначала в таких случаях Адам решал терпеливо слушать и не возражать, — сидел и ел плоды, которые ему все-таки приготавливала Ева. Но потом какое-нибудь особенно несправедливое замечание задевало его, он начинал возражать. Ева обижалась на его возражения. Адам возвышал голос. Они начинали говорить оба сразу, перебивать друг друга и кончалось ссорой. И каждый день являлось что-нибудь новое, так что никогда нельзя было предвидеть, из-за чего они поссорятся на следующий день.

И они никак не могли согласовать своей жизни. Если Ева шла куда-нибудь в гости, Адаму нужно было собирать плоды. Если Ева хотела, чтобы Адам остался дома, ему непременно нужно было куда-нибудь идти. И Ева обижалась, что он оставляет ее одну и, конечно, сейчас же начинала думать, что Адам пошел к Лилит, своей первой жене, с которой он развелся, когда Бог сотворил Еву.

Ну, все это кончилось тем, что после одной из самых больших ссор Ева ушла из пещеры, где она жила с Адамом, и больше не вернулась. А на другой день прислала свою горничную за вещами.

— Горничную? — спросил я.

— Ну, да, горничную, — сказал дьявол. — Адам был страшно рассержен, потом испуган, просил прощения, клялся, что никогда больше не будет обижать Еву. Но Ева не вернулась. И Адаму казалось, что все обезьяны, которые жили на пальмах перед пещерой, смеются над ним и кричат:

— «Вот Адам, от которого ушла Ева»!

Потом через некое время они помирились. Но ты понимаешь, что это было уже совсем не то. Магии больше никакой не было. Ева обвиняла в этом Адама. Адам думал, что виновата Ева. На этой почве у них опять начались ссоры. Ева опять ушла. Ну и так далее. Кончилось тем, что Адам взял себе сразу трех жен из чернокожего племени, жившего неподалеку. А Ева завела роман с молодым фавном, игравшем по утрам на свирели. Но фавн оказался очень глупым и скоро надоел ей. Она познакомилась с нимфой из горной речки и стала говорить, что все мужчины совершенно неинтересны.

После этого они были наши. Адам в поте лица своего начал зарабатывать хлеб свой. Ну, а когда было можно, он, следуя примеру потомков животных, конечно, предпочитал не сам зарабатывать, а отнимать у других или заставлять их работать на себя. Но легенда о рае долго сохранялась у потомства Адама и Евы. И считалось, что прародители были изгнаны оттуда за какое-то преступление, которое они совершили. Это собственно была наша версия истории. Кроме того мы внесли еще несколько поправок. Например, мы распространили сведения, что потомками Великого являемся мы, и что Великий восстал против Бога. И таким образом мы настолько запутали все, что теперь только очень немногие способны разобраться в этом. Поэтому я и сказал в начале нашего разговора, что мне очень трудно передать тебе настоящее положение вещей. Вы ошибаетесь и насчет нас, и насчет себя.

Потомки Адама перемешались с потомками животных так, что их даже стало трудно отличать. И из этого получалось много курьезов и недоразумений. Даже мы часто не могли различать их. Например, многие из нас покупали души у потомков Адама и потом оказывалось, что никакой души нет. Это происходило потому, что потомки животных выдавали себя за потомков Адама, и даже мы ошибались в них.

— А у потомков животных душ нет?

— Конечно, нет. Никаких душ вообще нет. Что такое душа? Это только общее название явлений психофизической жизни. Но у потомков Адама, у настоящих потомков Адама, предполагается существование какой-то другой души. Понимаешь, что-то вроде семейной реликвии, которая

передаётся по наследству. Эти души мы иногда покупаем, когда они продаются. Понимаешь, мы коллекционеры и собираем вещи, не имеющие никакой ценности и никакого значения ни для кого, кроме нас.

Дьявол видимо что-то путал.

— Но это смешение с потомками животных, — сказал он, — все-таки только внешнее. И у нас сохранилось предание, что пока у потомков Адама остаются их души, они могут уйти от нас.

— И вас это пугает?

— Да, мы же любим их! И поэтому всеми силами стараемся помешать им уйти.

— Как же вы это делаете?

— О, очень разнообразными способами. Прежде всего, конечно, мы стремимся воспрепятствовать их отделению от потомков животных. Это — наша главная задача.

Сами не сознавая этого, потомки Адама всё время стремятся отделиться от потомков животных. Мы же боремся против этого. И для этого мы — или уверяем потомков Адама, что потомки животных их братья и что у всех одинаковые души, или наоборот уверяем их, что они все потомки животных и что ни у кого никакой души нет. Ты понимаешь нашу идею. Это идея равенства и братства. Она больше всего другого мешает потомкам Адама отделиться от потомков животных. А тащить с собой такой груз они далеко, конечно, не могут, и все время падают и подчиняются тем же потомкам животных. В результате потомки животных завладели землей, и потомство Адама служит им.

— Почему же служит, этого я все-таки не понимаю, — сказал я.

— Потому что потомки животных не могут обойтись без потомков Адама, — сказал дьявол. — Понимаешь, они сами ничего сделать не могут, они способны только, как обезьяны, повторять то, что сделали потомки Адама или разрушать то, что им попадется. А потомки Адама могут бесконечно и создавать, и разрушать. В сущности, они ведут за собой всю жизнь. Без них потомки животных недалеко бы ушли. Но потомки Адама не свободны, они подчинены животным. Поэтому они так часто разрушают все, что сами же построили.

— А что же потомки животных — даже разрушать не могут?

— Нет, могут, — сказал дьявол. Даже очень хорошо. Да они и строить могут, только, как бы это сказать тебе, по готовому образцу. Но все-таки

все, что они сами делают без потомков Адама, даже разрушение, носит на себе отпечаток неталантливости и ненужности, какой-то скуки и нелепости, ты, я думаю, видел такую работу. Поэтому потомки Адама вообще ценятся, только их нужно уметь держать в руках. Но и потомки животных теперь не так уж беспомощны, как были раньше.

Они сильно эволюционировали за это время, т. е. со смерти Адама. Посмотри на всю современную культуру, технику, промышленность, торговлю.

А потомки Адама остались, в сущности, на том же уровне, как были раньше. Ты понимаешь, для потомков Адама Эволюции не существует. У них есть все, только они этого не знают и считают себя совсем не тем, что они есть на деле, а, когда находят что-нибудь, что забыли, это кажется им эволюцией. Но это самообман — все, что они могут найти, заключается в них самих.

Затем, у потомков Адама очень много предрассудков и какого-то атавизма, который мешает им жить. У потомков животных этого атавизма нет. Например, потомки Адама, в сущности, не ценят вещей, и мало придают значения материальным благам. И у них нет достаточной гибкости ума и воображения, которая, наоборот, очень высока у потомков животных.

— Гибкости?

— Ну, да. Потомки Адама плохо понимают, например, что можно думать одно, говорить другое и делать третье. Их ум не в состоянии охватить идеи, что человек для самого себя и для другого может иметь совершенно различные мерки; себе, например, позволять и извинять что-нибудь, а другому не позволять и не извинять, и тому подобное. Они непременно хотят, чтобы всегда все было одинаково, чтобы истина, которая в одном случае была истиной и во всех других случаях тоже была истиной. Но потомки животных справедливо находят, что тогда было бы очень скучно жить. Не было бы никакого разнообразия.

Все это у потомков Адама, конечно, признак известной умственной ограниченности. Дальше, если говорить о них, я могу сказать, что они никогда не удовлетворяются формой и внешностью, а всегда стремятся к сущности, и этим создают себе много ненужных затруднений в жизни. Взять, например, религиозные вопросы. Потомки животных тоже бывают очень религиозны, но их религия не мешает жизни. Они всегда умеют приспособить ее к жизни. А если они делают что-нибудь особенно некрасивое, они всегда говорят, что они действуют из религиозных мотивов, и что это — воля Бога.

Если потомки животных молятся, они всегда просят чего-нибудь у Бога, главным образом того, чего у них нет, а есть у их ближнего. И если они встречают человека, который молится не так, как они, а иначе, у них считается очень

хорошим и добрым делом проломить ему голову. И из этой последней тенденции вытекает очень много интересных событий, способствующих оживлению истории. А потомки Адама плохо понимают все это. И они не умеют отграничивать религию от жизни и вести, так сказать, две параллельные линии.

Потомки животных прекрасно понимают, что жизнь — это грубая штука и с сантиментами здесь ничего не поделаешь. Они понимают, что в жизни побеждает сильнейший. И сообразно этому действуют. И потомкам животных всегда кажется, что кто-то хочет отнять у них то, что они считают своей собственностью, и девять десятых их времени, а иногда и все десять десятых заняты мыслями о том, как сохранить то, что им принадлежит, и приобрести то, что принадлежит их ближнему.

Потомки Адама всегда уступают им в этом отношении и также во многих других. И у потомков Адама часто возникают опять прежние фантазии. Понимаешь, у них сохранились смутные воспоминания о жизни до грехопадения.

— Значит, эти фантазии все-таки опасны с твоей точки зрения?

— Не то, что опасны, — сказал дьявол, — но всё-таки мы считаем, что лучше заблаговременно принимать меры.

— Но что же это за меры, я не понимаю.

— Разные, — сказал дьявол. — Я расскажу тебе два смешных случая.

Однажды жил один пустынный. Он изучал различные современные ему системы миропонимания, религиозные учения, разные тайные и явные доктрины и тому подобное, и нашел в них очень много лжи, сознательной и бессознательной. Свои исследования он изложил в большой книге и собирался эту книгу напечатать.

Я пришел к нему в виде такого же пустынного и сказал:

«Вы пишете книгу?»

«Да», — сказал он.

«Вы хотите рассказать людям всю правду, полную правду без утайки, как вы понимаете её?»

«Да», — сказал он, — «я нахожу, что это самое лучшее, от людей слишком долго скрывали правду».

«Я понимаю вас», — сказал я, — «разделяю ваш взгляд вполне, сочувствую ему, нахожу его в высшей степени благородным и ценным, но все-таки я бы не сделал этого».

«Почему?» — спросил он с недоумением.

«Потому, мой милый и дорогой друг, что вы все-таки не понимаете главной и основной тенденции, которая руководит вами».

«Какая же это тенденция?» — спросил он.

«Какая? Я вам скажу, это — эгоизм! Эгоизм и стремление к самоутверждению, самость!»

Он был поражен.

«Эгоизм», — сказал он. — «Но я совсем не думал о себе».

«Вы не думали», — саркастически сказал я, — «а о чем же вы думали? Думали ли вы о людях? Думали ли о том, что ваша книга разрушит их верования, лишит их надежды, утешения? Вы не думали об этом! Что же по вашему это — не эгоизм? Нет, мой уважаемый друг, это в вас говорило простое интеллектуальное начало. Вы хотели показать людям свою правду. А где здесь любовь к людям? Где мораль? Где чувство долга? Где стремление помочь, облегчить людям их трудный путь? Вы нашли для себя свои истины. И держите их для себя. Не отнимайте у людей их истин. Зажигайте свой огонь, не гасите чужих огней». И так далее, и так далее.

И представь себе, эта ерунда произвела на него глубокое впечатление.

«Что же мне делать?» — спросил он.

«Думать не только о себе», — сказал я.

И я дал ему много полезных советов. В результате сочинение пустынного превратилось в апологию лжи и на его книгу впоследствии ссылались в доказательство тех теорий, которые он хотел опровергнуть.

Другой случай был еще комичнее.

Однажды собралось довольно много людей, которые решили бороться со злом. По существу это было очень наивно. Люди борются со злом с начала веков. И в результате этой борьбы зло растёт и процветает. Поэтому сначала мы не обратили на них никакого внимания. Но потом оказалось, что дело хуже, чем мы думали. У этих людей явилась опасная идея. — «Не нужно никакой активной борьбы, — говорили они. — Активная борьба укрепляет зло. Будем стараться только, чтобы люди поняли, что добро и что зло. Будем разъяснять им в каждом отдельном случае — где зло, что зло и откуда зло!» — И представь себе, это выяснение зла стало давать результаты, которые мы скоро почувствовали. Наша братия забеспокоилась. И мне поручили заняться этим делом.

Я пустил в ход два средства.

Во-первых, я собрал потомков животных и постарался внушить им, какую опасность для общества представляет деятельность этих людей, пытающихся бороться со злом. Я наговорил очень много хороших слов о культуре, о цивилизации, об общем благе, о необходимости жертвы и пр. В результате борьба со злом была объявлена преступлением, расслабляющим и развращающим человечество.

Потом я отправился к людям, борющимся со злом и постарался заслужить их доверие к себе. Затем, выбрав удобный момент, я спросил их: — кому они служат? — Они смутились. «Вот видите, вы сами не знаете, — сказал я. — Вы говорите, что боретесь со злом. Но неужели вы думаете, что зло могло бы быть на земле против воли Бога. Несомненно, раз зло есть на земле, оно входит в план Высшего Существа. Неужели вы думаете, что Высшее Существо само не могло бы справиться со злом, если бы находило нужным. Вы не хотите понять, что зло — это орудие для совершенствования человечества. Страдание очень часто — единственное средство заставить человека понять высшие духовные истины. А вы хотите бороться против этого. Поймите же, что вы боретесь против плана Высшего Существа, против эволюции человечества! Кроме того, зло относительно. Что на одной ступени эволюции зло, то на низшей ступени, может быть, добро, потому что оно вырабатывает нужные для эволюции качества. А вы хотите судить обо всем со своей ступени. Для вас это зло. Да! Потому что вы поднялись на сравнительно высокую ступень. Но подумайте о других, поймите, что есть люди, которые стоят на других ступенях ниже вас. Не закрывайте же для них путей прогресса и эволюции!»

Посмотрел бы ты какой это произвело на них эффект. Они разошлись глубоко задумавшись. И скоро каждый из них написал по книге, каждый по своему доказывал неизбежность и необходимость зла.

Книги эти имели большой успех. И постепенно борьба со злом превратилась в оправдание зла. Они даже сами не заметили, как это произошло. И это было особенно легко сделать, потому что оправдание зла не только не считалось преступлением, но, наоборот, очень почтенным делом и заслуживающим всякого поощрения. В конце концов дошло до того, что буквально нет такого зла, которое не взяли бы оправдывать люди, боровшиеся со злом.

Это были случаи из трудных. С другими я справлялся еще легче. Иногда, когда я замечал появление вредных фантазий, я говорил людям, что это — тайна, и что эту тайну нужно оберегать от непосвященных. Это прекрасно действует на людей. Во-первых, они начинают чувствовать себя посвященными, а во-вторых, начинают открывать новые «тайны», как раз те, какие мне нужно.

Любовь к ближним и тайна, это — мои любимые орудия. Фальсификация на этой почве дает особенно богатые результаты. Это применяется особенно для борьбы против мистики. Мистика — самая опасная вещь для потомков Адама. Они легче всего узнают друг друга на почве мистики. И есть старое предание, что именно объединяясь на так называемых мистических исканиях, потомки Адама победят потомков животных и будут управлять миром.

— А это может случиться?

— Не думаю, — презрительно сказал дьявол. — Во всяком случае мы стоим на страже и следим, чтобы этого не случилось.

Но понимаешь, потомки Адама, как это ни глупо, в глубине души все-таки считают всю жизнь сном и все мечтают проснуться и увидеть что-то другое.

— И вы боитесь, что они проснутся? — сказал я.

— Возможность есть, конечно, — сказал дьявол. — Я же с этого начал. Я говорил тебе, сколько труда и самопожертвования требуется часто от нас, чтобы держать вас на земле.

— Я не вижу никакого самопожертвования, — сказал я.

— Ты не видишь, да. Конечно, ты не видишь, потому что я ничего не показывал тебе. Те примеры, которые я приводил, относятся к людям, поддающимся лжи. Но бывают очень трудные случаи. Дело в том, что, ведь говоря правду, самый верный способ — это тот самый способ, который мы применили к Адаму. Только теперь этот способ требует гораздо больше труда и самопожертвования. Тогда змею легко было принести плодов Еве. Но теперь это принимает совсем другие формы. И многим из нас приходится прямо отдавать всю свою жизнь, чтобы держать на земле какого-нибудь упрямого человека.

Но и это еще не все. Главная опасность для нас заключается в том, что время от времени потомки Адама начинают понимать, что их много, и начинают искать и находить пути к сближению друг с другом. Вот опасность.

Пока они идут одиночками, мы с ними справляемся тем же способом, каким справились с Адамом, хотя это и требует много труда. Но, когда их делается много, когда сразу и тут, и там начинают образовываться очаги заразы, и когда между этими очагами начинают протягиваться нити, тогда мы, действительно, чувствуем опасность, и тогда приходится прибегать к другим более сильным средствам.

Но я хочу показать тебе удивительный случай самопожертвования с нашей стороны. Вы, люди, ни на что подобное не способны.

Ты помнишь на Цейлоне этого длинного англичанина Лесли Уайта. Вот, смотри, я покажу тебе страничку из его жизни. Дело в том, что он не шутя начал увлекаться этими фантазиями, и справляться с ним делается довольно трудно.

Дьявол протянул руку. Скалистая стена направо от меня расступилась, и я увидел освещенную вечерним солнцем улицу Коломбо, около парка Виктории. Со всех сторон шли сады с низкими решетками или каменными заборами, и только кое-где из-за земли виднелись крыши и веранды домов. Цвету-

щие деревья — «огненное дерево» с ярко-красной плоской шапкой цветов, голубые, желтые, лиловые деревья; особенная цейлонская розовая земля; на перекрестках огромные баньяны, в сравнении с другими деревьями похожие на слонов, и у прудов — толстые, желтые бамбуки с темной листвой. Эта часть Коломбо, называемая «Коричневые сады» — настоящий город-сад.

Среди улицы бежал черный рикша со своей колясочкой. В колясочке сидел человек в белом костюме и широком солнечном шлеме, какие носят на Цейлоне. Я узнал в нем своего знакомого, молодого англичанина Лесли Уайта.

Я познакомился с ним за несколько месяцев до этого на юге Цейлона, на празднике в буддийском монастыре, и потом мы с ним вместе долго сидели в келье у ученого бхикку, разговаривая о буддизме. Лесли Уайт во многих отношениях был непохож на среднего рядового англичанина, какого вы встречаете в колониях. В нем совершенно не было комичного снобизма *civil service*. Он очень многим искренно и горячо интересовался; совершенно не стремился выдерживать тон насмешливого равнодушия ко всему на свете, кроме спорта, (спорт, наоборот, полагается брать очень серьезно); и несколько не скрывал своих симпатий к туземцам. В стране, где маленький банковский клерк стыдился разговаривать на улице с брамином, это требует большой самостоятельности.

Уже два года он жил на Цейлоне, числился кем-то при губернаторе, изучал местные языки и, рискуя повредить своей репутации и службе, имел очень много друзей среди сингалезцев и тамиллов. К местному английскому обществу он относился очень холодно и редко где показывался; много читал, изучал индийские религии и индийское искусство; понимал, что мы о Востоке еще ничего не знаем, и много думал о том значении, какое восточные идеи могут иметь для Запада. На этой почве мы с ним сошлись и много разговаривали. Мне нравилось, что в то же время в нем не было никакого педантизма. Он любил лошадей и море. У него был свой «катамаран», узкая и похожая на паука двойная лодка, на которой он ходил в море с туземными рыбаками, пропадая иногда на несколько дней.

Служба была для него только неизбежным злом. И он уже составил себе репутацию человека, который не пойдет далеко по службе и которому лучше бы было быть в ученом департаменте. Вообще, он сильно отличался от героев Киплинга, и, как мне казалось, представлял собой новый тип англичанина в Индии, народившийся уже после Киплинга и еще очень редкий.

Рикша остановился у решетки сада, за которым виднелась двухэтажная вилла-бёнгаоу. Теперь я знал, к кому приехал Лесли. Здесь жил богатый и

очень известный на Цейлоне индус-тамил, с которым я познакомился несколько месяцев тому назад, незадолго до отъезда оттуда, и о котором я писал Лесли.

Этот индус уже старик и вполне по-европейски образованный человек, рассказал мне очень много интересного о йогах и йоге. И во время разговора с ним я все время чувствовал, что он знает гораздо больше, чем говорит. Я довольно странным образом встретился с ним, совершенно не понял его при первой встрече, а потом очень скоро убедился, что это именно — человек, через которого или при помощи которого можно соприкоснуться с реальной чудесной Индией.

Мне очень хотелось, чтобы Лесли, которого тогда не было в Коломбо, познакомился с ним и поговорил.

Они раньше встречались на официальной почве, но теперь я понимал, что Лесли приехал, следуя моему совету.

Рикша отъехал со своей колясочкой от ворот сада, и Лесли пошел среди цветочных клумб к дому с большими верандами.

Его встретили сначала двое слуг в белых тюрбанах и потом сам хозяин, одетый по-европейски в чесучовом сюртуке.

И вот они сидели и разговаривали.

— Меня давно интересует йога и все, что с ней связано. Я читаю об этом все, что можно достать, — говорил Лесли. — Мне кажется, что в йоге есть ответы на много наших вопросов. И я хотел бы видеть практические результаты йоги, чтобы убедиться, что это все — не одни теории.

Я понимаю основную идею. Согласно йоге, каждый человек должен строить свою жизнь сообразно тому, что он хочет делать. Музыкант, купец, военный — должны и жить, и питаться, и дышать различно. Тогда они получают наилучшие результаты в своей работе. И их работа будет для них средством духовного возвышения. Для европейца дико звучит мысль, что, если я хочу заниматься философией, я должен известным образом питаться. Но я понимаю это. И мне кажется, что йога стремится прежде всего уничтожить разлад и пропасть между идейной стороной жизни и практической, путем подчинения всего материального идеям. Это я все понимаю в теории. Но я хочу знать, дает ли йога, действительно, те чудесные результаты, о которых нам рассказывают.

— Вы совершенно правильно поняли главную суть йоги, — говорил индус. — Йога, именно, и есть запряжание жизни в ярмо идей. Вы знаете, что слово йога имеет один корень с вашим словом уюг (ярмо, иго).

— Да, — отвечал Лесли, — это я знаю. И мне кажется в высшей степени важным и интересным, что Восток понял необходимость соединения всех мелочей жизни с высшими идеальными стремлениями так, чтобы ничего не оставалось пустого и ненужного. Я понимаю, что у йога — каждый шаг и каждое дыхание являются как бы молитвой и приближением к идеалу. В этом и заключается главное различие Востока и Запада. Мы строим наш идеал отдельно от жизни и жизнь отдельно от идеала. И мы примиряемся с мелкой, ничтожной, пошлой, а часто отвратительной и жестокой действительностью, утешая себя красотой наших идеалов. Вы хотите, чтобы каждая минута жизни была проникнута идеалом и служила ему. Я понимаю все это, но скажите мне, достигается ли какой-нибудь реальный результат путём йоги, или же опять все только рассказы вроде рассказов путешественников об Индии. Вы понимаете меня, я хочу знать, достигаются ли все те чудесные результаты, которые описываются в книгах о йоге: — ясновидение, видение на расстоянии, чтение мыслей, внушение на расстоянии, знание будущего. Я часто просыпаюсь ночью (я почувствовал, что Лесли начал говорить из самой глубины своей души) и думаю, неужели где-нибудь есть люди, которые чего-нибудь постигли. Я знаю, что я могу бросить все и пойти за таким человеком. Но я должен знать, что он достиг. Вы понимаете меня. Я не могу верить словам. Нас слишком часто и слишком долго обманывали. И я не хочу и не могу обманывать себя. Скажите же мне, есть люди, которые достигли, и чего они достигли, и могу ли я достигнуть того же, и как?

Лесли замолчал, и я видел, что старик-индус смотрел на него с тихой и ласковой улыбкой, как на большого ребенка.

— Да, эти люди есть, — сказал он медленно. — И вы можете их видеть. И если вы придете ко мне и скажете, что хотите этого, вы увидите их. Но вы должны понять, что это не может произойти сразу, в один день. Если вы захотите учиться, я скажу вам: — Друг, приезжай ко мне, живи у меня, старайся понять наши мысли, старайся научиться думать по-новому. Чтобы прийти к учителю, нужно понимать его. И это требует долгой подготовки. А я тем временем буду справляться, где находится один учитель, которого я знаю. Мы не пользуемся почтой и телеграфом. Через две недели один человек пойдет в Индию, в Пури. Там он спросит в храме, где учитель и, может быть, найдет кого-нибудь, кто знает и через кого можно будет передать учителю, что мы хотели бы его видеть. И потом так же через кого-нибудь учитель передаст нам, когда он придет сюда, или куда мы должны поехать, чтобы увидеть его. Иногда он живет среди природы, около какой-нибудь маленькой деревушки, в джунглях или в горах, иногда его можно видеть в одном из больших храмов, в Мадуре или в Танджоре, или в других

местах. Но нужно терпеливо ждать. Ученик должен стоять у двери и ждать, когда его позовёт учитель. Это может быть завтра, может быть через месяц, может быть через год.

Я видел, что Лесли со вниманием слушал, но видел, что его совсем не удовлетворяло то, что говорил индус.

— Но учитель, о котором вы говорите, он сам достиг тех результатов, о которых говорится в этих книгах?

Индус опять улыбнулся.

— Чего он должен достигнуть по-вашему? Вы же сами признаете и соглашаетесь, что цель йоги — подчинение жизни идеалу. Разве не достижение уже само по себе, если каждая минута жизни человека подчинена исканию высшего смысла? Разве не достижение то, что у человека нет больше тех внутренних противоречий, из которых состоит вся ваша жизнь? Разве не достижение тот внутренний мир, тишина и спокойствие, которые царят в душе учителя? А если вы говорите о сверхнормальных психических силах, то учитель обладает ими, хотя не придаёт им значения. И, может быть, если он найдёт это нужным, он покажет вам свои силы. Но вы не можете этого требовать, не можете это ставить условием. Учитель сам решит, что вам нужно. И вы должны доверять ему.

Я видел, что в душе у Лесли идет сильная борьба. Его собеседник очень привлекал его к себе и нравился ему, и ему хотелось верить, но в то же время его европейский ум не мог согласиться с тем, что говорил индус и с тем, как он это говорил.

— Вы говорите, что готовы все бросить, — продолжал старик. — Но это совсем не нужно. Наоборот, очень часто гораздо важнее продолжать жить той же жизнью и эту жизнь подчинить вашим высшим стремлениям. Посмотрите на меня. Вы меня знаете, я занимаюсь и политикой, и делами, и живу семейной жизнью. И я ничего не бросаю. Уйти в пустыню часто легче всего. Но не всегда нужно делать то, что легче. Иногда нужно делать то, что труднее. И потом, учитель скажет вам, что нужно делать. Я могу вам сказать только одно — учитесь думать по-новому. Пока вы не выучитесь думать по-новому, вам всё время будет казаться, что чего-то самого главного не хватает в том, что я говорю.

— Я хотел бы только видеть факты, — сказал Лесли. — Когда я увижу их, я буду спокоен относительно остального и буду делать все, что мне скажут.

Но вы понимаете меня, моя интеллектуальная совесть не позволяет мне принять на веру существование объективных фактов, которых я не видел. Для того, чтобы признать их как факты, я должен видеть их.

И опять старик-индус улыбнулся.

— Если вы пойдете путем йоги, — сказал он, — в вашей душе начнется целый ряд изменений. Эти изменения прежде всего будут заключаться в том, что вы начнете находить одну за другой новые и новые ценности. И при появлении этих новых ценностей начнут бледнеть и исчезать старые ценности. И тогда, может быть, вам покажется совсем неважным то, что вы сейчас считаете самым важным. Это нельзя передать словами, можно только почувствовать. Кто переживал такие внутренние перевороты, тот поймет меня. Да, наконец, мы все переживаем это, когда из детей делаемся взрослыми. Детям кажутся невероятно важными их игрушки, игры, школьные занятия, мнения учителей. Но посмотрите, каким ничтожным кажется все это юноше, когда его душой овладевает женщина. Тогда он бежит от своих товарищей, и их разговоры кажутся ему смешными. В душе йога также расцветает новая любовь, и все ценности жизни кажутся ему тогда детскими игрушками. Так и те факты, которые вы ищете. Может быть, они вам самому покажутся не такими важными.

— Да, может быть, — сказал Лесли. — Но зачем тогда постоянно говорят об этих фактах и зачем на них ссылаются и на них все стоят. Нельзя ссылаться на недоказанные факты.

— Говорит тот, кто не понимает, — сказал индус. — Кто понимает, тот говорит о другом, о внутреннем, а не о внешнем. Вначале вы поставили вопрос совершенно верно. Нужно уничтожить противоречие между жизнью идей и реальной ежедневной жизнью. Для этого нужно, чтобы вы знали себя. Каждый момент знали, что и для чего вы делаете. Только тогда вы будете владеть вещами, а не вещи будут владеть вами. Обыкновенно ваши желания заставляют вас исполнять их прежде, чем вы подумаете, нужно это для ваших высших целей или нет. Попробуйте жить так, чтобы следить за собой и не делать ничего, что не служило бы высшим целям — или, иначе говоря, учитесь делать всё так, чтобы все, что вы ни делаете, служило высшим целям. Это возможно. Если что-нибудь особенно трудно, смотрите на это, как на упражнение. Помните, что все, что трудно, вы делаете для подчинения себя духу. И тогда все будет легко, и все получит смысл. Но, что бы вы ни делали, необходимо перед каждой мыслью, перед каждым словом, перед каждым действием, спрашивать себя: — Зачем вы это делаете? И нужно ли это? И тогда, незаметно для вас самого, целый ряд ваших действий и поступков перестанет быть ненужным и превратится в служение высшим целям. И внутренняя противоречивость вашей жизни начнет исчезать и заменяться гармонией. Потом учитесь давать себе отдыхать; это, может быть, самое важное. Учитесь не думать. Научитесь подчинять себе свои мысли, спраши-

вайте себя чаще: нужно ли думать то, что вы думаете, может быть, лучше думать о другом, и еще лучше не думать совсем? Это — самое трудное, но это необходимо. Научитесь думать или не думать по желанию. Умейте останавливать мысли. Умейте создавать в себе внутреннюю тишину. И придет момент, когда вы услышите голос тишины. Это — первая и самая важная йога. Когда это придет, когда вы начнете слышать голос тишины и молчания, тогда у вас могут начать появляться новые силы и способности, те, о которых вы говорите, сначала смутные и неясные, но которые потом станут такими же точными и подчиненными вам, как зрение, слух, осязание. Но нужно все принимать спокойно. Не нужно спешить. Не нужно чересчур сильно направлять внутрь себя свет внимания. Внимание может помешать росту новых способностей. Затем нужно учиться видеть каждую вещь в целом. Вы понимаете, что это значит? Вы всегда видите только части, — или одно начало без продолжения и без конца, или середину, или конец. Старайтесь видеть всегда все в целом, для этого начинайте рассматривать все с конца, не берите начала без конца. И вы начнете видеть в вещах гораздо больше, чем видите теперь. Что такое ясновидение? Мы сейчас сидим на веранде и видим часть сада. Если вы хотите видеть весь сад, нужно подняться во второй этаж. Если вы поднимитесь ещё выше, вы увидите весь город. Ясновидящий — это человек, который видит больше других. Чтобы видеть больше, нужно подняться выше. В этом весь секрет.

— Но что значит подняться выше? — сказал Лесли. — Иногда это можно, иногда нельзя; и в каком смысле подняться, в смысле развлеченного размышления о вещах или в каком-нибудь другом? И какой будет результат? Приведёт ли это к каким-нибудь новым силам? И опять тот же вопрос: обладает ли кто-нибудь этими силами? Я не могу поверить, чтобы я был первый!

— Вы и не будете первый, — сказал индус, — но для того, чтобы когда-нибудь достигнуть этого, вы должны прежде всего реализовать, насколько вы от этого далеки сейчас. Вы похожи сейчас на ребёнка, который плачет, потому что его отец не позволяет ему садиться на свою горячую боевую лошадь, не даёт ему в руки своего оружия, своей тяжелой острой сабли. Ребёнок должен вырасти сначала, тогда он всё получит. Теперь он всё равно ничем не мог бы пользоваться. Ни ружья, ни сабли он не может даже поднять, а лошадь сбросила бы его на первых же шагах. Овладейте сначала тем, что у вас есть, а затем желайте большего. Разберите свой день. Много ли времени вы отдаёте исканию высшего? Попробуйте спрашивать себя каждый час, что вы сделали за этот час. Йоги спрашивают себя каждую минуту. Нужно непрерывное упражнение, чтобы подчинить себе себя. Вся

ваша жизнь одна сплошная уступка то тому, то другому. Откуда же у вас возьмётся сила сопротивления? Вы, вероятно занимаетесь спортом?

Лесли кивнул головой.

— Какой ваш любимый спорт: футбол, крикет?

— Поло, — сказал Лесли.

— Прекрасно, поло. Ведь вы понимаете необходимость тренировки для поло. И вам нужно одинаково тренировать для игры и себя, и своего пони. И это требует ежедневных упражнений. Представьте себе, что вы три месяца не садитесь на пони и все ночи проводите в клубе за картами. А ваш пони три месяца стоит в конюшне и ленивый саис даже не каждый день проезжает его. И представьте себе, что вам нужно участвовать в большом матче. Что получится? Есть ли у вас хоть один шанс выиграть? Вы знаете прекрасно, что нет ни малейшего. У вас не будет ни силы, ни ловкости, ни выносливости. Ваш пони не будет вас слушаться и устанет в самом начале игры, а вы устанете еще раньше него. И раз вы давно знаете это относительно поло, почему вы не хотите допустить того же относительно вашей души? Её нужно постепенно приучать к новому порядку идей, к новому плану жизни. И, когда вы начнёте достигать чего-нибудь, тогда вместе с раскрытием новых сил в вашей душе вы начнёте замечать, что идёте не один. И хотя ночь будет темна кругом, везде по дороге вы начнёте видеть огоньки, и вы поймёте, что это путники, которые идут в одном направлении с вами, в один храм, на один праздник.

Лесли сидел и слушал, и я видел, что несмотря на обилие восточных метафор, всегда подозрительных для европейца, главное содержание того, что говорил индус, очень отвечало тому, что он думал. Почти всё это Лесли раньше читал и слышал. Но его собеседник производил на него впечатление человека, который знает. И Лесли практически чутьём англичанина чувствовал дело в том, что говорил старик-индус. И я видел, что в душе Лесли вместе с симпатией и невольной благодарностью к его собеседнику растёт решение твёрдое и определённое.

— Что же нужно делать, чтобы пойти по этому пути? — сказал он. — Мне кажется, я ничего не боюсь.

— Начните следить за собой, — сказал индус. — Попробуйте ограничить себя, хотя бы в том, что вам всё равно не нужно, но что берёт больше всего вашего времени и сил. Постарайтесь понять, как вы далеки даже от начала пути. И тогда, может быть, вдали вы увидите путь.

Картины менялись передо мной. Лесли ехал опять в рикше, и я видел, что он повторяет себе слова индуса и старается разобраться в них. Он возражал старику во время разговора, но в действительности всё, что он слышал, произвело на него гораздо больше впечатления, чем он показывал.

Меня это очень заинтересовало. Лесли был упорный человек. Я чувствовал, что он не уступит, если возьмётся за что-нибудь. И мне стало казаться, что если чего можно достигнуть путём йоги, то он достигнет этого. В нём было много авантюризма и смелости пионера, прокладывающего новые пути, и огонёк, не позволяющий удовлетворяться мирной жизнью в культурных местах. Он был из той породы, которая открывает новые страны.

Рикша бежал среди темневших садов. И Лесли сидел в колясочке, держа шляпу-топи на коленях. Курьёзно было только то, что он был не один. Около рикши, с левой стороны, бежало какое-то маленькое существо. Приглядевшись внимательней, я увидел, что это был черт. Он был маленький, пузатенький, на несоответственно тоненьких ножках и, я сказал бы, с довольно добродушной физиономией, похожий на китайца. Его лицо делали странным только тонкие, несимпатичные губы, которые он постоянно облизывал длинным, тонким языком. На лбу у него были маленькие рожки, и в желтых глазках светилась хитрость и какая-то затаённая мысль, маленькая, но упорная. Он бежал очень быстро, перебирая ножками, но без всякого усилия, точно это его не касалось. Иногда он с шаловливой улыбкой хватался за тоненькую оглоблю колясочки и, видимо, старался мешать черному рикше. Раза два он запутался у него в ногах, так что рикша споткнулся и чуть не упал, а на станции, куда приехал Лесли, я заметил, что рикша обливался потом и тяжело дышал, точно бежал по жаре.

— Вот видишь, — сказал мне дьявол, — этот приставлен к нему, чтобы помешать ему наделать чересчур много глупостей.

— Откуда он взялся, — спросил я, — и как он может помешать и чему?

— Как он помешает, это его дело, — сказал дьявол. — Чему он должен помешать, это ты сам догадываешься. Вся эта йога — очень опасная игра с огнём. Человек, который увлекается этим, теряет связь с землёй. И опасность гораздо больше, чем ты думаешь. Эти глупые идеи распространяются, и, может быть, нам даже придётся прибегнуть к экстренным мерам. Возьми этого Лесли Уайта. Ты совершенно прав. Если он за что-нибудь возьмётся, то не отступит. В этом-то и заключается опасность. Поэтому к нему и приставлен этот черт. Это очень умный и добрый черт. Он по-настоящему и серьёзно любит людей. Я его даже не совсем понимаю. Но в то же время я согласен, что в данном случае он сделает больше, чем, например, я. Иногда только добром и можно действовать. Ну вот, смотри дальше.

Пришел поезд. Лесли пошел в отделение первого класса, и поезд побежал дальше по морскому берегу. Я хорошо знал это место. Лесли ехал в загородный отель, где он жил. Этот отель стоит на берегу моря на скалистом мысе, с трёх сторон окруженным водой — и по обе стороны от него, к северу

к Коломбо и к югу, тянется песчаный берег с кружевом кокосовых пальм и с рыбацкими деревушками.

Лесли приехал в отель и прошел в свою комнату, выходящую на море. Он хотел было одеваться к обеду. Черный слуга уже приготовил ему мягкую рубашку, воротничок, смокинг. Но когда Лесли посмотрел на всё это, ему стало скучно. Те же люди, те же разговоры.

— Почему я должен обедать? — спросил он себя, — что я — голоден или у меня мало сил?

Ему стало даже смешно.

Старик прав, продолжал он думать, какое невероятное количество времени мы тратим на то, что совсем ни для чего не нужно. Если только немного следить за собой, то сколько можно сэкономить и времени и сил, и всё это можно пустить на другое, на то...

На столе лежали только что полученные новые книги. Лесли знал по опыту, что после обеда захочется спать. А он хотел читать, думать.

Он позвонил.

— Я не буду обедать, — сказал он бесшумно появившемуся «бою», — принеси сюда маленькую бутылку виски и большую содовой, два лимона и побольше льда.

Потом Лесли с облегчением разделся, умылся и облачился в пижаму.

Бой принёс бутылку содовой воды, лёд в стакане, два крошечных зелёных цейлонских лимона, величиной с грецкий орех и немножко виски на дне длинного стакана. Он поставил всё это на стол и молча положил перед Лесли квадратик бумаги и карандаш. Это был обычный ритуал. Лесли должен был написать чек для буфета.

Лесли выжал в стакан со льдом оба лимона, плеснул туда виски, налил воды, отхлебнул, закурил коротенькую почерневшую трубку и уселся у стола в широком плетёном кресле с одной из новых книг и с ножом в руках. Он разрезал книгу, а в уме его, как я мог видеть, ещё продолжался разговор с индусом.

И вдруг я заметил опять черного черта. У него был очень растерянный и недоумевающий вид. Он ходил по комнате, смешно переваливаясь на своих коротеньких ножках, облизывал свои выпяченные тонкие губы и, видимо, искал Лесли. Это было необычайно курьёзное зрелище. Черт потерял Лесли и не мог найти. Он подходил к самому стулу, на котором сидел Лесли, трогал его, с каким-то непонимающим видом ощупывал коленку Лесли и с недоумением шел в сторону. Он был похож на загипнотизированного человека, которому внушили, что такого-то своего хорошего знакомого он видеть

не будет. И вот он ходит мимо этого человека, даже трогает его, но с растерянным видом проходит мимо. Он чувствует, что что-то с ним неладно, но в чем дело, понять не может.

Да, то, что я наблюдал, было курьёзным феноменом. И это больше всего другого объяснило мне истинное отношение черта к человеку, и природу черта, и его страх потерять человека. Очевидно, хотя мой дьявол и не говорил этого мне, это случалось гораздо чаще, чем они хотели.

Сначала я подумал, что исчезновение Лесли зависит от той книги, которую он читает, и я заглянул ему через плечо. Книгу эту я знал, знал даже её автора, и взгляды его всегда казались мне довольно узкими. Но, когда я посмотрел на Лесли, я понял, что дело не в книге, а в том, как он читает. Он был весь погружен в мир идей, действительность для него не существовала.

Так вот в чем секрет, подумал я. Уйти от действительности, значит уйти от черта, стать для него невидимым. Это великолепно, значит, наоборот, люди трезвой действительности, люди реальной жизни, реальной политики, все вообще реальные люди принадлежат черту невылазно и всецело. И, говоря откровенно, это открытие меня очень обрадовало.

А бедный чертик, кажется, отчаялся найти Лесли и сидел в углу около двери, поджав под себя ножки. Вглядевшись в него попристальнее, я увидел, что он плачет, вытирает слёзы кулачком и вообще имеет несчастный вид. Глядя на него, я понял, что он действительно страдает, и что его страдание даже не вполне эгоистично. Он на самом деле боялся за Лесли, который вдруг куда-то исчез, куда — он не мог понять. Так чувствовать и так страдать могла бы глупая женщина, влюблённая в Лесли и привязанная к нему, но совершенно не способная понять, о чем он думает и что его интересует. Лесли точно так же временами исчезал бы от неё, и она должна была бы сидеть в уголку и хныкать.

Почему-то у меня в уме очень живо составила картина таких отношений. Лесли такой, каким я его знал, молодой, полный жизни, надежд и перспектив и женщина некрасивая, неумная и неинтересная. И общественно и внутренне она — бесконечно ниже Лесли. Нигде и никогда Лесли показаться с ней не может, ни с кем её не может познакомить, не может даже никому сказать о ней. Вероятно, она «юрэзиан», т.е. с примесью туземной крови; и, несомненно, у неё какое-то тёмное прошлое; возможно, что она принадлежала к «самой древней профессии», по выражению Киплинга. Где её нашел Лесли и как он спутался с ней, и почему он не может с ней расстаться, это его тайна, и тайна, в которой много чего-то очень некрасивого. Он должен её прятать. И если о её существовании узнают, это будет конец и карьеры и всяких перспектив для Лесли Уайта. Его нигде не будут принимать, он

должен будет бросить службу, уехать, он сразу будет конченным человеком. И эта женщина знает это и всеми силами старается всё-таки держать его около себя и это ей удаётся, кроме вот таких моментов, когда Лесли ускользает от неё. Почему? Зачем Лесли сохраняет её?

Чем она может держать его? Почему такой сильный и умный человек, как Лесли, не выкинет эту пакость из своей жизни? Это совершенно непонятно. Очевидно, в ней что-то есть для него. Очевидно, и в нём есть какие-то стороны, которым отвечает эта женщина. Такие женщины могут держать около себя мужчин, только действуя на их темные стороны, предоставляя им себя для проявления этих тёмных сторон.

Меня самого удивили эти мысли. Откуда я мог взять, что этот черт женщина?

Оглянувшись, я заметил, что нахожусь странным образом одновременно в двух местах сразу. В комнате Лесли и храме Кайлас.

— Неужели есть доля правды том, что я сейчас подумал? — спросил я дьявола.

— Гораздо больше, чем ты думаешь, — ответил он. — Это совсем не метафора, что черт любит его как женщина. Ты отгадал, может быть, самую важную сторону наших отношений к вам. Я говорил тебе, что мне очень трудно передать тебе вполне сущность и свойства отношения людей и чертей. Есть вещи, до которых ты должен дойти сам.

По существу говоря, у нас нет пола, но так как мы представляем обратную сторону вас, то на нас всегда отражается ваш пол и становится в нас противоположным. Ты понимаешь меня? Этот черт не женщина. Но по отношению к Лесли у него проявляются женские черты, потому что Лесли — мужчина. Если бы Лесли был женщиной, то в черте проявились бы мужские черты.

— Значит у каждого из нас есть такая «она», — спросил я, — и у каждой из женщин есть такой «он»?

— Не обязательно есть, но может быть, — ответил дьявол. — Теперь ты понимаешь, почему нас так волновала история Адама и Евы и их «любовь», — дьявол презрительно скривил губы. — Мы ревновали их. Одни из нас ревновали Адама к Еве, другие Еву к Адаму, а некоторые, как я, например, которые одинаково чувствуют оба пола, ревновали одновременно в обе стороны. Теперь ты это можешь понять. Если бы я сказал тебе всё сразу, ты бы ничего не понял. В наших отношениях к людям очень много «пола» и притом на большинство людей легче всего действовать с этой стороны.

— Я что-то совсем перестаю тебя понимать, — сказал я. — Раньше ты говорил, что людей, испытывающих эмоции любви, вы перестаёте даже ви-

деть, а теперь ты говоришь, что вам на людей легче всего действовать с этой стороны. Что же верно?

— И то, и другое, — сказал дьявол, нисколько не смущаясь. — Чувство пола отвратительно и враждебно для нас, когда оно вызывает в людях так называемые поэтические настроения. Это главное зло. С ним мы боремся всеми силами, но ничего не можем сделать. Эти поэтические настроения окружают человека точно какой-то стеной, и мы совершенно теряем его, пока «поэзия» не разойдётся. Еще хуже, конечно, ощущение пола в соединении с мистическим, — с чувством чудесного, с чувством бессмертия. Эти ощущения совсем уводят от нас людей и делают их недоступными для нашего воздействия. — С другой стороны, то же чувство пола, но соединённое хотя бы с самым лёгким отвращением к нему, с чувством греха и стыда, с сознанием, что это нужно прятать, что это нехорошо, это вот как раз то, что нам нужно. Понимаешь, одна и та же эмоция в человеке может проявляться различно. Она может быть и за нас, и против нас. И вот у кого много этой «поэзии» или «поэтичности», или кто ощущает «чудо» в чувстве пола, (дьявол произносил эти слова с плохо скрываемым раздражением), тот совершенно недоступен нам. Но к счастью это бывает очень редко. Большинство людей, и мужчин и женщин, относятся к вещам очень реально, без всякой поэзии. И с ними нам очень легко иметь дело. Этот Лесли Уайт из трудных типов. Но — он англичанин, и, ты понимаешь, у него столько предрассудков и лицемерия в этой области, что всегда можно за что-нибудь зацепиться. Он очень многого боится в себе, очень многому не верит. Чувствует в то же время, что виноват перед собой, а чтобы оправдать себя в своих глазах, старается низвести всё это на самую последнюю материальную плоскость. Вот тут мы и берём его. Кроме того, ты помнишь, что я тебе говорил про «игру». Так вот, пока люди понимают, что в чувстве пола факты — не настоящие, а настоящее что-то другое, они нам недоступны, но как только они начинают всё это принимать серьёзно, и в результате этого бояться, ненавидеть, ревновать, страдать — они наши. Ты понимаешь, есть эмоции материального порядка, через которые люди делаются доступными нам. И эти эмоции легче всего затронуть со стороны пола.

Я опять перевёл взгляд на комнату Лесли. Бой принёс еще виски с содовой, и Лесли разрезал и перелистывал уже третью книгу. Черт, по-видимому, уже отчаялся его найти и сидел в углу страшно печальный и о чем-то, видимо, изо всех сил думал. Потом он лёг на пол, распластался, как лягушка, стал при этом совсем плоским, как лист бумаги, и, работая руками и ногами, вылез под дверь.

Меня заинтересовало, куда он пойдёт. Поднявшись с пола, черт отряхнулся, надулся опять, как резиновый, и побежал вниз по лестнице. Я стал следить за ним, оставив пока Лесли. Черт вышел через запертую дверь к морскому берегу и пошел, переваливаясь, по песку. Набегала тёмная волна, оставляя после себя белую пену. Ночь была тёмная и тёплая, точно бархатная. Сверкали звёзды, и между пальмами перелетали светящиеся мухи, похожие на летающие звёзды. Но черт не обращал внимания на это, и в этот момент он казался мне похожим на какого-то старьёвщика, мелкого торговца или барышника, обдумывающего грошевый гешефт на морском берегу под пальмами. Что ему за дело до этих пальм, всё равно их срубить и продать нельзя, а летающие светялки — ведь они уже ровно ничего не стоят. Такому барышнику или старьёвщику показалось бы ужасно глупым, если бы кто-нибудь сказал, что всё это сказочно и прекрасно. И, вероятно, он стал бы думать, нельзя ли на этом дураке зашибить рупию-другую, продать ему какую-нибудь фальшивую жемчужину, что-нибудь в таком роде. Черт именно казался таким мелким коммиссионером. Он представлял собой невозможность ощущений прекрасного и сказочного. В этот момент я понял, что мы больше всего ошибаемся, когда приписываем черту какие-то положительные злые силы — демонические черты. Ничего положительного в черте нет и быть не может. Это я видел совершенно ясно. Черт — это отсутствие всего высокого и утонченного, что есть в человеке, отсутствие религиозного чувства, отсутствие мечты, отсутствие чувства красоты, отсутствие чувства чудесного.

Переваливаясь, но довольно быстро, черт шел по песку вдоль пальм, и всё время он пристально вглядывался в темноту, точно искал чего-то. Наконец, он свернул в сторону, и я заметил, что на песке у толстого ствола пальмы сидел другой черт, довольно важный на вид, с толстым животом, с седой козлиной бородкой и в ермолке. Маленький черт сел напротив него на песок и начал рассказывать, очевидно о своих неудачах с Лесли, временами показывая рукой в сторону отеля. Что он говорил, я не понимал. Но меня поразило, до какой степени он на самом деле стал похож на женщину, точно он совместил в себе всё неприятное и отталкивающее, что может быть в пошлой и вульгарной женщине. Старый черт внимательно слушал, потом начал говорить видимо наставительным тоном, и чертик сидел перед ним, скривив голову набок и опершись подбородком на ладонь, и внимательно слушал, точно боясь пропустить слово.

Я вернулся к Лесли. Он еще долго читал, записывал пришедшие мысли и потом лёг спать.

Ночь быстро промелькнула передо мной, и наступил короткий тропический рассвет. И в Индии, и на Цейлоне встают рано. Слуги мели кори-

доры, несли в комнаты чай и кофе. Бой — сингалезец в белой узкой юбке и куртке, босиком и с черепаховым гребнем на голове, с большим подносом в руках неслышно вошел в комнату Лесли. Лесли ещё спал под пологом-сеткой от moskitov. Осторожно ступая, бой наклонился и поставил поднос на низенький столик около кровати.

Я посмотрел на поднос и к своему глубокому изумлению увидел, что всё помещавшееся на подносе, это был черт, которого я оставил под пальмой. Теперь черт принял самые разнообразные формы и, надо отдать ему справедливость, имел очень привлекательный и аппетитный вид. Во-первых, это был чай, два небольших темных чайника, один с кипятком, другой с крепким и душистым цейлонским чаем; янтарное австралийское масло с кусочком льда на тарелке, густое апельсиновое варенье, горячее яйцо всмятку в фарфоровой рюмочке; два кусочка сыра; горка горячих поджаренных тостов, четыре тёмно-желтых, изогнутых банана; два черно-фиолетовых мангустана — плод, который так нежен, что никогда не может быть привезён в Европу. — И всё это был черт!

Лесли открыл один глаз и посмотрел на поднос. Потом он потянулся, зевнул, открыл другой глаз и сел на кровати. Я видел, как сразу нахлынули на него вчерашние мысли, и как ему было весело и приятно всё это вспоминать: и разговоры с индусом, и свои намерения заняться йогой, и все мысли, приходившие ему в голову вечером.

— Всё дело в тренировке, старик прав, — сказал себе Лесли. — Главное, нужно всегда следить за собой, не позволять себе делать ничего, не спросив себя, нужно ли это для той цели. Следить за своими мыслями и словами, и действиями, чтобы всё было сознательно!

И я видел, что Лесли очень приятно говорить себе это и приятно чувствовать, что он это знает, и что он может это говорить себе.

Затем Лесли приподнял сетку от moskitov и вылез наружу. Он хотел было встать, но поднос с чертом остановил его внимание, и он невольно посмотрел на бананы.

Я уже чувствовал поставленную ему западню.

Одну десятую секунды он как будто колебался, но потом с деловым видом он налил себе большую чашку крепкого чая и густо намазал апельсиновым вареньем кусок тоста.

Лесли чувствовал себя так удивительно хорошо. Всё в нём рвалось скорее за дело, за работу, и он по совести не мог отказать себе в маленьком удовольствии.

Чай, тосты, масло, варенье, яйцо, бананы, сыр — всё это очень быстро исчезло. Сделав кругом надрез ножом, Лесли разломил толстую черную кору

мангустана и вынул нежный белый плод, по виду похожий на мандарин, чуть-чуть кисловатый, душистый и тающий во рту. За первым последовал второй. Это было последнее. С некоторым сожалением поглядев на поднос, Лесли начал вставать. Пока он умывался и брился, черт опять появился около него. У него был немного помятый вид, но теперь он, несомненно, видел Лесли.

Лесли думал всё о том же, только мысли его как будто немножко потускнели. Того творчества, которое было в них вчера вечером, сейчас я не замечал. Мысли как будто шли по одному кругу. Но Лесли крепко держался за них, и, видимо, они были ему приятны.

Одевшись, Лесли спустился вниз и через столовую прошел на веранду, выходящую к морю. Перед верандой была небольшая площадка, поросшая травой, и дальше за пальмами синело и золотилось море. Направо зелёный берег убегал к Коломбо и виднелись верхушки сушившихся парусов на рыбацких «катамаранах», вытщенных на песок. Лесли невольно поглядел в эту сторону. Правда, он шел сюда просто, пока бой убирает комнату, и собирался работать до завтрака. Но теперь его потянуло море. Здесь было столько солнца, и дул такой приятный ветерок с запахом воды. Лесли почувствовал, как хорошо будет покачаться на катамаране над прозрачной волной и ещё раз продумать хорошенько вчерашние разговоры.

— Нет, лучше буду работать, — сказал он себе, — не нужно начинать сразу с уступок. Пойду только взгляну, в порядке ли всё на катамаране.

Насвистывая, он сбежал вниз по каменным ступенькам над самым морем, и я видел, как черт, совсем как собачонка, что было духу, понесся вперёд.

Молодой рыбак-сингалезец, которого Лесли всегда брал с собой в море, стоял в это время около лодок и с огромным интересом, стараясь не проронить ни слова, слушал, что рассказывал один из старых рыбаков, с седой косичкой на затылке, о своём судебном процессе с местным богачем де Сильва из-за телёнка, задавленного автомобилем.

И сингалезцы, и тамилы на Цейлоне, и всё население Индии до Гималаев ничем на свете не увлекается так, как судебными делами. Суд — это любимое развлечение индусов, любимая тема разговоров. В прежние времена, при раджах, не было никакого суда, потому что правым оказывался тот, кто больше заплатил. И это не представляло никакого интереса, потому что заранее было известно, кто может заплатить больше, и кто будет прав. Но англичане ввели настоящий суд, в котором никогда неизвестно заранее, кто выиграет. Такой суд создаёт азарт, спорт. И население Индии с жаром воспользовались новым развлечением. Суд — это театр, клуб, цирк, представление заклинателей змей, состязание борцов и петушиный бой, всё

в одно время и в одном месте. Знатоки законов и суда пользуются огромным уважением и авторитетом. И все с кем-нибудь судятся. Только у самого бедного и несчастного человека нет никаких судебных дел. Но тогда его самого за что-нибудь судят.

Молодой рыбак совершенно ушел в тонкости доказательств, представленных владельцем убитого телёнка. Но в этот момент подбегавший черт ударил его кулаком в плечо и толкнул в сторону отеля.

Увидав Лесли, спускавшегося вниз к морю, бой заключил, что он собирается выйти в море на своём катамаране, и, оторвавшись с некоторым сожалением от увлекательного рассказа, сразу устремился навстречу Лесли с самой сияющей физиономией.

— Мастер хочет идти в море. Прекрасная погода, мастер. Ветер немного слаб, но мы сразу поставим парус. Сейчас всё будет готово, мастер!

И, не слушая, что говорил Лесли, бой, нагнув голову и сверкая голыми пятками, помчался к его катамарану, стоящему на песке, в стороне от других.

Лесли невольно заразился его энтузиазмом и, улыбаясь, шел за ним, решив, раз уж так, полчаса покататься.

Ветер в море оказался сильнее, чем можно было думать на берегу. Катамаран поднимался и опускался, скользя по волнам, как буер по льду, и повинуюсь каждому движению рулевого весла. И у Лесли долго не хватало духу поворачивать назад. А, возвращаясь, пришлось лавировать против набегавшего бриза, и в результате Лесли вернулся в отель только в половине десятого.

В столовой отеля, через которую проходил Лесли, уже кончался «брейкфаст». И хотя Лесли чувствовал порядочный аппетит после двух часов на воде, он хотел пройти к себе, чтобы больше не терять времени. Но «старший бой», в белой узкой юбке, с черепаховым гребнем на голове, в белом смокинге и босиком, поклонился ему так почтительно-фамильярно, как умеют это делать только индийские слуги, и Лесли невольно подошел к своему столику и сел.

Черт забежал вперёд него, прыгнул на стол и превратился в карточку кушаний, кокетливо прислонившуюся к вазочке с цветами.

Молодой бой принёс чай и варенье, как это полагается к первому завтраку и остановился, ожидая распоряжений.

Лесли налил себе большую чашку крепкого чая и, отхлебнув, взглянул мельком на карточку и велел подать себе традиционную английскую жареную копченую селёдку. После селёдки он спросил, также национальную, яичницу с поджаренными ломтиками страшно солёной свиной грудинки, потом небольшой бифштекс с жареным луком, потом индийское куша-

ние— карри, которое нигде не подают так, как на Цейлоне. Карри— это целый ритуал. Сначала старший бой принёс горячий, рассыпчатый, душистый рис. Лесли положил на тарелку порядочную порцию. Потом другой бой принёс два блюда с судочками с разными соусами— соус из раковых шеек, соус из рыбы, соус из яиц с томатом, соус из кусочков рубленого мяса, очень противный желтый соус из корня карри и соус из какой-то зелени вроде стручков. Лесли положил себе из трёх судочков. Потом третий бой принёс большое блюдо, разделённое чуть ли не на двенадцать отделений, тут были — тертые кокосовые орехи и маленькая сушеная, довольно вонючая рыбка, перец во всевозможных видах, рубленый лук, какая-то очень едкая желтая паста и еще разные странные приправы. И в заключение опять старший бой поставил перед Лесли вазу с жгучим чётни, консервированным манго.

Пока Лесли клал себе разные ингредиенты карри и перемешивал их на тарелке, как это полагается, я с ужасом увидел, что всё это был черт. Из одной миски торчали его ножки, в другой плавала голова и т.д.

После карри, от которого страшно жгло во рту, Лесли выпил две чашки чая и съел несколько тостов с вареньем. Потом он взял себе сыра и, отказавшись от сладкого, принялся за фрукты. Апельсин, несколько бананов и потом манго. Манго — это довольно большой, темно-зелёный, тяжёлый и холодный плод. Держа его левой рукой на тарелке, вы отрезаете ножом большие куски вокруг косточки и потом едите ложкой холодную, ароматную и сочную мякоть, похожую на смесь ананасового и персикового мороженого, иногда ещё и с привкусом земляники. Два манго, бутылка джинжера и папироска — это был конец завтрака Лесли Уайта.

Докуривая папироску, Лесли вспомнил, что ему необходимо поехать в город. Это было досадно, приходилось опять отложить работу.

Поезд железной дороги бежал под пальмами вдоль морского берега, зелёная волна поднималась стеклянным валом и падала, разбегаясь по песку белой пеной и подкатываясь к самому поезду. В море было столько сияния и блеска, что глазам на него было больно смотреть. Но Лесли и не особенно хотелось на это смотреть. Сейчас он ясно чувствовал, что видел всё это каждый день, и он думал, что поезд идёт очень медленно. Ему нужно было зайти на службу и к портному и вернуться к ленчу. Думать ему не хотелось, но было приятно вспоминать, что у него в запасе есть что-то очень хорошее, к чему он вернётся, когда придёт время.

Чертик был здесь же, хотя он и имел довольно усталый вид. (Я понимал, что ему недаром достались два завтрака Лесли Уайта), вместе с тем он был,

видимо, очень доволен собой. Он влез с ногами на диван напротив Лесли и сидел, временами поглядывая в окно.

С поездом в час двадцать Лесли вернулся обратно в отель. Было порядочно жарко в цейлонской тепловой оранжерее. Лесли зашел к себе умыться и переодеться; и в свежем белом костюме и в безукоризненном мягком воротничке спустился вниз в столовую. Шел ленч. Постоянный сосед Лесли по столику, отставной индийский полковник, кончил перед едой бутылочку стаута со льдом, которая ему полагалась для здоровья, и имел очень благодушный и расположенный ко всему на свете вид. Лесли весело поздоровался с полковником и развернул салфетку.

Бой поставил перед ним тарелку супа пюре-томат. Но я видел, что это был не суп, а всё тот же черт. После супа черт превратился в разварное тюрбо; потом в жареную курицу с ветчиной и в зелёный салат; потом в холодную баранину с вареньем и с желе, потом в паштет из дичи и потом опять в карри, которое подавалось с той же помпой на двадцати пяти тарелочках. Всё это Лесли добросовестно уничтожал. После карри черт превратился в мороженое и потом во фрукты — апельсины, манго и ананас.

Кончив завтрак, Лесли встал, чувствуя некоторую тяжесть.

— Вот теперь я почитаю на свободе, — сказал он себе, — к чаю нужно быть у леди Джеральд.

Лесли прошел к себе в комнату, велел подать содовой воды с лимоном, снял с себя почти всё, что можно было снять, и присел к столу с книгой и с трубкой.

Страницу он прочитал очень внимательно, но на середине второй страницы он вдруг поймал себя на том, что повторяет всё одну фразу, и не может понять, что она значит. В то же время он почувствовал странную тяжесть в веках, а когда оглянулся на кровать, заметил, точно в первый раз, что она имеет необыкновенно привлекательный вид. Машинально он положил книгу, подошел к кровати и зевнул. Черт уже вертелся тут и разглаживал наволочку. Лесли посмотрел для чего-то на часы и лёг на кровать. Почти сейчас же он заснул здоровым и крепким сном. А черт влез на кресло у стола и, взяв недокуренную трубку Лесли и книгу, которую тот читал, с важным видом начал выпускать клубы дыма и перелистывать книгу, нарочно держа её вверх ногами.

Лесли спал часа два и так крепко, что когда проснулся, не мог сразу сообразить, что это: утро или вечер. Наконец, он посмотрел на часы, и увидав, что уже половина пятого, кубарем соскочил с кровати и принялся за одевание и умывание. Бой опять принёс ему содовой воды с лимоном, и через пятнадцать минут Лесли свежий и вымытый бежал на станцию, находившуюся около самого отеля, а впереди него бежал черт.

Пятичасовой чай у леди Джеральд пили в саду. Меня немного удивило, когда я увидел Лесли Уайта за одним столиком с двумя дамами, одна из которых, высокая стройная блондинка, была Маргарет Ингльби. Но теперь я понял, почему Лесли так спешил.

Я познакомился с Маргарет за два года до этого в Венеции, и не знал, что она приехала на Цейлон. Она была здесь с тёткой, довольно болтливой седой дамой, и, как я понял из разговора, Лесли встречался с ней всего второй раз. Теперь он с увлечением рассказывал Маргарет про Цейлон, и их разговор совсем не был похож на обыкновенный small talk, шедший за другими столиками. Леди Джеральд увела тётку показывать ей какие-то индийские редкости, и Маргарет с Лесли остались одни. Я не мог не видеть, что они производили большое впечатление друг на друга, и что Маргарет заметила это первая.

Она мне всегда очень нравилась. У неё был интересный стиль женщины с картины или гравюры восемнадцатого века. — «Женщина до последней тесёмочки», как сказал про неё один французский художник. — Ни малейшей сухости или резкости движений, обычных у англичанок, играющих в гольф; удивительная точеная шея, маленький рот — тоже большая редкость для англичанки — с каким-то особенным её собственным рисунком губ, огромные серые глаза, необыкновенно музыкальный голос и манера говорить медленно и немножко лениво.

Она видела, что производит впечатление на Лесли, и это ей доставляло удовольствие совершенно помимо каких бы то ни было мыслей или соображений. Она знала, что Лесли для неё совершенно невозможен. Тётка со своей обычной болтливостью уже говорила о нём с леди Джеральд, и Маргарет слышала, что у Лесли ничего нет, что он живёт на жалование, что ему двадцать восемь лет, и что, в самом благоприятном случае, он будет в состоянии жениться только через десять лет. А Маргарет было уже двадцать девять лет, и она решила, что самое позднее через год она уже будет замужем, в крайнем случае за одним из своих вечных женихов, которых было целых три. Но тем не менее Лесли ей очень нравился. Он был не похож на других, интересно говорил о том, чего никто не знал, и что её всегда интересовало. И ей было приятно сидеть здесь в плетёном кресле, слушать Лесли и наблюдать, как его глаза — сами, помимо его воли, время от времени проходят по её ногам и сейчас же усилием воли поднимаются вверх.

Наблюдая их, я заметил вдруг что-то знакомое и, приглядевшись внимательнее, я увидел, что Лесли и Маргарет — это были Адам и Ева.

Но, боже, сколько теперь между ними нагромодилось загородок. Я понял, что значит ангел с огненным мечом в руке. Они даже смотреть друг

на друга не могли без стеснения. А в то же время они чувствовали оба, что хорошо знают друг друга, и давно знают, и сразу могли перейти на очень близкий тон, если бы позволили себе. Но они очень хорошо знали, что не позволят. Хотя это было странно и почти смешно, до такой степени они, в сущности, были близки.

Они кончили чай, и Лесли, которому черт подсунил из-за левого локтя тарелку с сэндвичами, машинально уничтожил порядочную горку.

— Пойдёмте смотреть ваше море, — своим ленивым и мелодичным голосом сказала Маргарет. Большая часть гостей уже перебралась на другую сторону сада, выходявшего к морю. Лесли поднялся, чувствуя смутную тревогу, что к ним кто-нибудь подойдёт. К счастью, никто не присоединился к ним. Многие уже уезжали. В углу сада была каменная беседка со скамейками и с лесенкой к пляжу. Они сели здесь, и Лесли сел так, что перед ним на фоне моря и неба вырисовывался силуэт Маргарет. Немного направо от них, над тёмно-синим горизонтом моря, уже почти касаясь его, опускался большой красный шар солнца. Море слегка шумело, чуть набегал ветерок. И во всей природе разливалась предвечерняя тишь.

Лесли рассказывал про вчерашнего индуса.

— Что меня больше всего поразило, это моё собственное ощущение, — говорил Лесли. — Я совсем не сентиментален, а между тем к этому старику во время разговора я испытывал положительно нежное чувство, точно он был мой отец, которого я давно не видал, потерял и вдруг нашёл. Что-то вроде этого. Вы понимаете? И ведь в сущности со многим из того, что он говорил, я не был согласен. Это чувство шло как-то наперекор моему сознанию.

— Но, значит, Индия действительно существует, — говорила Маргарет. — Нет, вы просто должны узнать всё до конца. Подумайте, как это удивительно интересно. Вдруг вы найдёте настоящее чудо. Я читала всё, что пишут об этом, там всегда не хватает самого главного. И вы чувствуете, что люди, которые пишут, сами в действительности ничего не знают и всегда кому-нибудь верят.

Лесли с восхищением слушал Маргарет, она говорила буквально его мысли — и его словами.

— Нет, этот старик производит совсем другое впечатление, — сказал он; — я именно чувствовал, что он знает и что через него можно найти людей, которые знают ещё больше...

И вдруг Лесли почувствовал, что всё, что он говорил об индусе, приобрело какой-то особенный новый смысл, оттого что это он говорил Маргарет. И Лесли вдруг понял, что если бы он мог сделать два шага, отделявшие его от Маргарет, взять её за талию и повести с собой к самому морю и идти с ней

у воды, подкатывающейся под ноги, дальше и дальше, пока зажгутся звезды, куда-то, где нет совсем никаких людей, а только он и она, то тогда вдруг станет полной реальностью всё, о чем говорил старик-индус. И не нужно будет никакой йоги и никакого изучения, а просто нужно будет только идти с Маргарет по морскому берегу, смотреть на звёзды, ждать восхода солнца, забираться в лесную глушь в жаркий полдень, а вечером опять выходить к морю, и идти, идти, всё дальше и дальше.

И вместе со всеми этими мыслями Лесли почувствовал вдруг, до какой степени хорошо и близко он знает Маргарет, знает прикосновение её рук и всего тела, запах волос, взгляд её глаз, совсем близко от своих, легкое движение ресниц, прикосновение щеки, губ, ощущение движений её тела... всё это прошло вдруг как сон. На короткий, не имевший протяжения момент, он вспомнил Маргарет и вспомнил такой же вечер на таком же морском берегу. — Так же опускался красный шар солнца в потемневшее море, так же шумел, набегая, прибой, и так же шелестели пальмы...

Ощущение было так сильно, что у него перехватило дыхание, и он вдруг замолчал.

Маргарет слушала его, слегка повернув к нему голову. Всё, что он говорил, было ново и занимало её. Но её сместило, что ей хотелось совсем другого. И она внутренне смеялась над тем, как удивился бы Лесли Уайт, если бы она сделала то, о чем думала. А ей хотелось, совсем как маленькой девочке, взять Лесли за плечи и потрясти. Инстинктом она чувствовала, какой он сильный и тяжелый, и её волновало ощущение этого тяжелого и в то же время эластичного и твёрдого тела. Она чувствовала, что если возьмёт Лесли Уайта за плечи, то даже не сдвинет с места, и ощущение этой силы и живой тяжести было как-то особенно приятно, сливаясь с ощущением его взгляда, который с усилием отходил в сторону и опять притягивался к её ногам, рукам, губам.

— Глупый, — говорила она себе, — если бы он знал, о чем я думаю. — У неё в глазах начинали сверкать какие-то огоньки.

«А где же черт? — подумал я. — Интересно, что он теперь делает? Неужели Лесли его совсем съел?»

Но в этот момент я увидел, что из-под скамейки, на которой сидел Лесли, высовывается голова черта со взглядом, устремлённым на Маргарет.

Я даже вздрогнул. Эта была сама «ревность с зелёными глазами». Вот тут вся сатанинская природа черта сказалась целиком. В этом взгляде была бесконечная ненависть и злоба, какой-то грубый отвратительный цинизм и безумный, видимо хватающий за самую глубину чертовой души страх.

— Чего он так бояться? — спросил я дьявола.

— Неужели ты не понимаешь? — ответил тот. — Лесли каждую минуту может исчезнуть от него. Подумай, что он должен чувствовать. Это после всего его самопожертвования! Ты видел, как он любит Лесли. И теперь из-за этой дрянной девчонки все его труды могут сойти на нет. Ты видишь, что Лесли опять весь в этих фантазиях. И теперь они особенно опасны. Ты замечаешь, что он уже вспоминает. Конечно, он не может понять этих воспоминаний. Но всё-таки он очень близок к опасным открытиям.

— Ты говоришь, что он может исчезнуть. Каким образом? — спросил я.

— Если сделает этот шаг, — сказал дьявол.

— Какой шаг?

— Этот один шаг, который разделяет их. Только он не сделает. Подумай, в саду у леди Джеральд. Конечно, нет! И что он может сделать? Они и так слишком долго сидят вдвоём. Это можно пока извинить только тем, что Маргарет недавно приехала и её интересуют такие вещи, как закаты солнца на морском берегу.

Они сидели вдвоём в сущности очень недолго. Гораздо больше времени займет рассказ об этом. Я видел это потому, что солнце, золотым краем касавшееся горизонта, когда они вышли к пляжу, ещё не совсем погрузилось и посылало последние лучи. А оно опускается очень быстро.

Но Маргарет уже заметила странность положения и коротким усилием оторвалась от грёз, которые начинали захватывать и её.

Она заметила, как изменился голос Лесли, как он вдруг замолчал, — и почувствовала, что должна спасти положение, иначе выйдет что-нибудь глупое. Опасаться она ничего не могла. Чего же можно было опасаться в саду леди Джеральд? Дьявол был совершенно прав. И Маргарет даже могла быть уверена, что Лесли ничего не скажет. Но молчание тоже делалось чересчур многозначительным.

Поэтому Маргарет заговорила, придавая своему голосу тон немного насмешливый, металлический оттенок, который, как она знала по опыту, очень хорошо действует на мужчин и который выручал её во многих трудных случаях жизни.

Ещё в школьные годы она получила прозвище «ледяной Маргарет».

— Удивляюсь, куда девались все гости леди Джеральд, — сказала она. — Мы, кажется, одни на необитаемом острове.

Прошли верных три секунды, пока Лесли нашел голос и ответил. Но, когда он заговорил, Маргарет почувствовала, что кризис миновал.

— Вероятно, они пошли к морю, — сказал Лесли, вставая.

Маргарет сбегала вниз по каменным ступенькам, и они увидели невдалеке группу мужчин и дам около кокосовых пальм. Мальчики-сингалезцы

показывали своё искусство, и на одну пальму карабкались сразу десять мальчишек, совершенно, как обезьяны.

Лесли с Маргарет направились туда. И теперь Маргарет стало немножко жалко настроения, которое она спугнула. Она тоже что-то смутно вспомнила, но её воспоминания были другие. Она чувствовала себя маленькой девочкой, а Лесли был мальчишкой. И ей хотелось дёрнуть его за рукав, бросить в него горсть песка и пуститься бежать, крикнув ему, чтобы он ловил её.

— Как скучно быть большими и как хорошо было бы играть с ним, — успела сказать себе Маргарет.

Они уже подходили к группе гостей леди Джеральд. Все смеялись и болтали, и длинный немец в удивительном жёлтом полотняном костюме, какие продаются в Порт-Саиде специально для немецких путешественников, щелкал кодаком, снимая лазивших мальчишек.

— Слишком темно, — тихо сказала Маргарет. — Или можно снимать? — спросила она, поворачиваясь к Лесли. Она чувствовала себя немножко виноватой перед ним, и ей хотелось загладить это.

— Смотря по тому, какой аппарат, — сказал Лесли. — А вы снимаете?

— Да, и у меня очень хороший и дорогой аппарат, — сказала Маргарет, мельком вспоминая подарившего ей этот аппарат одного из своих вечных женихов, — только я не умею с ним обращаться.

— Хорошим аппаратом можно, — сказал Лесли, всё ещё чувствуя себя обиженным. — Если стать спиной к морю, то с объективом 4.5 можно снимать сейчас одной сотой секунды на самых быстрых пластинках и пятидесятой на плёнках. Но у этого типа с Брауни ничего не выйдет, — прибавил он, смягчаясь и чувствуя, что долго не может сердиться на Маргарет.

— Обратите внимание на этот жёлтый костюм и голубой галстук. Это идея немецкого туриста о тропическом костюме. Удивляюсь, откуда леди Джеральд выуживает таких господ.

Говоря это, Лесли посмотрел на Маргарет, и вдруг его схватила за сердце такая щемящая тоска, что он сам изумился. И в этой тоске опять было воспоминание чего-то, точно он когда-то раньше также терял Маргарет, как должен был потерять сейчас. И сразу всё стало скучно и противно, и весь мир превратился в какого-то немца в шутовском костюме с шутовским акцентом.

С Маргарет заговорили две дамы. А Лесли отошел в сторону и закурил. Если бы он мог видеть черта, то он заметил бы, что черт посмотрел сначала со злобой и с торжеством вслед Маргарет, потом перекувырнулся три раза на песке, подбежал к нему и стал против него, передразнивая его движения и делая вид, что курит какую-то палочку.

Потом все пошли к дому и стали прощаться. Когда Лесли взял тёплую и мягкую руку Маргарет, между ними пробежал электрический ток. Это было последнее.

Потом Лесли ехал домой, опять по той же железной дороге. Он сидел один в купе, курил трубку, и в душе у него шел целый вихрь самых противоположных мыслей и настроений.

С одной стороны все его мысли об искании чудесного приобрели какие-то новые, совершенно необыкновенные краски, когда к ним примешивалась мысль о Маргарет. С другой стороны он знал, что о Маргарет он не может даже мечтать.

Он давно уже пришел к заключению, что ему с его привычками и взглядами нужно быть одному. И теперь он чувствовал, что он должен держаться за эту мысль, не допуская никаких колебаний и уклонений. Средств у него никаких не было. Службу, какую бы то ни было, он мог терпеть только до тех пор, пока знал, что каждую минуту может её бросить. Мечты о любви были бы только слабостью и больше ничем. Маргарет должна выйти замуж, может быть, у неё даже есть жених. Впрочем, леди Джеральд знала бы. Но всё равно, разве он может мечтать о женитьбе? Женатый он был бы связан, привязан к одному месту, к службе, должен был бы идти во всём на тысячу уступок и компромиссов, на которые он теперь ни за что не пойдёт. И потом, всё равно это невозможно. Его жалования едва хватает ему одному. Нельзя же жить с женой в отеле. Чтобы жениться нужно по крайней мере в пять раз больше, чем он получал.

Лесли говорил себе все эти благоразумные вещи, но в то же время он чувствовал, что в Маргарет было что-то, уничтожавшее всякое благоразумие и всякую логику, что-то такое, ради чего можно было пойти на всё, согласиться на всё, не думать ни о чём.

«Да, Маргарет...» — сказал он себе, точно это имя было каким-то магическим заклинанием, делавшим возможным всё невозможное.

Черт, лежавший на диване, свернувшись в клубок, заворчал, как собака, и, открыв один глаз, посмотрел на Лесли теперь уже с нескрываемой ненавистью.

— Нет, я не должен думать об этом, — сказал Лесли.

Он закрыл глаза, откинулся на спинку дивана и стал стараться увидеть лицо старика-индуса, желая вместе с тем вызвать в памяти его слова. Но вместо этого он увидал Маргарет, медленно говорящую: «Пойдёмте смотреть ваше море».

— Милая, — тихо сказал Лесли, и черт заскрипел зубами и съёжился совсем в комочек. Вероятно, он чувствовал себя скверно, потому что временами начинал дрожать, совсем как собачонка под дождём.

А Лесли погрузился в мечтания, очень смутные, но необыкновенно приятные, в которых Маргарет переплеталась с какими-то чудесами, которые Лесли должен был найти с помощью старика-индуса в каких-то пещерах, у каких-то йогов.

— Должно же что-нибудь быть во всём этом, — говорил он себе. — Да, этот русский (это был я) совершенно прав, мы должны найти новые силы. С тем, что у нас есть, мы не можем устроить свою жизнь, можем только проигрывать. Нужно найти какой-то новый ключ к жизни, тогда всё будет возможно.

И в голове Лесли всё время мелькали неясные, но захватывающие картины, в которых главное место занимала Маргарет.

Как всегда бывает в таких случаях, его сознание раздвоилось. Один Лесли прекрасно понимал, что в пределах обыкновенных, земных возможностей, Маргарет также недоступна для него, как жительница Луны. Но другой Лесли совершенно не желал считаться ни с какими земными возможностями и уже строил что-то фантастическое, по-своему переставляя кубики жизни.

Было необыкновенно приятно думать о Маргарет. Пускай даже она не знает этого. Лесли чувствовал себя рыцарем, который будет служить своей принцессе даже без её ведома. Но, когда он добьётся чего-нибудь, когда он найдёт чего-нибудь, он напишет ей, какое впечатление произвела на него эта встреча, как много сделала для него Маргарет, сама того не подозревая, и как он для неё искал и нашел.

Как только Лесли останавливался в своих мечтаниях, какой-то другой голос в нём немедленно брал нить и продолжал говорить, что Маргарет может ответить на его письмо, может написать, что она часто вспоминает Цейлон, помнит их встречу и разговор и собирается приехать опять, если не в этом году, то в будущем.

Лесли мечтал совсем как школьник, но в этих мечтах было больше реального, чем даже он сам думал. Многим показалось бы просто сумасбродством тратить время на такие воздушные замки, но я давно привык думать, что самое фантастическое в жизни и есть самое реальное. Я хорошо знал Маргарет, потому что знал этот тип, и мечты Лесли совсем не казались мне невозможными. Именно такие мечты имели шансы на осуществление. Маргарет считала себя очень положительной и практичной, но в этом она ошибалась. В действительности она принадлежала к женщинам, рождённым под особым сочетанием планет, благодаря которому они доступны влияниям, идущим со стороны фантастического и чудесного. И если бы Лесли когда-нибудь сумел затронуть эти струны её души, она бы пошла за ним, не спрашивая ничего другого.

Черт, по видимому, был одного мнения со мной, потому что ему очень не нравились мечты Лесли. Он проснулся и сидел, делая гримасы, точно у него болели зубы. А потом, очевидно, не выдержав больше, он подпрыгнул и выпрыгнул в окно.

Перевернувшись три раза в воздухе, черт влетел в окно узенького отделения третьего класса, где было совершенно темно (из экономии вагоны третьего класса не освещаются на Цейлоне) и очень тесно и шумно. Там он вмешался в начинавшуюся ссору и в короткое время довёл её до довольно оживлённого состояния. Это немножко подняло его настроение, и, когда он догнал Лесли по дороге от станции к отелю, у него не было такого несчастного вида и, видимо, он готов был на дальнейшую борьбу. Хотя я заметил, что вообще теперь к вечеру он был только тенью самого себя, до такой степени было ему, очевидно, трудно пасти Лесли Уайта.

Лесли прошел к себе в комнату и, не зажигая огня, сел у стола. В этой комнате на него сразу нахлынула действительность, и он очень ярко ощутил, что больше не увидит Маргарет. Завтра утром она уезжает в Кэнди и оттуда в Индию. Его отпуск на днях кончается и, вероятно, его пошлют в командировку в джунгли, в юго-западную часть острова.

Он встал и включил электричество. Жмурясь от света, он закрыл ставни жалюзи и достал из стола толстую тетрадку, в которой вчера делал заметки.

Как-то странно чужим показалось ему сегодня всё, что он писал вчера. Точно год прошел со вчерашнего вечера. Всё было так наивно, почти по-детски. Лесли вспомнил утро и прогулку на катамаране. И это было тоже давно. Теперь он сразу начал понимать столько нового. У него точно раскрылись глаза. И всё это произошло в течение последних двух часов от разговора с Маргарет, от нахлынувших на него ощущений, от смутных воспоминаний чего-то. Все вчерашние мысли как-то перестроились на новый лад, когда в них вошла Маргарет, и стали ещё ближе, ещё реальнее и в то же время ещё недоступнее, ещё труднее.

— Нужно разобраться во всём этом, сказал себе Лесли и невольно оглянулся кругом. И почему-то комната отеля в этот момент показалась ему особенно пустой и скучной.

В дверь постучали.

— Приходите обедать, Уайт, — сказал голос за дверью. — Там приехал один человек, минералог из Ратнапуры, вам нужно познакомиться с ним.

Лесли не хотел идти обедать, но стены кругом смотрели на него как-то очень негостеприимно, казалось уж чересчур мрачно сидеть здесь одному, и он почти обрадовался предложению уйти отсюда и быть среди людей.

— Ладно, — сказал он.

Ещё полсекунды Лесли колебался. Скучно было одеваться. Но в то же время он чувствовал, что не в силах просидеть вечер один. Он слышал раньше про этого минералога из Ратнапуры. Это был человек, влюблённый в Цейлон, знающий местную жизнь лучше людей, родившихся на острове; человек того типа, с которыми Лесли любил встречаться, у которых всегда можно было что-нибудь узнать, чему-нибудь научиться.

Лесли нехотя встал и начал раздеваться. Черт так и забегал вокруг него. Скоро в смокинге, в высоком воротничке и в лакированных ботинках Лесли шел в столовую.

— Хэлло, Уайт, заходите сюда, — закричала компания из бара. Его познакомили с минералогом, и в то же время черт превратился в довольно объёмистую рюмку виски с пикомом и очутился в руке у Лесли. Лесли с недоумением посмотрел на рюмку, но выпил. — Нет, благодарю, — сказал он, когда ему стали наливать другую. Пить ему не хотелось. Но минералог его заинтересовал. Это был маленький, черный как жук, человек, сразу расположивший его в свою пользу сингалезскими анекдотами.

Вся компания пошла в столовую. Черт забежал вперёд и превратился в тарелку черепахового супа, ставшую перед Лесли. Полковник обедал в городе и на его место сел минералог. За разговором Лесли кончил суп и в честь гостя велел подать бутылку вина. Черт воспользовался этим и превратился в майонез из раков. Он имел очень аппетитный вид, и Лесли положил его себе гораздо больше, чем позволяло благоразумие. Белое вино со льдом уничтожило ощущение, что майонеза было слишком много, а черт к этому времени превратился в жареную рыбу с очень замысловатым соусом. Когда Лесли кончал свою порцию, я заметил, как черт, пошатываясь и держась за голову, отошел от стола.

Подали бифштекс из черепахи, потом жареную утку с салатом. И всё это, конечно, был черт.

Хотя черту это и нелегко доставалось, но он, очевидно, решил доканать Лесли. А Лесли, у которого никогда не было никаких неприятностей с желудком, ел всё, что перед ним ставили, тем более, что он ещё чувствовал разочарование в жизни, когда вспоминал о Маргарет.

Черт превратился в жареную баранину с каким-то кислым соусом. Потом в индюка, жареного с ветчиной, потом в пудинг, потом в сладкий крем; потом, совершенно непонятно почему, после сладкого, в горячий поджаренный тост с икрой. Вообще на столе проходило обычное нелепое цейлонское меню из полутора десятков довольно скверно приготовленных блюд, все по-

чему-то одинакового вкуса, но с очень большим количеством острых приправ, — больше подходящих для полюса, чем для экватора.

Затем, очевидно, уже из последних сил черт превратился в миндаль, синий изюм и в очень острый и жгучий «индийский десерт», фрукты с сахаром и имбирем, — и, наконец, стал перед Лесли в виде чашечки кофе. Хотя Лесли был и очень здоровый человек, но даже он почувствовал тяжесть во всём теле.

Минералог ехал в город. Два других соседа Лесли шли неподалёку играть в бридж. Он оставался один.

— Ну, вот и отлично, — подумал он лениво, — пойду работать.

Он встал, но после почти незаметного колебания, пошел не к себе в комнату, а на веранду.

— Нужно выпить соды, — сказал он себе. — Большую виски с содой, — сказал он бою.

На закрытой стеклянной веранде, в низких креслах с длинными ручками, на которые можно было класть ноги, дремало четыре человека с вчерашними газетами. Лесли набил трубку и взял газету. Принесли виски. Он отхлебнул из стакана, выпустил несколько клубов дыма и зевнул.

О чём-то ему нужно было думать, но мысли ползли в голову ужасно лениво.

— Завтра я всё это соображу, — сказал себе Лесли.

Ещё через полминуты он лениво положил погасшую трубку на столик. Потом он повернул голову набок, глубоко вздохнул, и ещё через полминуты его дыхание уже стало совершенно ровным.

Лесли спал.

А на ручке кресла, не желая всё-таки отойти от него, висел черт, совершенно прозрачный и мягкий, как пустой пузырь, из которого выпустили всё содержимое.

— Видишь, — сказал дьявол, — вот она наша жизнь. Это ли не самопожертвование? Подумай, ведь бедный черт должен следить за каждым его шагом, не оставлять его ни на одно мгновение, чуть не ежеминутно предоставлять ему себя на съедение, доходить вот до такого состояния и в результате всё-таки рисковать из-за его каких-нибудь глупых фантазий. Ну, что, разве кто-нибудь из вас был бы способен на что-нибудь подобное? А что бы с вами было без нас?

— Не буду спорить, — сказал я. — Вижу, что вы вкладываете много усилий и изобретательности в то, чтобы держать нас в своих руках. Но я не верю, чтобы такие простые средства действовали долго.

— Они действуют со времени Адама, — скромно сказал дьявол. — И их главное достоинство заключается именно в том, что они очень просты и не вызывают подозрений.

Люди в этом отношении разделяются на два разряда. Одни не предполагают опасности с этой стороны. Даже когда им говорят, они не хотят видеть её. Понимаешь, им даже смешно думать, что завтраки, обеды и ужины могут иметь какое-то отношение к их «духовному развитию», мешать ему и останавливать его. Им кажется оскорбительной сама мысль о такой зависимости духа от тела, они из самолюбия не могут допустить её и не желают считаться с этим. По их мнению, одна сторона жизни идёт сама по себе, а другая сама по себе. Конечно, вследствие этого, как все люди, обманывающие себя, они уже нашли.

А другие, наоборот, кусочком мозга поймут, где опасность, но сейчас же ударяются в противоположную крайность. Начинают проповедывать воздержание и аскетизм и доказывать, что это хорошо само по себе и угодно Богу, и высокоморально, и тому подобное. При этом обыкновенно они не столько следят за собой, сколько за своими ближними. Это наши любимые сотрудники.

— Пускай даже так, — сказал я. — Но всё-таки я уверен, что Лесли Уайт, раз уж он заинтересовался йогой, доберётся до сути дела.

Дьявол, видимо, со злобой стукнул ногой с копытом о камень и из скалы вылетел целый сноп искр.

— Ты прав на этот раз, — сказал он. — Лесли добрался до сути дела, и, что ещё хуже, он нашел пути сношения с другими такими же сумасшедшими. И теперь это создало для него очень опасное положение.

Я расскажу тебе, как это вышло.

— Началось всё с того, что, проезжая на юг Цейлона, он опять заехал в тот буддийский монастырь, где вы с ним познакомились. Ну вот, ты знаешь его привычку во всё совать нос. Расспрашивая о жизни монахов, он заинтересовался вопросом, что они едят, как едят, когда едят. И когда ему рассказали, что согласно правилам для буддийских монахов, они ничего не едят после полудня, он весь так и загорелся: — Почему это так?

В конце концов он решил попробовать такой режим на себе. И теперь он питается рисом и фруктами и ест один раз в день. А это очень опасная игра. Но ещё хуже другое. У него явилась мысль, что он не один. А ты знаешь, что когда у человека явится эта мысль, он очень скоро найдёт подтверждение. Кончилось это тем, что он узнал о существовании цепи. Говоря иначе, произошло то, что ему обещал старик-индус, что среди тёмной ночи он увидит огоньки людей, идущих в один храм, на один праздник. Ну, а это уже, знаешь, скверно. Я в этот бред не верю. Но людям это очень опасно, особенно таким, типа Лесли Уайта, которые не удовлетворяются хорошими

словами и добрыми намерениями. Я-то знаю, что это за праздник. Все эти люди идут к собственной гибели; летят, как бабочки, в огонь. Я уж это говорил тебе.

И ты понимаешь, их собственная гибель ещё туда-сюда, хотя мне и их жалко. Но, ведь они за собой и других тащат. Вот что ужасно. Я не верю ни в какую мистическую цепь, ни в какой храм, но я должен сказать тебе, что пробуждение каких-то стремлений в этом направлении меня пугает. И в конце концов мне придётся прибегнуть к экстренным мерам, тоже довольно старым, но взять их на этот раз в более сильной дозе.

— Что же это за меры?

— Ну, это я тебе теперь не могу сказать, я и так разболтал тебе слишком много. Скажу только, что это — ставка на благородство. И в этой игре я ещё ни разу не проигрывал.

— Да, откровенно говоря, меня удивило, что ты так разоткровенничался со мной, — сказал я. — Ведь я же могу всё это рассказать людям.

Дьявол рассмеялся неприятным дребезжащим смехом.

— Можешь рассказывать сколько хочешь, — сказал он. — Тебе никто не поверит. Потомки животных не поверят, потому что это им не выгодно, а потомки Адама не поверят из великодушия. Они решили, что во что бы то ни стало, надо считать потомков животных равными себе или даже самих себя считать потомками животных. Ну, а кроме того моё экстренное средство надолго остановит всякие разговоры. Теперь прощай!

Очевидно, дьявол меня хотел поразить на прощание. Он вдруг стал расти и подниматься. Скоро он стал выше слона, потом перерос пагоды. И, наконец, стал огромной черной тенью, перед которой я почувствовал себя маленьким, как это бывает иногда среди гор.

Черная Тень двинулась, я двинулся за ней. И на равнине Тень стала ещё больше, поднимаясь до неба. Потом за спиной Тени протянулись два черных крыла, и Тень начала отделяться от земли, постепенно закрывая всё небо, как черная туча.

С этим впечатлением я проснулся. Лил проливной дождь. Небо было затянуто серыми тучами, и по склонам гор разбегались обрывки туманов, сгущаясь опять в каждой ложбинке. Я чувствовал себя усталым, разбитым и больным. Постояв некоторое время на веранде, я решил, что никуда я не пойду, ничего смотреть не хочу и поеду обратно. Всё равно под этим дождём идти к храмам было невозможно, и потом теперь днём пещеры меня совсем не интересовали. Я чувствовал, что они будут пустые.

Пока мой возница запрягал лошадей в тонгу, я собирал свои вещи, и почему-то мне хотелось скорее уехать отсюда. О своём сне я мало думал. И я не мог даже сказать, был ли это, действительно, сон, или я просто фантазировал от скуки во время бессонницы...

Потом мы поехали опять с горы на гору, над пропастями, где далеко внизу чернели развалины, остатки водопроводов и водоёмов; проезжали сквозь ворота мёртвых городов, окруженных стенами — и с домами, внутри которых растут деревья; проехали Даулатабад с его крепостью на круглой скале, похожей, по выражению Пьера Лоти, когда-то бывшего в этих местах, на недостроенную вавилонскую башню и с башней-минаретом, в которой живут теперь дикие пчелы.

А на станции я узнал неприятную новость, что размыло дорогу и что мне придётся ждать неизвестно сколько времени, пока её починят. В результате я просидел там три дня. Но это уже относится к удовольствиям путешествия по Индии в сезон дождей.

Вскоре после этого я возвращался из Индии, и по дороге в Европу меня настигли вести о войне.

А в октябре в Лондоне я ещё раз видел Лесли Уайта.

Я ехал на верхушке омнибуса от Стрэнда к Пикадилли, и на углу Хеймаркет нас остановили проходившие солдаты.

Волянки весело наигрывали бойкий марш, отбивали дробь барабаны, и перед нами проходил, очевидно, вновь формируемый шотландский полк. Впереди на чистокровной английской лошади, длинной и тонкой, ехал полковник, прямой и широкоплечий, с большими опущенными усами, в маленькой шапочке с ленточками, и потом шли ряды солдат вперемешку с добровольцами, из которых многие были ещё не в форме: одни ещё в пиджаках, но уже в шотландских шапочках, другие ещё даже в шляпах, но уже все с ружьями; все молодец к молодцу, высокие, стройные и идущие тем особенным широким и лёгким шагом, каким ходят шотландские полки. Они были все удивительно стильны, я прямо загляделся на них, и полковник на своей лошади, и высокий худой унтер-офицер с голыми коленками, проходивший с моей стороны, не спуская глаз со своего взвода — во всех было что-то особенное, отличающее шотландцев от всех солдат всего мира.

Это особенное по-моему досталось им от Рима. Шотландские солдаты — это римские солдаты, сохранившие и свой шаг, и свой тип, и свой костюм. Форма шотландцев с голыми коленками, которая кажется очень смешной, когда мы говорим, что они одеты в «юбочки», на самом деле это римский костюм, переживший 2000 лет. И теперь суровая простота хаки, уничтожившая традиционные шотландские клетчатые ткани, ещё больше приблизила их к Риму.

Эти мысли и все другие, — мучительные и противоречивые мысли о войне, с которыми я жил два месяца, пробежали у меня в голове, пока я смотрел на солдат. И я опять ощутил весь этот кошмар, от которого временами я всё ещё надеялся проснуться.

Один взвод растянулся и потерял ногу. Высокий лейтенант, шедший сбоку, повернулся и коротко скомандовал что-то. Молодые солдаты, смеясь, подбегали, равнялись и быстро впадали опять в такт марша. Лейтенант остановился, с серьёзным взглядом пропуская их мимо себя. Это был Лесли Уайт.

Весело играли волынки и отбивали дробь барабаны, весело проходили солдаты и добровольцы с короткими ружьями на плечах. А мне вдруг стало как-то физически холодно.

Я не мог больше смотреть на солдат с эстетической точки зрения.

Я всё вспомнил: пещеры Эллары, храм Кайлас, и черную тень дьявола, и его угрозу, которую я тогда не понял.

Да, очевидно, это и было его *экстренное средство*, которое он собирался пустить в ход, чтобы отвлечь Лесли Уайта и других ему подобных от вредных мыслей и вредных стремлений.

В этот момент я ощутил всю невероятную безвыходность положения.

С одной стороны жертва Лесли Уайта и других, проходивших внизу, была прекрасна. Если бы они и многие другие не решили отдать свою жизнь, молодость, свободу — потомки животных уже совершенно явно диктовали бы всему миру свою волю. Варвары давно бы пришли в Париж, и, может быть, теперь они уже разрушили бы Notre Dame так же, как разрушили собор в Реймсе. Погибли бы умные старые химеры, которые всегда так много говорили мне; улетела бы от земли эта странная сложная душа... Сколько всего ещё они могли разрушить!...

И в то же время во всём, что происходило, было что-то ещё более ужасное. Я понимал, что потомки Адама могли оказаться в разных лагерях. Где им теперь узнать друг друга? Была или не была цепь, начала она создаваться или нет, я не знаю. Но я чувствовал, что теперь надолго была разбита всякая возможность понимания чего-либо. Все шашки опять были спутаны на доске жизни. И из глухих подземелий пошлости были выпущены на землю целые тучи лжи и лицемерия, которыми теперь должны были дышать люди, я не знаю сколько времени.

Солдаты прошли, и тяжелый омнибус, покачиваясь, двинулся вперёд, объезжая другой омнибус, остановившийся впереди.

— Что осталось теперь у Лесли Уайта от йоги и от буддизма? — спросил я себя. — Теперь он должен и думать, и чувствовать, и жить, как римский легионер, обязанность которого защищать от варваров *вечный город*. Совсем другой мир, другая психология. Теперь все эти тонкости — ненужная роскошь. Вероятно, он уже забыл о них или скоро забудет. А кто знает в конце концов, где больше варваров — за стенами вечного города или внутри стен. И как их узнать? Ключ опять брошен в глубокое море.

«Ставка на благородство», — вспомнил я слова дьявола. И я не мог не признать, что на этот раз он опять выиграл.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СИМВОЛЫ ТАРО. Философия оккультизма в рисунках и числах.....	5
Что такое таро?	7
Символы	28
РАЗГОВОРЫ С ДЬЯВОЛОМ. Оккультные рассказы.....	73
Рассказ первый	75
Рассказ второй	134

Петр Успенский

СИМВОЛЫ ТАРО • РАЗГОВОРЫ С ДЬЯВОЛОМ

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Том 190

На основании п. 2.3 статьи 1 Федерального закона № 436-ФЗ от 29.12.2010
не требуется знак информационной продукции, так как данное издание
классического произведения имеет значительную историческую,
художественную и культурную ценность для общества

Компьютерная верстка, обработка иллюстраций
Р. Уткина

Дизайн обложки, подготовка к печати
А. Яскевича

Гарнитура Гарамонд Премьер Про
12 кегль

Сдано в печать 09.08.2023

Объем 12 печ. листов

Тираж 3100 экз.

Заказ № 3944/23

Бумага матовая мелованная
Омела 115 г/м²

ООО «СЗКЭО»

Телефон в Санкт-Петербурге: +7 (812) 365-40-44

E-mail: knigi@szko.ru

Интернет-магазин: www.szko.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт»,
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс №3А,
www.pareto-print.ru

В начале XX века в России перед Первой мировой войной среди образованного населения началось увлечение мистицизмом. Отчасти это объяснялось тем, что во второй половине XIX века публикуемая на Западе огромная литература по оккультизму и «гипнотизму» благодаря церковной цензуре с трудом проникала на отечественный книжный рынок. Потом такие ограничения были сняты. В моду вошли спиритические сеансы. Недостатка в различных гуру, толковавших о «тайных знаниях», теософии, магии, экстрасенсорике и различных восточных системах самосовершенствования и познания, не было. Среди них было много откровенных шарлатанов, однако встречались и серьезные исследователи, пытавшиеся подойти к этим темам с научных позиций.

К примеру, немало времени изучению медиумов, а также их практик, посвятил выдающийся отечественный химик А. М. Бутлеров. Среди серьезных исследователей феномена оккультизма был также известный философ, писатель, журналист и путешественник Петр Демьянович Успенский (1878–1947).

В отличие от многих медиумов он обладал высшим образованием — получил солидную математическую подготовку. Другими достоинствами Успенского были широчайший кругозор и профессиональное владение словом. С 1907 года он начал сотрудничать с московской газетой «Утро»; его статьями зачитывались. К изучению оккультных знаний (на латыни *occultus* — «скрытый», «тайный») Петр Демьянович подошел самым добросовестным образом, совершив в 1908 году поездку в Индию, где он общался с индийскими йогами. В результате к 1914 году Успенский подготовил рукопись «Новая модель вселенной». По сути, это была своеобразная энциклопедия оккультных идей того времени. В ней, подводя итоги своих изысканий, Успенский говорил о том, что знания, полученные в результате эзотерического опыта и различных откровений, являются крайне субъективными и поэтому с трудом укладываются в стройную систему. И все же лекции Успенского по эзотерике пользовались неизменным успехом. В них он рассказывал в том числе и о гаданиях с помощью карт Таро. Посвященной им литературы на русском языке было мало, и первая часть данного издания — «Символы Таро. Философия оккультизма в рисунках и числах» — остается интересной и в наши дни. В этом исследовании Успенский не только рассказывает об истории появления карт Таро и методах их использования, но и дает свою оригинальную трактовку каждому символу. Во вторую часть книги включены два сочинения Петра Демьяновича, которые позволяют оценить его талант беллетриста.

